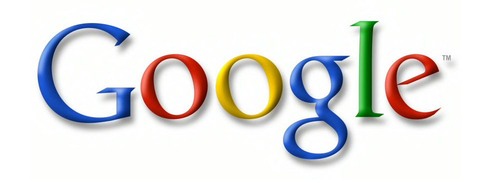
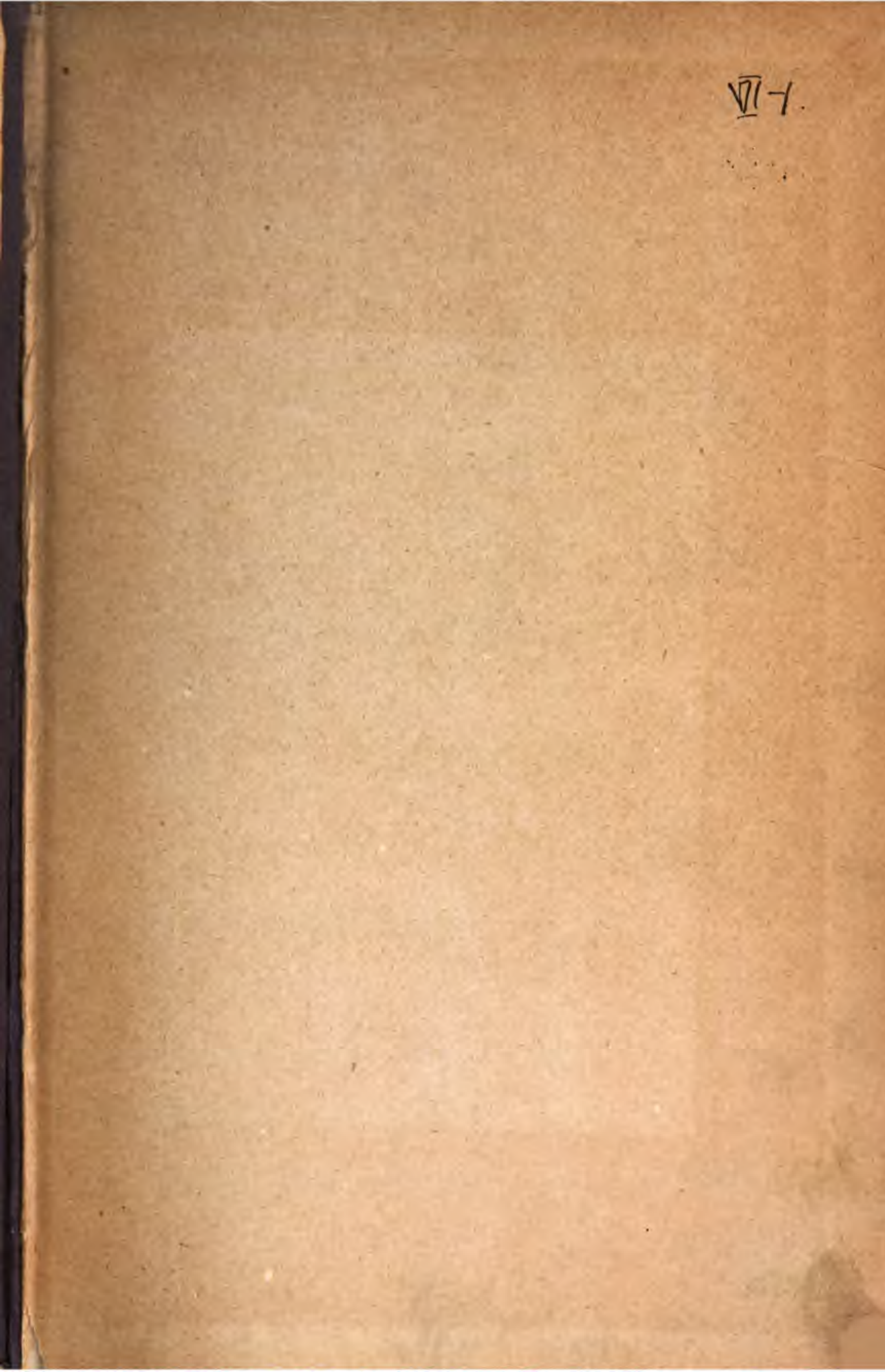

HDI
HL 1PED W

HARVARDIANAE
ET
VE
RI
TAS
ACADEMIAE
SIGILLVM
CHRISTO
ECCLESIAE
IN NOV ANG

VI-1.

Ѳ. Гордіевича.

СОЛОНЪ И ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изданіе второе дополненное.

ЧАСТЬ I.

СОЛОНЪ КАКЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬ.

КІЕВЪ.

Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елисаветинская улица, соб. домъ.

1883.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2-го Ноября 1883 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Солонъ и его стихотворенія.

Историко-филологическое изслѣдованіе

О. ГОРДІЕВИЧА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между великими и славными именами дошедшими до насъ отъ классической древности, имя Солона, безспорно, пользовалось и пользуется самою большею извѣстностію, самою большею популярностію. Ему дивились всѣ писатели Греціи и Рима, прославять и изучать его не перестаютъ и теперь. И это понятно, съ его именемъ соединяется рядъ всевозможныхъ реформъ и нововведеній, реформъ всесторонних, справедливыхъ и гуманныхъ, реформъ какихъ до него не зналъ міръ. Съ Солономъ, можно сказать, впервые масса аѳинскаго народа была призвана къ жизни въ полномъ смыслѣ этого слова. Благодаря ему, аѳинскій народъ получилъ возможность не только значительно улучшить и обезпечить свое матеріальное положеніе, но что еще важнѣе, изъ безличной массы онъ былъ сдѣланъ политическою единицею государства, былъ призванъ къ участію въ управленіи дѣлами самаго государства, чего онъ доселѣ не вѣдалъ.

Но кромѣ великихъ реформъ, которыми въ исторіи человѣчества ознаменована государственная дѣятельность Солона, съ его именемъ связано еще нѣчто такое, что даетъ ему мѣсто и среди греческихъ поэтовъ; а даютъ ему такое его стихотворенія, его поэтическія произведенія. Правда, отъ нихъ дошло до насъ очень не много, да и это немногое представляетъ собою въ большинствѣ случаевъ не цѣльныя стихотворенія, а только болѣе

или менѣе значительные отрывки. Но не смотря на все это, количество дошедшихъ до насъ стихотвореній Солона таково, что игнорировать ихъ, не обращать на нихъ никакого вниманія, нельзя. Еще большаго значенія получаютъ эти отрывки, если обратимъ вниманіе на ихъ автора, на то положеніе, какое занималъ онъ въ своемъ отечествѣ, и на тотъ геній, какой проявилъ онъ на поприщѣ законодателя и преобразователя аѳинскаго общества. Жизнь и дѣятельность Солона—фактъ имѣющій всемірное историческое значеніе; отсюда каждая строчка, каждое слово такого поэта является для науки неоцѣнимымъ сокровищемъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое поэзія, что составляетъ ея содержаніе? Не вдаваясь въ подробныя разсужденія на только что поставленный нами вопросъ, скажемъ словами Бѣлинскаго, что поэзія—это прежде всего свободное творчество, самостоятельная сфера сознанія, предметъ котораго составляетъ идеальное воспроизведеніе дѣйствительности. Что же составляетъ содержаніе этой послѣдней? Отвѣчаемъ, содержаніе дѣйствительности, какого нибудь историческаго момента, исторической эпохи составляютъ не только факты, но и идеи; а потому чѣмъ богаче сама дѣйствительность, тѣмъ богаче и многозначительнѣе содержаніе самой поэзіи, такъ какъ она въ сущности—ничто иное какъ отраженіе этой дѣйствительности. Что же, въ самомъ дѣлѣ, могло быть важнѣе эпохи Солона, эпохи, когда, можно сказать, впервые были нетолько поставлены, но и разрѣшены животрепещущіе вопросы государственной и частной жизни аѳинскаго народа. Въ этомъ случаѣ, полагаемъ, неособенно далеко уклонимся отъ истины, если скажемъ, что реформаторская дѣятельность Солона имѣла для Аѳинъ такое же самое значеніе, какое гораздо позже для Европы имѣла Французская революція конца прошлаго столѣтія; причемъ на сторонѣ реформъ Солона является то важное преимущество, что онѣ обошлись безъ тѣхъ ужасовъ несправедливостей и потрясеній, какими ознаменовала себя эта послѣдняя. Отсюда вполнѣ уясняется то великое значеніе стихотвореній Солона, какое мы приписываемъ имъ, оцѣнивая ихъ исключительно съ исторической точки зрѣнія. Но тѣже стихотворенія не лишены достоинствъ литературнаго, или лучше ска-

зать, поэтическаго характера. Какъ это увидимъ на своемъ мѣстѣ, стихотворенія Солона такого рода, что даже въ томъ жалкомъ и искалѣченномъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, смѣло могутъ быть причислены къ самымъ драгоцѣннымъ остаткамъ эллинской музы.

Въ виду всего этого, изученіе жизни и государственной дѣятельности Солона съ одной стороны, равно какъ и дошедшихъ до насъ его стихотвореній съ другой, мы сочли для себя дѣломъ по меньшей мѣрѣ не лишнимъ, особенно въ виду той скудости, какую представляетъ собою наша ученая литература по классической филологіи вообще и по занимаемому насъ вопросу въ частности.

Все сочиненіе наше, какъ этого слѣдовало ожидать изъ его заглавія, распадается на двѣ части: Содержаніе первой, послѣ предварительнаго обозрѣнія источниковъ и пособій вообще, и краткаго разбора нѣкоторыхъ особенно для насъ важныхъ сочиненій древнихъ авторовъ въ частности, составитъ изученіе жизни и дѣятельности Солона на поприщѣ законодателя и преобразователя аѳинскаго общества; а его литературная дѣятельность, равно какъ историко-филологическое обозрѣніе дошедшихъ до насъ его стихотвореній будетъ предметомъ второй части этого сочиненія.

Переходя затѣмъ къ обозрѣнію источниковъ и пособій, которыми пользовались мы при составленіи этого труда, считаемъ необходимымъ прежде всего сказать, что излагать ихъ мы будемъ не по порядку времени, въ которомъ жили ихъ авторы; при обозрѣніи мы будемъ руководствоваться не хронологіей, а тою важностію, тѣмъ значеніемъ, какое представляютъ они при изученіи жизни и дѣятельности Солона. Слѣдуя такому порядку, мы, полагаемъ, поступимъ совершенно правильно, если поставимъ на первомъ мѣстѣ Плутарха [1]). Отъ него мы имѣемъ ме-

---

[1]) Родился онъ въ Біотіи въ городѣ Коронеѣ.—Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Вѣроятнѣе всего родился онъ въ половинѣ перваго столѣтія нашей эры. Получивъ блестящее для того времени образованіе, уже въ молодости онъ посвятился изученію философіи, подъ руководствомъ знаменитаго тогдашняго философа Аммонія. Кромѣ того Плутархъ

жду прочимъ такъ называемыя параллельныя жизнеописанія знаменитѣйшихъ греческихъ и римскихъ дѣятелей—βίοι παράλληλοι между которыми находится βίος Σόλωνος; а такъ какъ послѣ жизнеописанія замѣчательной личности изъ исторіи Греціи онъ приводитъ параллель и сравненіе съ жизнію и дѣятельностью какого нибудь римскаго героя, то такая же параллель, такое же сравненіе выпало и на долю біографіи Солона въ лицѣ знаменитаго римскаго гражданина и полководца Публиколы (Comparatio Solonis cum Publicola). Кромѣ параллельныхъ жизнеописаній отъ того же Плутарха дошло до насъ много другихъ сочиненій, въ которыхъ иногда находимъ кое-какія извѣстія о Солонѣ. Но распространяться о нихъ здѣсь хоть сколько нибудь считаемъ совершенно лишнимъ, а потому достаточно будетъ остановиться на томъ изъ сочиненій Плутарха, которое въ данномъ случаѣ особенно важно—а именно на его параллельныхъ жизнеописаніяхъ. Какъ смотрѣлъ на свой трудъ самъ Плутархъ это лучше всего обнаруживается изъ слѣдующихъ словъ, взятыхъ нами изъ его біографіи Александра Великаго. »Я пишу жизнеописанія, но отнюдь не исторію. Добродѣтель и пороки невсегда проявляются въ дѣлахъ великихъ и блестящихъ; напротивъ, подчасъ самое ничтожное по своему значенію дѣйствіе, неосторожно сказанное слово, шутка обнаруживаетъ характеръ человѣка гораздо яснѣе, чѣмъ самыя кровопролитныя сраженія и осады. Подобно тому какъ живописецъ обращаетъ больше всего вниманіе на глаза, въ которыхъ характеръ человѣка обнаруживается больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, а на остальныя черты лица мало обращаетъ вниманіе; точно также и я долженъ былъ

много путешествовалъ, жилъ долго въ Римѣ, гдѣ успѣлъ завязать близкое знакомство со всѣми литературными и политическими знаменитостями, и въ одно время, говорятъ, былъ учителемъ будущаго императора Гадріана; нѣкоторые, какъ напр. Салисбюри (Іоаннъ) полагаютъ, что тотъ же Плутархъ былъ наставникомъ и Трояна—но это едвали вѣрно. На старости лѣтъ онъ былъ назначенъ греческимъ намѣстникомъ. Потомъ возвратился на родину, гдѣ неоднократно былъ избираемъ то въ архонты, то въ распорядители праздниковъ Пифійскаго Аполлона. Годъ его смерти одни относятъ къ 120, а другіе (Корсини) къ 134 послѣ Р. Х.

устремлять все свое вниманіе на внутреннія черты характера и сообразно имъ изображать жизнь лица; описаніе же великихъ подвиговъ и сраженій оставляю другимъ«. Такимъ взглядомъ на свой трудъ обусловливаются какъ достоинства, такъ и недостатки біографіи Плутарха. Къ этимъ послѣднимъ слѣдуетъ прежде всего отнести неполноту сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Не рѣдко о самыхъ важныхъ фактахъ изъ жизни изображаемаго имъ лица онъ упоминаетъ какъ бы вскользь, оставляетъ ихъ на заднемъ планѣ, вслѣдствіе чего для насъ многое въ его біографіяхъ остается если не совершенно темнымъ, то по крайней мѣрѣ несовсѣмъ яснымъ. Отъ указаннаго нами недостатка несвободно и жизнеописаніе Солона. Такъ напр. о такихъ важныхъ реформахъ Солона какъ Сейсахтія и раздѣленіе аѳинскихъ гражданъ Плутархъ распространяется въ нѣсколькихъ строчкахъ. Объяснять это его любовью къ сжатости и краткости едва ли можно, такъ какъ о другихъ, далеко не столь значительныхъ фактахъ, онъ распространяется на цѣлыхъ страницахъ. Такъ напр. въ вышеупомянутомъ нами жизнеописаніи Солона, если о законодательной его дѣятельности находимъ извѣстій сравнительно немного, за то здѣсь есть обстоятельная исторія дельфійскаго треножника; а по поводу встрѣчи Солона съ Ѳалесомъ Милетскимъ, Плутархъ пускается въ глубокомысленныя разсужденія о непрактичности тѣхъ, которые избѣгаютъ брака изъ страха предъ тѣми непріятностями и лишеніями, какія выпадаютъ на долю людей семейныхъ. Его разсказы нерѣдко перемѣшиваются множествомъ анекдотовъ, которые, сообщая имъ необыкновенную прелесть и занимательность, нисколько не увеличиваютъ ихъ научнаго достоинства. Кромѣ того въ изображеніи добродѣтелей и пороковъ нельзя не замѣтить той односторонности, съ какою онъ надѣляетъ ими своихъ героевъ. Посредствующихъ ступеней у него въ этомъ случаѣ нѣтъ: если изображаемый имъ герой-лице добродѣтельное, то оно кромѣ добродѣтелей ничего болѣе непредставляетъ; если же порочное—то оно въ его жизнеописаніи является воплощеніемъ всѣхъ пороковъ и недостатковъ. Не маловажный недостатокъ жизнеописаній Плутарха составляетъ также та небрежность въ хронологіи, которая у него проявляется на каж-

домъ шагу. Но какъ ни велики всѣ эти недостатки, они вполнѣ искупаются тѣми достоинствами, которыми такъ богаты жизнеописанія Плутарха. Біографіи эти не исторія, но высоко художественная лѣтопись, которая по своей простотѣ, задушевности и увлекательности не встрѣчаетъ себѣ ни въ одной литературѣ ничего подобнаго. Изображая жизнь какого нибудь лица, Плутархъ намъ не только разсказываетъ о немъ, но и представляетъ его словно на сценѣ; онъ вводитъ насъ въ его государственную и семейную жизнь, посвящаетъ насъ въ самыя сокровенныя тайны характера описываемаго имъ лица. Но что особенно поражаетъ насъ въ его жизнеописаніяхъ, такъ это громадная начитанность и то богатство источниковъ, знакомство съ которыми онъ обнаруживаетъ на каждомъ шагу. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ приводитъ до 250 писателей, изъ которыхъ слишкомъ 80 извѣстны въ настоящее время только по имени. Что же касается источниковъ, которыми Плутархъ пользовался при составленіи жизнеописанія Солона, то таковыми были прежде всего его кирбы (κύρβεις) [1]) и стихотворенія. Къ сожалѣнію отъ того и другаго въ своемъ жизнеописаніи онъ приводитъ намъ очень немного. Кромѣ того для той же цѣли пользовался онъ сочиненіями Дидима, Гераклида Понтика, Теофраста. Гермиппа и др.

Послѣ Плутарха однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для нашего сочиненія служилъ Діогенъ Лаэрцій [2]). Отъ него дошло до насъ сочиненіе, полное заглавіе котораго читается слѣдующимъ образомъ: περὶ βίων δογμάτων καὶ ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκιμησάντων. Содержаніе этого сочиненія, какъ видно изъ заглавія, составляетъ жизнь-ученія, и изрече-

[1]) Такъ назывались треугольники, на которыхъ были написаны законы Солона. О нихъ въ своемъ мѣстѣ скажемъ подробнѣе.

[2]) Личность этого писателя, равно какъ и время, въ которое онъ жилъ, остается неизвѣстнымъ. Одни полагаютъ, что родился онъ въ Лаэртѣ небольшомъ городкѣ мало-азіатской провинціи Киликіи, отъ чего и получилъ свое названіе Λαέρτιος. Другіе напротивъ утверждаютъ, что названіе это римскаго происхожденія, которое Діогенъ получилъ отъ своего патрона. Время, въ которое онъ жилъ и писалъ вѣроятнѣе всего совпадаетъ съ царствованіемъ Септимія Севера и его преемниковъ.

нія греческихъ философовъ, а такъ какъ къ плеядѣ ихъ, извѣстной подъ именемъ семи мудрецовъ, принадлежитъ и Солонъ, то у Діогена Лаэрція нашелъ себѣ мѣсто и онъ—а именно послѣ Өалеса. Сочиненіе это представляетъ собою не самостоятельный трудъ ученаго, а трудолюбивую компиляцію нелишеннаго таланта грамматика-полигистора. Въ свои жизнеописанія онъ вносилъ все, что только могъ и вносилъ при томъ безъ соблюденія какой либо послѣдовательности и системы—объ отсутствіи критики здѣсь и говорить нечего. Тѣмъ не менѣе сочиненіе это для науки имѣетъ громадное значеніе, какъ единственная исторія философіи, какую оставила намъ классическая древность—и безъ него исторія греческой философіи представляла бы несравненно большіе пробѣлы, чѣмъ это происходитъ теперь. Что же касается жизнеописанія Солона, какое мы находимъ у Діогена Лаэртія, то о немъ нужно сказать, что оно является у него слишкомъ сжатымъ; а это происходитъ отъ того, что составляя это жизнеописаніе, Діогенъ Лаэрцій имѣлъ въ виду не Солона, какъ законодателя и преобразователя аѳинскаго общества, но скорѣе какъ философа и поэта, вслѣдствіе чего свѣдѣній о государственной дѣятельности Солона у Діогена Лаэрція мы находимъ очень немного. Кромѣ этихъ извѣстій о Солонѣ, въ томъ же жизнеописаніи мы находимъ десятокъ—другой стиховъ изъ различныхъ его поэтическихъ произведеній и четыре письма писанныя Солономъ къ Періандру, Эпимениду, Пизистрату и Крезу, подлинность которыхъ, по мнѣнію ученыхъ, болѣе чѣмъ сомнительна.

Не маловажнымъ источникомъ для изученія государственной дѣятельности Солона является Аристотель своимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ въ наукѣ подъ заглавіе πολιτικὴ 'ακρόασις или πολιτικά въ 8 книгахъ [1]). Хотя далеко не всѣ мнѣнія и

[1]) Кромѣ этого сочиненія по части политики и вообще государствовѣдѣнія Аристотель, написалъ другое—подъ заглавіемъ πολιτεῖαι πόλεων въ которомъ онъ описалъ устройство государственнаго быта слишкомъ 150 различныхъ греческихъ (и нѣкоторыхъ негреческихъ) городовъ и государствъ. Къ сожалѣнію отъ этого капитальнаго труда Аристотеля дошли до насъ только небольшіе отрывки. Большая часть цитатъ изъ политики приведена нами по переводу Скворцова.

выводы высказываемые Аристотелемъ такого рода, чтобы съ ними безусловно можно было согласиться и въ настоящее время, тѣмъ не менѣе сочиненіе это по своей строгой логической послѣдовательности и точности не находитъ въ древности ничего подобнаго, а по богатству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній оно представляетъ собою очень богатый источникъ для изученія теоретической и практической политики философовъ и государственныхъ дѣятелей древней Греціи. Уже изъ одного заглавія этого сочиненія мы вправѣ ожидать, что здѣсь найдемъ болѣе или менѣе обстоятельныя извѣстія и о Солонѣ. Къ несчастію объ этомъ замѣчательномъ законодателѣ такихъ извѣстій у Аристотеля находимъ немного. Правда, девятая глава седьмой книги политики Аристотеля (въ другихъ изданіяхъ книга эта по счету числится второю) посвящена исключительно обозрѣнію законодательной дѣятельности различныхъ греческихъ законодателей въ томъ числѣ и Солона. Но по отзывамъ всѣхъ ученыхъ издателей и комментаторовъ Аристотеля, оказывается, что это мѣсто политики Аристотеля, дошло до насъ не только въ неполномъ, но что еще хуже, крайне искаженномъ видѣ [1]). Въ этомъ сочиненіи Аристотеля мы находимъ нѣсколько свѣдѣній то о томъ, то о другомъ законѣ или распоряженіи Солона, напр. о дѣленіи жизни человѣка на седьмицы. Кромѣ политики и нѣкоторыя другія сочиненія Аристотеля не лишены нѣкотораго значенія при изученіи законодательной и поэтической дѣятельности Солона; къ такимъ можно отнести: Ἠθικὰ Νικομάχεια, περὶ ποιητικῆς а особенно τέχνη ῥητορική. Послѣ вышеуказанныхъ нами сочиненій самый важный источникъ представляетъ собою плеяда аттическихъ ораторовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Демосѳенъ, этотъ, какъ его называетъ Плутархъ, ῥητόρων δυνατώτατος. Правда ни Демосѳенъ, ни другіе греческіе ораторы не оставили послѣ себя никакого сочиненія, спеціально посвященнаго изложенію той или другой стороны государственной дѣятельности Солона. Но за то рѣчи эти служатъ немаловажнымъ пособіемъ для знакомства съ государственнымъ бытомъ и законами Аѳинъ. Изъ

---

[1]) Гетлингъ въ этомъ случаѣ идетъ дальше и полагаетъ, что вся девятая глава второй книги подложна.

многочисленныхъ рѣчей Демосѳена самое большое значеніе для насъ представляютъ его такъ называемыя судебныя рѣчи Λόγοι διχανιχοί, изъ которыхъ мы считаемъ необходимымъ привести слѣдующіе: 1) κατὰ Νεαίρας a); 2) Ἔφεσις πρὸς Εὐβολίδην, 3) πρός Μακάρτατον, b); 4) ὁ πρὸς Λεπτίνην λόγος c); 5) ὁ κατὰ Ἀριςτοκράτους λόγος; 6) ὁ κατὰ Ἀριστογείτονος λόγος; 7) Ὁ κατὰ Τιμοκράτους, 8) περὶ της παραπρεσβείας d); πρός Φαίνιππον e);

Пускаться здѣсь въ литературную оцѣнку какъ тѣхъ, такъ и другихъ рѣчей считаемъ совершенно лишнимъ. Скажемъ только, что Демосѳенъ, равно какъ и другіе ораторы, приписываетъ Солону такія реформы, такіе законы, которые никоимъ образомъ не могли принадлежать ему—а потому реформаторская дѣятельность Солона носитъ у Демосѳена черезчуръ демократическій характеръ, что, какъ это увидимъ ниже, далеко не согласно съ дѣйствительностію.

Послѣ Демосѳена изъ другихъ греческихъ ораторовъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь объ Эсхинѣ [1]), Исократѣ [2]), Лизіѣ, Ликургѣ и Изеѣ, на рѣчи которыхъ не разъ намъ придется сослаться при изложеніи законодательной дѣятельности Солона.

---

a) Рѣчь эта, которая впрочемъ далеко не всѣми учеными приписывается Демосѳену, заключаетъ въ себѣ между прочимъ полный текстъ Солонова закона—περὶ Μοιχείας.

b) Рѣчь эта по числу приводимыхъ въ ней законовъ о завѣщаніяхъ, наслѣдствѣ и проч. одна изъ самыхъ важныхъ.

c) Рѣчь эта, принадлежащая къ числу самыхъ лучшихъ рѣчей Демосѳена, содержитъ въ себѣ между прочимъ тотъ законъ (не совсѣмъ вѣрно приписываемый Солону), который опредѣляетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ предлагать новые и отмѣнять старые законы.

d) Въ этой рѣчи находится между прочимъ стихотвореніе или отрывокъ стихотворенія въ 40 стиховъ подъ заглавіемъ: ὑποθῆκαι εἰς Ἀθηναίους

e) Въ этой рѣчи между прочимъ находится законъ, не совсѣмъ вѣрно приписываемый Солону, объ Αντίδοσις..

[1]) Отъ этого оратора до насъ дошло всего три рѣчи: Κτησιφῶνος κατὰ Τίμαρχον, и περὶ παραπρεσβείας.

[2]) Изъ его рѣчей, какъ болѣе важныя, можно указать слѣдующія двѣ: πανηγυρικός и ἀρεiοπαγιτικός. Въ послѣдней рѣчи, сказанной имъ въ присутствіи Ареопага, Исократъ совѣтуетъ возстановить законы Солона—отмѣненные Клисѳеномъ и его преемниками.

Говоря о греческихъ источникахъ, которыми пользовались мы, считаемъ необходимымъ сверхъ приведенныхъ нами выше упомянуть еще и о слѣдующихъ писателяхъ, сочиненія которыхъ не лишены нѣкотораго значенія при изученіи жизни и дѣятельности Солона—къ нимъ мы относимъ: Платона, Атенея [1]), Филона [2]), Павзанія, Секста Эмпирика, Прокла, Стобея, Діодора Сицилійскаго, Поллюкса, Діона Хризостома [3]), Аристида [4]), а также византійскаго грамматика неизвѣстнаго времени Свиду [5]). Но эти писатели, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ, не представляютъ особеннаго значенія для этой части нашего сочиненія. Въ нихъ извѣстій о государственной дѣятельности Солона или не встрѣчаемъ вовсе или находимъ ихъ очень немного. Все значеніе сочиненій этихъ писателей ограничивается для насъ, по большей части, тѣмъ, что въ нихъ мы находимъ болѣе или менѣе значительные отрывки стихотвореній Солона или указанія на нихъ.

Этимъ, собственно говоря, мы могли бы покончить наше обозрѣніе источниковъ и пособій, пользоваться которыми необходимо было при изученіи жизни и законодательной дѣятельности Солона. Главнымъ и, можно сказать, единственнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ является греческая литература.

---

1) Софистъ современникъ Марка Аврелія и Коммода—отъ него дошло до насъ сочиненіе подъ заглавіемъ: δειπνοσοφισταί въ 15 книгахъ.

2) Филонъ, въ отличіе отъ другихъ называемый Жидомъ, жилъ въ 1-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Отъ него между прочимъ дошелъ до насъ комментарій на первую главу книги бытія подъ заглавіемъ: περὶ Μωίσεος κοσμωποίας—важный для насъ тѣмъ, что здѣсь находимъ почти цѣлое стихотвореніе Солона о Седьмицахъ.

3) Жилъ въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Х. Въ свое время пользовался славою величайшаго оратора—написалъ множество рѣчей нравственнаго, философскаго и политическаго содержанія, изъ которыхъ до нашего времени сохранилось почти 80. Изъ этихъ рѣчей для насъ особенно важна 31-я по тѣмъ извѣстіямъ, какія находимъ въ ней о Сейсахтіи.

4) Знаменитый Софистъ; жилъ во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х.

5) Знаменитый греческій лексикографъ—жилъ по мнѣнію однихъ въ 10, а по мнѣнію другихъ въ 11 или 12 столѣтіи послѣ Р. Х. Въ различныхъ мѣстахъ его словаря мы находимъ много извѣстій о Солонѣ, его реформахъ и учрежденіяхъ.

Что же касается римской литературы, то она не представляетъ собою положительно ничего такого, что могло бы увеличить или пополнить извѣстія о Солонѣ, почерпаемыя изъ сочиненій греческихъ авторовъ. Извѣстія, какія мы находимъ о немъ у римскихъ писателей, какъ напр. у Цицерона, Тита Ливія, Авла Геллія, Сенеки и другихъ крайне скудны и носятъ характеръ нѣкоторой случайности. Причемъ замѣчательно то, что если о законодательствѣ Солона, о его законахъ то тамъ, то сямъ встрѣчаемъ хотя какія нибудь указанія или намеки, то за то о поэтической его дѣятельности не находимъ здѣсь почти ни слова. Почти у всѣхъ римскихъ писателей Солонъ прежде всего является великимъ философомъ [1]) и ораторомъ [2]). Что же касается римской полуобразованной публики, то здѣсь имя Солона сдѣлалось почти нарицательнымъ именемъ философа; такъ было по крайней мѣрѣ во время сатирика Персія, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ, [3]), влагаемыхъ имъ въ уста центуріона:

. . . . non ego curo esse quod Arcesilas, aerumnosique Solones. Въ заключеніе скажемъ два три слова о хронологическихъ данныхъ относительно жизни и дѣятельности Солона. Извѣстно, что хронологическую точность и опредѣленность греческая исторія получаетъ отнюдь не раньше времени появленія тираніи Пизистрата, которая въ этомъ случаѣ замѣчательна тѣмъ, что представляетъ собою въ греческой исторіи первый фактъ, съ котораго начинается непрерывная цѣль хронологическихъ данныхъ [4]). Что же касается времени рожденія Солона, выдающихся фактовъ изъ его государственной дѣятельности и наконецъ его смерти, то это такіе вопросы,

---

[1]) Ante Solonis aetate de nullo ut diserto memoriae proditum est Cic. in B.

[2]) Solon, qui Athenas aequo jure fundavit inter septem sapientes notus. Сенека—Ep. XC.

Is Solon ex septem illis inclitis sapientibus fuit. Авлъ Геллій. Noctes Atticae Lib. XI Cp. XVIII.

[3]) Sat. Pers. III, 78—79.

[4]) Вотъ что говоритъ объ этомъ вопросѣ знаменитый англійскій ученый Клинтонъ, голосъ котораго въ вопросахъ о хронологіи греческой исторіи считается, и не безъ основанія, авторитетнымъ: The government of Pisistratus at Athens was a remarkable epoch distinguished by many

для которыхъ нѣтъ такихъ положительныхъ данныхъ [1]), при помощи которыхъ можно было бы пріурочить ихъ незыблемо къ такому, а не другому году; и потому при разрѣшеніи трудностей подобнаго рода придется прибѣгать къ гипотезамъ и догадкамъ, подкрѣпляя ихъ всѣми возможными историческими данными.

---

peculiar characters. In a chronological view, it ist marked as being the first date in Grecian history from which an unbroken series of dates can be ceduced in regular succession. См. введеніе XXVII главу.

[1]) По словамъ этого ученаго: The travels of Solon, and the time of his death are involved in great obscurity. См. Fasti Hellenici. The civil and literary Chronology of Greece from the LV-th to the CXXV-th olympiad by Henry Fynes Clinton.

Историческій очеркъ развитія греческаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Солона.

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ факторовъ, на которомъ если не зиждется, то по крайней мѣрѣ регулируется жизнь людей обществами, является право. Безъ права нѣтъ общества, нѣтъ государства. Ubi societas ibi jus говоритъ латинская пословица. Развитіе государства, въ смыслѣ объединяющей и централизующей силы, идетъ параллельно съ развитіемъ права. Чѣмъ слабѣе узы, соединяющія отдѣльныя личности, отдѣльныя семьи въ одно цѣлое, называемое общиной или государствомъ (civitas, πόλις), чѣмъ незначительнѣе та сфера, въ которой общественная власть можетъ проявлять свою единую волю, тѣмъ незначительнѣе сумма правовыхъ положеній или опредѣленій, тѣмъ проще механизмъ той безличной силы, которая называется закономъ. И на оборотъ, чѣмъ сильнѣе дѣлается центральная государственная власть, чѣмъ менѣе самостоятельности и независимости въ отдѣльныхъ живыхъ частяхъ государственнаго организма, тѣмъ сложнѣе аппаратъ законодательства, которое должно, если не формулировать, то по крайней мѣрѣ регулировать жизнь этого организма. Въ VI и слѣдующихъ затѣмъ столѣтіяхъ до Р. Х. греческая легислятура вообще, а афинская въ особенности, развивается до такой степени, что ея законоположенія проникаютъ собою почти всѣ стороны частной и общественной жизни гражданина. Государственная власть, насколько она можетъ воплотиться въ законѣ, подчиняетъ своему контролю не

только общественную, но и частную жизнь гражданъ. Даже дѣятельность въ области искуства, если она теряла частный индивидуальный характеръ, не была изъята изъ подъ надзора центральной власти. Полиція нравовъ въ Афинахъ (а еще больше въ Спартѣ) усилилась до такихъ размѣровъ, что мнѣніе тѣхъ писателей, которые греческія республики считаютъ государствами по преимуществу полицейскими, далеко не лишено всякаго основанія. Но не государство является первобытною формою человѣческаго общежитія. Сравнительное изученіе первоначальнаго быта индоевропейскихъ народовъ показываетъ, что прошелъ не малый рядъ цѣлыхъ столѣтій, когда единственною формою общежитія была семья, изъ которой впослѣдствіи тѣмъ или другимъ путемъ образовался патріархальный или родовой бытъ. Та и другая эпоха лежитъ далеко за рубежемъ исторіи. Если сущность той формы общежитія, которая называется родомъ (γένος, gens) наука успѣла выяснить, по крайней мѣрѣ, отчасти, за то состояніе человѣчества, когда ассоціаціи не распространялись дальше семьи, покрыто непроницаемою тьмою. Тѣмъ не менѣе есть полное основаніе не только полагать, но и считать безусловно вѣрнымъ мнѣніе, что въ первобытную эпоху инстинктъ и грубый произволъ были единственными регуляторами желаній и дѣйствій человѣка. О какихъ бы то нибыло правовыхъ положеніяхъ тутъ не было и рѣчи. Преданія хотя и темныя объ этомъ времени сохранились въ поэзіи, а именно въ разсказѣ Гомера о циклопахъ [1]), о которыхъ онъ говоритъ,»что у нихъ нѣтъ ни совѣщательныхъ собраній ни законовъ. Живутъ они на вершинахъ горъ въ обширныхъ (выдолбленныхъ) пещерахъ. Каждый владычествуетъ (судитъ) надъ своими женами и дѣтьми, нисколько не заботясь о другихъ». Но такое состояніе человѣчества не могло продолжаться вѣчно. Человѣкъ, говоря словами Аристотеля, существо общественное τὸ πολιτικὸν ζῶον и раньше или позже

а) τοῖσιν δ' οὔτ' ἀγοραὶ βουλεφόροι οὔτε θέμιστες,
ἀλλ' διγ' ὑψηλῶν ὀρέων ναίουσι κάρηνα
ἐν σπέσσι γλαφυροῖσι, θεμιστεύει δὲ ἕκαστος
παίδων ἠδ' ἀλόχων οὐδ' ἀλλήλων ἀλέγουσιν. Od,s. IX 112.

изолированная жизнь людей отдѣльными семьями должна была уступить другой болѣе сложной, болѣе широкой формѣ общежитія. Такою новою формою общежитія является союзъ нѣсколькихъ родовъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, какъ напр. у грековъ подъ именемъ фратіи или филы, а у римлянъ подъ именемъ куріи или трибы. Вмѣсто прежней замкнутости и родовой обособленности являются небольшія общины и затѣмъ эти общины добровольно или насильно соединяются въ политическіе агрегаты болѣе сложные и создаютъ такимъ образомъ государство (πόλις). Чѣмъ обусловливалось образованіе государства, вслѣдствіе какихъ побудительныхъ причинъ люди стали соединяться въ большія общества, на этотъ вопросъ наука не дала еще окончательнаго отвѣта. Въ XVI столѣтіи въ первые явилась теорія, достигшая высшаго развитія въ сочиненіяхъ Руссо, Канта и Фихте, которая видитъ въ государствѣ институтъ, обязанный своимъ происхожденіеиъ свободной волѣ человѣка, говоря проще, государство создалъ взаимный договоръ людей. Почти одновременно съ этой теоріей явилась другая, которая активное творческое начало въ созданіи государства видитъ въ религіи. Теорія эта впервые формулированная италіянскимъ философомъ и ученымъ Вико въ его Scienze Nuova была развита съ особенной силой Фюстель Куланжемъ въ его капитальномъ сочиненіи La Cité Antique [1]). Наконецъбыли и такіе ученые какъ напр. Гобсъ, которые всѣ трудности, съ какими связанъ вопросъ о происхожденіи государства, обходили очень легко, указывая на простой

---

[1]) Хотя Вико и Куланжъ творческій факторъ при созданіи первой общины видятъ въ религіи, однако между ними та разница, что Куланжъ происхожденіе античной общины ставитъ въ непосредственную связь съ культомъ домашняго очага, въ частности съ поклоненіемъ душамъ умершихъ предковъ; по мнѣнію же Вико страхъ, какой наводили на души первобытныхъ людей громъ и молнія, не только навелъ этихъ людей на мысль о существованіи какого то высшаго существа, но и заставилъ ихъ соединиться въ одно цѣлое и составить родъ. Le commencement de la religion fut celui de la societé. Le géants, effrayés par la foudre qui leur revèle une puissance superieure, se refugient dans les cavernes. Ils s'assurent d'un asile regulier... et la famille a commencé. Principes de la philosophie de l'histoire—Trad. I. Michelet 2—37.127.

случай (hasard) какъ на исходную причину появленія перваго государства, первой общины. Не вдаваясь въ подробный разборъ всѣхъ теорій, какія были высказаны по вопросу о происхожденіи государства, скажемъ, что всякая теорія, объясняющая появленіе общины и государства однимъ какимъ нибудь принципомъ, какимъ нибудь началомъ, заранѣе должна быть признана одностороннею. Не вслѣдствіе взаимнаго договора, не вслѣдствіе права образовались первыя общества (ссылка нѣкоторыхъ на Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты ни коимъ образомъ не можетъ быть признана убѣдительною). Право, по весьма справедливому выраженію Франца (Физіологія государства), не производитъ никакихъ соединеній, напротивъ, вездѣ предполагаетъ уже готовыя фактическія соединенія, на которыя оно, то есть право, дѣйствуетъ прежде всего регулятивно а не конституивно. Оно приводитъ въ порядокъ уже существующія соединенія, но не созидаетъ новыхъ. Нельзя всего приписывать также и религіи.

Въ созданіи первыхъ обществъ участвовало много причинъ. Но если религія не могла быть единственнымъ началомъ, вызвавшимъ появленіе болѣе значительныхъ ассоціацій, за то въ глубокой древности она была тѣмъ знаменемъ, которое привлекало къ себѣ людей болѣе всякаго другаго начала и вокругъ котораго люди стали соединяться въ болѣе сложныя группы. Одновременно (но далеко не въ такой степени) съ религіей выступаетъ на сцену другой элементъ, которому суждено было играть особенно важную роль въ созданіи и развитіи политическихъ ассоціацій. Элементомъ этимъ было право. На первыхъ порахъ, когда люди жили отдѣльными родами, когда единственною формою общежитія была болѣе или менѣе усложнившаяся семья, правомъ для этой семьи была воля того родоначальника, того владыки, который стоялъ во главѣ этой семьи. Права, въ строгомъ значеніи этого слова, тогда не было, понятіе о правѣ тогда было равносильно понятію о привычкѣ или обычаѣ. Первыя правовыя понятія стали появляться не раньше, чѣмъ отдѣльныя семьи стали соединяться въ роды, а эти послѣдніе начали создавать болѣе сложные соціальные аггрегаты. Но какъ нѣчто самостоятельное, стоящее внѣ всякой зависимости, внѣ всякой связи

съ религiей право является не скоро. Существованiе права въ обществѣ предполагаетъ уже болѣе или менѣе значительное моральное и интеллектуальное развитiе этого общества. Количество правовыхъ положенiй обусловливается прежде всего наличнымъ присутствiемъ тѣхъ моральныхъ правилъ или понятiй, какiя успѣло выработать данное общество; а такъ какъ всякое моральное правило находитъ свою санкцiю (покрайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) въ религiи, а потому право и религiя долгое время были явленiями тождественными. Первоначально религiя и право существовали безраздѣльно. Прошелъ цѣлый рядъ вѣковъ, прежде чѣмъ религiя и право отдѣлились другъ отъ друга до того, что они составили двѣ самостоятельныя сферы въ жизни государственнаго организма. Мало того, далеко не во всѣхъ государствахъ или обществахъ историческая жизнь или культура шла такимъ путемъ, чтобы религiозная и правовая область могли получить отдѣльное другъ отъ друга независимое существованiе. Браминская Индiя такъ и замерла на той степени политическаго развитiя, при которомъ юридическiя понятiя и требованiя ничѣмъ не отличаются отъ религiозныхъ. Никогда, собственно говоря, не зналъ полнаго разграниченiя между этими двумя началами т. е. религiознымъ и юридическимъ и греческiй мiръ.

Выше мы замѣтили, что между правомъ и обществомъ, между развитiемъ права и развитiемъ общества существуетъ тѣсная связь, которая съ особенною силою обнаруживается на первыхъ порахъ политической жизни общества. Нѣтъ общества-нѣтъ и права. А такъ какъ первою формою человѣческаго общежитiя была семья, былъ родъ, а потому раньше другихъ получило начало семейное или частное право. Родившись изъ обычая или инстинкта, обусловленнаго естественно бытовыми данными, въ которыя была поставлена жизнь первой семьи, перваго рода, право это, будучи освящено временемъ и религiею, является самымъ прочнымъ юридическимъ фактомъ, менѣе другихъ податливымъ постороннимъ влiянiямъ. Съ теченiемъ времени сфера общественности расширяется. Политическiй или общественный агрегатъ усложняется на столько, что онъ заключаетъ въ себѣ

много нѣкогда совершенно самостоятельныхъ родовъ. Понятно, что одного семейнаго или обычнаго права для регулированія взаимныхъ отношеній такого общества было уже недостаточно. Его было достаточно для семьи, для одного рода, гдѣ скудный запасъ правовыхъ положеній пополнялся приказаніями ничѣмъ неограниченнаго родовладыки. Когда же новая ассоціація представляла собою союзъ многихъ родовъ, область правовыхъ отношеній увеличилась, а вмѣстѣ съ нею явилась необходимость такой силы, такого института, который былъ бы въ состояніи поддерживать гармонію не только между членами одной и тойже семьи, одного и того же рода, но также и между членами разныхъ родовъ. Теперь явилась надобность въ публичномъ правѣ, надобность въ такихъ правовыхъ положеніяхъ, подчиненіе которымъ обязательно было бы для членовъ всѣхъ родовъ. Впрочемъ публичное или государственное право долгое время не вмѣшивалось во внутреннюю жизнь родовъ. Первоначальная общественность, первоначальное государство было союзомъ не отдѣльныхъ лицъ, какимъ оно считается въ настоящее время, а союзомъ отдѣльныхъ семействъ или родовъ, которые, соединяясь въ одно цѣлое, именуемое общиной, тѣмъ не менѣе не теряли права уряжать свои внутреннія дѣла самостоятельно, независимо отъ центральной власти. Вслѣдствіе этого произошло то, что первоначально публичное или общественное право подчинило себѣ сравнительно весьма немногія правовыя отношенія общины. Юрисдикція первоначальнаго публичнаго или государственнаго права распространилась прежде всего на тѣ факты общественной и частной жизни, которые непосредственно относились къ религіи, во имя которой и подъ знаменемъ которой сложилась община. Одинаково важное значеніе имѣло это право и въ вопросахъ о безопасности и защитѣ отъ нападеній извнѣ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ членовъ этой общины между собою юрисдикціи первоначальнаго публичнаго права не подлежали. Правонарушенія или преступленія противъ личности и противъ собственности очень долго не находили себѣ никакихъ опредѣленій въ публичномъ или государственномъ правѣ. Расправа съ убійцами всецѣло падала на родственниковъ убитаго. Съ теченіемъ време-

ни центральная власть начала усиливаться, а это усиленіе повлекло за собою расширеніе сферы общаго публичнаго права. Отдѣльные роды, отдѣльныя филы потеряли значительную долю своихъ правъ въ пользу общей государственной власти.

Обращаясь затѣмъ къ исторіи Греціи, къ тому состоянію, въ какомъ находилась она, въ такъ называемый героическій періодъ, мы видимъ, что право стоитъ здѣсь еще на весьма низкой степени развитія. Гомеру, видимо, совсѣмъ незнакомо слово νόμος Правовыя понятія у него обозначаются двумя словами то θέμιστες то δίκη. Эти θέμιστες не какія нибудь прочныя законоположенія, а только приговоры, произносимые судьями подъ внушеніемъ боговъ. Человѣческій умъ на первыхъ порахъ своего развитія во всѣхъ фактахъ и явленіяхъ, какія его окружаютъ, видитъ результатъ тайнаго дѣйствія какой то сверхъестественной божественной силы, вліяніе или внушеніе божества видѣли греки героическихъ временъ и въ θέμιστες. Волѣе развитую ступень юридическаго пониманія героическій періодъ представляетъ въ словѣ δίκη. Независимо отъ θέμιστες своимъ порядкомъ продолжали существовать унаслѣдованные отъ предковъ обычаи древности, которые, будучи освящены религіей и сами составляя часть религіозныхъ вѣрованій, впослѣдствіи сдѣлались нормой при рѣшеніи различныхъ споровъ и опредѣленіи взаимныхъ правовыхъ отношеній. Совокупность такихъ правовыхъ обычаевъ послужила основой для общаго или государственнаго права, которое на первыхъ порахъ было ничѣмъ инымъ какъ отраслью того права, которое въ наукѣ извѣстно подъ именемъ обычнаго права.

За періодомъ обычнаго права послѣдовала эпоха кодексовъ. Вмѣсто священныхъ обычаевъ, охраненіе и толкованіе которыхъ доселѣ исключительно находилось въ рукахъ избранныхъ родовъ, появляются законы писанные, которые, впрочемъ, на первыхъ порахъ были ничѣмъ инымъ, какъ письменнымъ изложеніемъ тѣхъ обычаевъ, какіе существовали у народа. Различны были причины, вызвавшія появленіе первыхъ кодексовъ. По вполнѣ справедливому замѣчанію Мэна, первую мысль къ составленію кодексовъ подало изобрѣтеніе и распространеніе письменности.

Что же касается тѣхъ утонченныхъ соображеній, которыми мотивируется необходимость кодификаціи въ настоящее время, то, конечно при составленіи первыхъ кодексовъ, они не имѣли никакого вліянія. Другое дѣло тѣ народныя движенія, происхожденіе которыхъ совпадаетъ съ появленіемъ начальныхъ письменныхъ уложеній. Нѣтъ сомнѣнія, что господствующіе роды, пользовавшіеся монополіей знанія законовъ, нерѣдко оказывались пристрастными въ своихъ толкованіяхъ и въ своихъ приговорахъ. Отъ такого пристрастія, правильнѣе сказать отъ этой монополіи, прежде всего и больше всего приходилось терпѣть массѣ простаго народа, находившейся въ полной зависимости отъ господствующихъ родовъ; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если народъ недовольный существующимъ порядкомъ вещей вообще, а въ частности возмущенный произволомъ, какой сплошь и рядомъ проявляли эвпатриды въ отправленіи правосудія, сталъ настоятельно домагаться изданія точнаго и опредѣленнаго кодекса законовъ. Кромѣ того, усложненіе общественной жизни и соединенное съ этимъ усложненіемъ увеличеніе суммы правовыхъ отношеній дѣлало крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ сохраненіе въ памяти цѣлости юридическихъ обычаевъ, выработанныхъ жизнью и освященныхъ религіей и временемъ. Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства складывались такъ, что обычай долженъ былъ уступить мѣсто ясно и понятно составленному уложенію. Такія уложенія стали появляться одновременно почти во всѣхъ греческихъ общинахъ. Седьмое столѣтіе, ознаменовавшееся въ исторіи цѣлымъ рядомъ народныхъ движеній, было вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою, когда впервые стали появляться таблицы писанныхъ законовъ. Впрочемъ, преданіе упоминаетъ нѣсколькихъ законодателей, жившихъ раньше этого времени. Такими были: Триптолемъ въ Афинахъ, Ономакритъ у Локрійцевъ; къ нимъ можно отнести также и Спартанскаго Ликурга. Но какъ о личности этихъ законодателей, такъ и о ихъ государственной дѣятельности достовѣрныхъ извѣстій почти совсѣмъ нѣтъ. Вотъ что читаемъ мы о Триптолемѣ у Порфирія: »изъ афинскихъ законодателей по преданію (какъ мы узнали) самымъ древнимъ былъ Порфирій. О немъ пишетъ Гермиппъ во

2-й главѣ своего сочиненія о законодателяхъ, что онъ издалъ законы для Афинянъ, изъ которыхъ три по словамъ философа Ксенократа находилось еще въ его время (въ Элевзинѣ) и пр. [1]). Объ Ономакритѣ упоминаетъ Аристотель [2]), говоря, что онъ первый прославился своимъ законодательствомъ. Что же касается Ликурга, то хотя его жизнь и законодательная дѣятельность выяснена въ исторіи гораздо больше, чѣмъ таковая же дѣятельность выше упомянутыхъ двухъ законодателей, тѣмъ не менѣе нѣтъ достаточныхъ основаній считать достовѣрнымъ фактомъ, что будто бы онъ далъ Спартанцамъ сборникъ писанныхъ законовъ или составилъ для нихъ цѣлое уложеніе. Первымъ юридическимъ уложеніемъ принято считать кодексъ Зелевка [3]), за нимъ слѣдовалъ Харандъ, составившій сводъ законовъ для города Катаны и Тинондъ, бывшій асимнетомъ и законодателемъ на островѣ Эвбеѣ. Но какъ объ этихъ законодателяхъ, такъ и изданныхъ ими кодексахъ извѣстно очень не много, чтобы не сказать совсѣмъ ничего.

II.

Послѣ изданія первыхъ кодексовъ развитіе греческаго права пошло очень быстро и въ этомъ случаѣ исторія греческаго (афинскаго) законодательства представляетъ собою нѣчто совершенно противуположное римской легислатурѣ. По этому поводу считаемъ нелишнимъ привести слѣдующія слова Мэна: «Существуютъ двоякаго рода опасности, которому повидимому были подвержены въ періодъ своего дѣтства право и общество ими скрѣпленное. Одна опасность состоитъ въ томъ, чтобы законъ не развивался слишкомъ быстро. Это случилось съ кодексами наиболѣе прогрессивныхъ греческихъ государствъ, которые освободились съ замѣчательною легкостію отъ тягостныхъ формъ процедуры и не нужныхъ терминовъ профессіи и рано перестали придавать како либо таинственное значеніе строгимъ правиламъ и предписаніямъ. Сдѣланное ими не привело къ безусловной пользѣ человѣчества, хотя непосредственная польза отъ этого для самихъ гражданъ была значительна. Одно изъ рѣдкихъ

---

[1]) Porphyr. De Abstin. Lib. IV. [2]) Arist. Polit. II 9, 9. [3]) Ibid.

свойствъ народнаго характера заключается въ способности примѣнять и разрабатывать законъ, хотя бы цѣною постоянныхъ отступленій отъ абстрактнаго правосудія, но въ тоже время не теряя надежды или стремленія согласить законъ съ высшимъ идеаломъ. Греческій умъ, при всей своей подвижности и эластичности, былъ не въ состояніи заключиться въ узкой оболочкѣ формы закона, и если мы будемъ судить о грекахъ по народнымъ афинскимъ судамъ, о дѣйствіяхъ которыхъ у насъ остались точныя свѣдѣнія, то увидимъ что греческіе трибуналы выказывали сильнѣйшее стремленіе къ низведенію значенія закона до одного уровня съ фактическими данными. Остатки рѣчей ораторовъ и выдержки изъ судебныхъ выраженій, приводимыя Аристотелемъ [1]) въ его трактатѣ о риторикѣ, показываютъ, что вопросы чистаго права постоянно подлежали оспариванію по каждому поводу, который могъ оказать вліяніе на мнѣніе судей» [2]). А потому нѣтъ ничего удивительнаго, если ни въ одномъ изъ греческихъ государствъ не могла выработаться какая нибудь прочная система юриспруденціи. Греки въ этомъ отношеніи должны бы уступить мѣсто римлянамъ, право которыхъ, развиваясь при условіяхъ совершенно противуположнымъ тѣмъ, при которыхъ происходило развитіе греческаго (афинскаго) права, въ Кодексѣ Юстиніана во многихъ отношеніяхъ достигло такой степени совершенства, превзойти которую не удалось ни одному изъ позднѣйшихъ европейскихъ кодексовъ.

Одновременно съ развитіемъ теоріи права шло развитіе практики права. Содержаніе первыхъ кодексовъ неотличалось особеннымъ разнообразіемъ. Не всѣ правонарушенія, которыя были извѣстны даже тогдашнему времени, вошли въ уложенія первыхъ законодателей. Въ первыхъ законодательныхъ сборникахъ преобладаетъ неправда уголовная [3]).

---

[1]) Тотъ же философъ въ Политикѣ о значеніи обязательной силы закона для правителя говоритъ слѣдующее: должны существовать законы, и только *въ случаѣ уклоненія ихъ отъ справедливости, они не могутъ имѣть надъ правителемъ обязательной силы*, а иначе они должны быть для него обязательны. Это воззрѣніе на силу закона далеко несогласно съ римскимъ, выразившемся въ извѣстномъ афоризмѣ: fiat justitia, pereat mundus.

[2]) Мэнъ. Древнее право перев. Бѣлозерской 58.

[3]) Уголовный характеръ имѣютъ первые сборники почти всѣхъ

Какъ на таковой кодексъ можно указать на уложеніе Дракона. О его уложеніи извѣстно весьма немного [1]). По свидѣтельству Аристотеля [2]), существовавшее въ его время политическое устройство онъ оставилъ не тронутымъ; не было въ его уставѣ также и законоположеній гражданскаго, частнаго характера. Что же касается изданныхъ имъ уголовнымъ законовъ, то по общему свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, они отличались неимовѣрною жестокостью, такъ какъ за всѣ преступленія безъ различія, назначалась смертная казнь: къ смерти присуждались какъ святотатцы и убійцы, такъ равно и тѣ, которые были признаны виновными въ такихъ преступленіяхъ, какъ праздность или кража овощей. Одно наказаніе за всѣ преступленія Драконъ, говорятъ [3]), назначилъ потому, что мелкія преступленія, по его мнѣнію, вполнѣ достойны подобнаго наказанія, для преступленій же болѣе тяжелыхъ болѣе жестокаго наказанія нѣтъ. Вслѣдствіе чего составилось преданіе, что его законы (какъ и римскій законъ lex quis que) были написаны кровью. Фюстель Куланжъ и другіе ученые эти разсказы о жестокости законовъ Дракона признаютъ достовѣрными, объясняя ее тѣмъ, что въ это время человѣческія дѣянія оцѣнивались исключительно съ религіозной точки зрѣнія, а религіозное міровоззрѣніе видѣло во всѣхъ проступкахъ и преступленіяхъ оскорбленіе божества, которое можетъ получить удовлетвореніе черезъ смерть преступника.

Но есть основаніе сомнѣваться въ достовѣрности разсказовъ о безчеловѣчной строгости законовъ Дракона. Тѣ отрывочныя извѣстія, какія сохранились у древнихъ писателей о законахъ Дракона, напротивъ, даютъ право думать, что Драконъ

народовъ, такъ напр. въ кодексѣ, извѣстномъ подъ именемъ lex salica изъ 343 параграфовъ, имѣющихся въ немъ, только 65 параграфовъ посвящены другимъ не уголовнымъ правовымъ положеніямъ. Почти тоже самое можно сказать и о нашемъ юридическомъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Русской Правды".

[1]) Личность самаго Дракона столь темна, что римскіе юристы не были согласны между собою относительно національности этого законодателя. Нѣкоторые считали его спартанцемъ какъ напр. извѣстный Теофилъ, написавшій комментарій къ Jnstitutiones—εἰ γάρ τις ἐθέλῃ τοὺς νόμους τοῦ Σόλωνοσ τοῦ τῶν Ἀθηναίων νομοθέτου, ἢ τοῦ Δράκοντος τοῦ τῶν λακεδαιμονίων...

[2]) Arist. Polit. II—9.9.

[3]) Plut. Sol. XVII.

въ нѣторыхъ случаяхъ смягчалъ наказанія, мало того, признавъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невмѣняемость преступленія [1]) какъ напр. въ случаѣ, если убійство было совершено по ошибкѣ, въ борьбѣ (самозащитѣ) или если оно было вызвано местью противъ обольстителя, захваченнаго потерпѣвшимъ, какъ теперь выражаются, en flagrant delit. Такого мнѣнія придерживается Гротъ и трудно согласиться съ Шеманомъ, который не допускаетъ, чтобы невмѣняемость, санкціонированная Дракономъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могла бы дать основаніе отвергнуть разсказы о жестокости этого законодателя [2]). Что Драконъ далеко не былъ такъ жестокъ, какъ объ немъ думаютъ, это можно заключить, по нашему мнѣнію, также и изъ того, что до законодательства Солона многіе афиняне томились въ изгнаніи, слѣдовательно смертная казнь далеко не можетъ считаться единственнымъ наказаніемъ уложенія Дракона. Если же воровство, по законамъ Дракона, наказывалось смертью (допустимъ это), то въ этомъ случаѣ жестокость Дракона мало чѣмъ была больше той жестокости, съ какою наказывались преступленія противъ собственности въ недалекомъ прошломъ въ Англіи, гдѣ повѣшеніе за квалифицированную кражу было отмѣнено только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія; а кража и мошенничество на сумму больше 30 шиллинговъ влекла за собою смертную казнь, даже если преступникомъ она была совершена первый разъ [4]).

---

[1]) φόνου δὲ δίκας μὴ εἶναι μηδαμοῦ κατὰ τῶν τοὺς φεύγοντας ἐνδεικνύντων, ἐάν τις κατίῃ, ὅποι μὴ ἔξεστιν 636,10 Demosth. κατὰ 'Αριστοκρατ.... ἐάντις ἀποκτείνῃ ἐν ἄθλοις ἄκων, ἢ ἐν ὁδῷ, καθελὼν, ἢ ἔν πολέμῳ, ἀνοήσας, ἢ ἐπὶ δάμαρτι, ἢ ἔπὶ μητρὶ, ἢ ἐπ'ἀδελφῇ, ἢ ἐπὶ θυγατρί, ἢ ἔπὶ παλλακῇ, ἣν ἂν ἐπ' ἐλευθέροις παισὶν ἔχῃ, τούτων ἕνεκα μὴ φεύγειν κτείναντα. ibid 637.

[1]) Впрочемъ Шеманнъ оспариваетъ Грота въ томъ смыслѣ, что эта невмѣняемость не можетъ служить опроверженіемъ разсказовъ о жестокости Дракона, а напротивъ подтверждаетъ, такъ какъ болѣе мягкій законодатель обольстителя предавалъ бы суду, а не отдавалъ бы его мести пострадавшаго. Въ остальномъ Шеманнъ готовъ согласиться съ Гротомъ. Die Verfass. gesch. Athens—18.

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдена надпись, заключающая въ себѣ, какъ можно думать, одинъ изъ законовъ Дракона. А такъ какъ содержаніе ея относится къ вопросу, о которомъ теперь у насъ идетъ рѣчь, а потому мы приведемъ ее здѣсь: καὶ ἐαν [μ]ὴ ἐκπρονοίας [κ] τείνῃ τίς

Выше было замѣчено нами, что Драконъ въ своемъ уложеніи ввелъ различіе между убійствомъ умышленнымъ, преднамѣреннымъ и такимъ, которое было вызвано или случайностью или же стеченіемъ особенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Для суда надъ убійцами второй категоріи Драконъ учредилъ особую палату, члены которой назывались эфетами. Ихъ было 51 (у ораторовъ они часто встрѣчаются подъ именемъ οἱ πεντήκοντα καὶ εἷς). Засѣданія эфетовъ [1]) происходили въ различныхъ мѣстахъ, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ было совершено убійство. Если убійца, не отрицая своей виновности, оправдывался, ссылаясь на непредвидѣнную случайность, тогда разбирательство происходило на мѣстѣ, называвшемся Палладіонъ [2]) (ἐπὶ παλλαδίῳ) и, если судъ показаніе подсудимаго находилъ вѣрнымъ, если на судѣ выяснилось, что убійство произошло вслѣдствіе случайности, то такой убійца присуждался къ изгнанію, но безъ лишенія имущества [2]). Если убійство было вызвано самозащитой или же совершено надъ человѣкомъ, застигнутомъ на прелюбодѣяніи съ женой убійцы, то судъ собирался въ другомъ мѣстѣ, которое называлось Δελφίνιον. Сверхъ того тому же Дракону приписываютъ учрежденіе еще другихъ двухъ трибуналовъ: одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ ἐν φρεαττοῦ, а другой надъ именемъ πρυτανεῖον. Въ «ἐν φνεαττοῖ» судились люди, преданные суду за второе убійство (судившись уже разъ за неумышленное убійство), а во второмъ трибуналѣ происходили засѣданія по поводу смерти, вызванной какимъ нибудь неодушевленнымъ предметомъ.

Чтоже касается духа законоположеній Дракона, то онѣ за-

τινα. φεύγειν, [δ] ικάζειν δὲ τοὺς βασιλέας αἰτι [ῶ] ν φό (νο) ν ἤ [β] ουλέυσεως τὸν ἀεὶ βασιλεύσαντα, τοὺς [δ] ε ἐφέτας διαγν [ω] ναι—Форгаммеръ (Philologus—34, 3) и Philippi (Rhein. Mus. 1—29).

[2]) По всей вѣроятности преданіе о жестокости законовъ Дракона составилось на основаніи имени этого законодателя.

[1]) Hesych τὸ ἐπὶ παλλαδίῳ δικαστήριον, ἔνθα ἐδίκαζον οἱ ἐφέται τοῖς ἀκουσίων φόνων δικαζομένοις. Demosth. in Aristocr. δεὺ τερον δ'ἕτερον δικαστήριον, τὸ τῶν ἀκουσίων φόνων. 15—18, 642—645.

[2]) Изгнаніе, назначенное во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, всегда сопровождалось конфискаціей имущества.

печатлѣны строгорелигіознымъ характеромъ. По словамъ Порфирія, первая статья этого устава была религіознаго содержанія и приказывала почитать боговъ и героевъ края публично (сообща), слѣдуя въ томъ отечественнымъ законамъ, а также и частнымъ образомъ, по мѣрѣ средствъ съ благоговѣніемъ и пр. Постановленіе это по словамъ того же Порфирія [1]) называлось вѣчнымъ и обязательнымъ на всѣ времена. Было ли что нибудь подобное издано Дракономъ сказать разумѣется, трудно. Очень можетъ быть, что приведенный нами ниже текстъ этого постановленія составлялъ часть какого гимна былъ и помѣщенъ Дракономъ въ его уложеніи, чтобы тѣмъ придать ему больше авторитета и святости [2]).

Изъ всего сказаннаго нами о законодательномъ сборникѣ Дракона видно, что онъ имѣлъ исключительный характеръ и содержаніе его обхватывало только одну часть правовыхъ положеній. Законодательная дѣятельность Дракона не касалась фактовъ общественной жизни изъ области политической, гражданской и полицейской. Творцемъ свода законовъ, имѣющаго всеобъемлющій характеръ, касающагося всѣхъ сферъ общественной и даже частной жизни гражданъ—былъ Солонъ.

Изученіе его законодательной дѣятельности составитъ задачу слѣдующихъ главъ нашего сочиненія, при чемъ мы сочли нелишнимъ предварительно разсказать главнѣйшіе факты его частной и государственной жизни.

---

[1]) θεσμὸς αἰώνιος τοῖς ἀτθίδα νεμομένοις κύριός τε ἅπαντα χρόνον: θεοὺς τιμᾶν, καὶ ἥρωας ἐπιχωρίους, ἐνκοινῷ, επομένους νόμοις πατρίος. ἰδιά, κατὰ δύναμιν, σὺν εὐφημίᾳ καὶ ἀπαρχαῖς καρπῶν, πελάνοις ’επετείοις. Pophyr. De abstin. IV—IX·

[1]) Цицеронъ, въ своемъ разсужденіи о законахъ, набрасываетъ планъ законодательства, которое по своей формѣ въ особенности же по духу вступительныхъ положеній напоминаетъ уложеніе Дракона въ томъ видѣ, какъ его изображаетъ Порфирій Cic. De Leg. 11—19.

Историческій очеркъ

ЖИЗНИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СОЛОНА.

I.

Хотя жизнь и дѣятельность Солона принадлежитъ времени историческому, тѣмъ не менѣе многое, относящееся къ нему, остается для исторіи или темнымъ или же совершенно неизвѣстнымъ. Факты, на основаніи которыхъ историкъ могъ бы строить свои положенія о томъ или другомъ обстоятельствѣ изъ дѣятельности Солона въ большинствѣ случаевъ очень скудны, а потому нерѣдко приходится ограничиваться одними соображеніями, одними догадками. Мало того; нерѣдко недостаетъ всякихъ данныхъ, даже для построенія хоть сколько нибудь вѣроятныхъ и правдоподобныхъ гипотезъ и соображеній; въ особенности относится это къ вопросамъ о происхожденіи и юности Солона. Все, что извѣстно намъ о его происхожденіи, ограничивается тѣмъ, что Солонъ происходилъ изъ знатнаго и даже очень знатнаго рода, такъ какъ принадлежалъ онъ къ потомкамъ Нелея, который, въ свою очередь, по словамъ одного изъ біографовъ Солона, возводилъ свою родословную къ самому Посейдону [1]). Что же касается отца Солона, то о немъ почти ничего не извѣстно—всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются тѣмъ, что назывался онъ Экзекистидомъ, хотя нужно сказать, въ древности были писатели, какъ напр. Филоклей и Дидимъ, которые

---

[1]) Ὁ δὲ Σόλων εἰς Νηλέα καὶ Ποσειδῶνα ἀνέφερε. Diog. Laert. Plato 1.

опровергали это мнѣніе, утверждая, что отецъ Солона назывался не Экзекистидомъ а Эуфоріономъ [1]). Еще меньше извѣстно намъ о его матери, ибо единственный въ этомъ случаѣ источникъ, Плутархъ, со словъ Гераклида Понтика, сообщаетъ о ней только то, что она находилась въ близкомъ родствѣ съ Пизистратомъ—имени же ея нигдѣ не находимъ. Время рожденія Солона, какъ объ этомъ было замѣчено нами прежде, трудно опредѣлить даже съ приблизительною точностію. Изъ всѣхъ, существующихъ на этотъ счетъ предположеній, больше всего вѣроятія заслуживаетъ мнѣніе тѣхъ, которые на 638 годъ до Р. Х. указываютъ, какъ на годъ, въ которомъ родился Солонъ; и въ самомъ дѣлѣ—допустивъ, что жилъ онъ 80 лѣтъ и умеръ въ первые годы тираніи Пизистрата, (а обѣ эти хронологическія цифры, какъ увидимъ ниже, имѣютъ за собою вѣроятности больше, чѣмъ всѣ другія) необходимо прійдемъ къ тому заключенію, что родился Солонъ приблизительно въ 638 году. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Клинтонъ [2]), согласиться съ нимъ считаемъ необходимымъ и мы. Что же касается мѣста его рожденія, то таковымъ Діогенъ Лаэрцій считаетъ островъ Саламинъ, въ доказательство чего ссылается на одну надпись, найденную имъ на колоннѣ, воздвигнутой въ честь Солона, и которая гласитъ слѣдующее:

Ἡ Μήδων ἄδικον παύσας' ὕβριν, ἧδε Σόλωνα
Τόνδε τεκνοῖ Σαλαμὶς θεσμοθέτην ἱερόν.

Но согласиться съ Діогеномъ Лаэртіемъ въ данномъ случаѣ едва ли можно. Вышеприведенная нами надпись не можетъ служить особеннымъ основаніемъ, такъ какъ происхожденіе ея относится ко времени сравнительно очень позднему послѣ Соло-

---

[1]) Plut. sol. 1.

[2]) If he was eighty years of age in B. C. 559, he would have been born in B. C. 638. Хотя, нужно сказать то, что самъ Клинтонъ къ этой цифрѣ особеннаго довѣрія не имѣетъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: nothing can be with certainety affirmed of the year of his birth. ст. 301.

на [1]). Еще меньше можно согласиться съ Гротомъ, который полагаетъ, что родился онъ на Саламинѣ и сдѣлался аѳинскимъ гражданиномъ путемъ адопціи. Такое мнѣніе противурѣчитъ съ одной стороны разсказамъ о знатности его рода, а съ другой стороны трудно допустить, чтобы аѳинскіе аристократы когда либо рѣшились предоставить рѣшеніе своей участи, равно какъ и судьбы цѣлаго государства, какому нибудь выходцу изъ Саламина, каковы бы впрочемъ ни были заслуги его предъ обществомъ, а потому можно положительно утверждать, что Саламинцемъ [2]) Солонъ никогда не былъ и что его родиной былъ городъ Аѳины—какъ это между прочимъ подтверждается и его стихотвореніями, между которыми находится дистихъ, въ которомъ онъ говоритъ:

Εἴην δὴ τότ' ἐγὼ Φολεγάνδριος ἢ Σικινίτης
ἀντί γ' Ἀθηναίου, πατρίδ' ἀμειψάμενος

Его имущественное положеніе, говорятъ, далеко не соотвѣтствовало его столь блестящему происхожденію, такъ какъ отецъ его умеръ, не оставивъ своему сыну почти никакого наслѣдства; и произошло это не потому, чтобы онъ самъ былъ

---

[1]) Вотъ что говоритъ по этому поводу Демосѳенъ, въ рѣчи подъ заглавіемъ: περὶ παραπρεσβείας: καίτοι τὸν μεν ἀνδριάντα τοῦτον οὕτω πεντήκοντα ἔτη φασί ἀνακεῖσθαι Σαλαμίνου. ἀπὸ Σόλωνος δὲ ὁμοῦ διακόσιά ἐστιν ἔτη καὶ τριάκοντα εἰς τὸν νυνὶ παρόντα χρόνον.

[2]) Если же нужно допустить, что Солонъ родился на Саламинѣ, то только въ такомъ смыслѣ, что родился онъ такъ сказать случайно на Саламинѣ, гдѣ по всей вѣроятностя у его отца здѣсь были помѣстія. Приблизительно почти такого же мнѣнія придерживается Мерзіусъ, который объ этомъ говоритъ слѣдующее: Censeo, vero, natum quidem Salamine; qua accasione autem non linquet. Sed parentes, cum Atbenienses essent, inde translatus Athenas, vitam hic deinceps egit. Ст. 5. M. Gronovius'a Thesaurus. Статью Мерзіуса: Solon—sive de ejus vita, legibus, dictis atque scriptis, liber, стр. 2C03. Говоря о мѣсторожденіи Солона, считаемъ не лишнимъ сказать, что были и такіе писатели, которые таковымъ считали Киликію; такъ по крайней мѣры думалъ неизвѣстный авторъ греческаго словаря подъ заглавіемъ: Ἐτυμολόγικον μέγα. Но нелѣпость подобнаго мнѣнія столь очевидна, что нѣтъ никакой надобности въ его опроверженіи.

бѣденъ, но что богатства свои истратилъ онъ вслѣдствіе своей безмѣрной доброты и щедрости. А потому для поправленія своего матеріальнаго положенія Солонъ на первыхъ порахъ долженъ былъ заняться торговлей, вслѣдствіе которой онъ изъѣздилъ всю Грецію и большую часть Малой Азіи. Но этотъ разсказъ о его бѣдности едва ли можетъ претендовать на особенную достовѣрность. Правда, между стихотвореніями Солона нѣкоторые издатели помѣщаютъ четверостишіе, изъ котораго можно, пожалуй, сдѣлать заключеніе, что онъ былъ бѣденъ. Но, какъ это постараемся доказать во второй части нашего сочиненія, отрывокъ этотъ съ большею достовѣрностію слѣдуетъ приписывать не ему, а другому греческому поэту, а именно Θеогнису [1]). Во всякомъ случаѣ имущество Солона должно было равняться цензу аѳинскихъ гражданъ перваго класса или такъ называемыхъ пентакозіомедимновъ, такъ какъ состоя сначала архонтомъ, а въ послѣдствіи членомъ ареопага, онъ могъ числиться по своему имуществу только въ этомъ классѣ, а не въ какомъ нибудь другомъ. Тотъ же разсказъ о первоначальной бѣдности Солона трудно согласить съ извѣстнымъ приключеніемъ, случившимся съ нимъ послѣ обнародованія Сейсахтіи. Говоря это, мы имѣемъ въ виду тѣ 5 талантовъ, которые, будто бы, ему пришлось потерять вслѣдствіе ловкаго мошенничества его друзей. Утверждать же, что состояніе онъ нажилъ себѣ торговлей, едва ли можно. Что же касается тѣхъ путешествій, которыя предпринималъ Солонъ въ своей молодости, то причиною ихъ была скорѣе любознательность, желаніе обогатиться свѣдѣніями, чѣмъ деньги и жажда наживы,—мнѣніе, котораго по свидѣтельству Плутарха, уже въ древности придерживались многіе писатели. О его молодости и о томъ воспитаніи, которое получилъ Солонъ, сколько нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній нѣтъ.

---

[1]) Вотъ это четверостишіе:

πολλοὶ μὲν πλουτοῦσι κακοί, ἀγαθοὶ δὲ πένονται
ἀλλ' ἡμεῖς αὐτοῖς οὐ διαμειψόμεθα
τῆς ἀρετῆς τὸν πλοῦτον, ἐπεὶ τὸ μὲν ἔμπεδον αἰεί,
χρήματα δ' ἀνθρώπων ἄλλοτε ἄλλος ἔχει.

Въ изданіи Бергка Poetae Lyrici Graeci, Pars 2, Solon 15.

Все, что намъ сообщаетъ объ этомъ Плутархъ, и что съ его словъ повторяютъ другіе, ограничивается тѣмъ, что жизнь его въ молодости была далека отъ суроваго аскетизма. Напротивъ, онъ любилъ пожить и вообще былъ чувствителенъ ко всѣмъ удовольствіямъ жизни. Плутархъ эту черту приписываетъ вліянію торговли, которой будто бы Солонъ занимался въ молодости. Но едва ли есть особенная надобность объяснять это занятіями торговлей, какъ будто бы жажда наслажденій составляетъ исключительную принадлежность торговаго люда! Кромѣ того тотъ же Плутархъ говоритъ, что уже въ молодости Солонъ обнаруживалъ поэтическія дарованія и пописывалъ, отъ нечего дѣлать, стихи довольно легкаго, чтобы не сказать скабрезнаго содержанія; ибо воспѣвалъ онъ въ нихъ чувственныя удовольствія [1]) далеко не такъ, какъ, по словамъ Плутарха, это слѣдовало бы дѣлать философу. Къ этому то времени вѣроятнѣе всего относятся слѣдующіе эротическіе отрывки, которые неправильно нѣкоторые ученые относятъ ко старости Солона—

Ἑσθ᾽ ἥβης ἐρατοῖσιν ἐπ᾽ ἄνθεσι παιδοφιλήσῃ
μηρῶν ἱμείρων καὶ γλυκεροῦ στόματος

Если любовь составляетъ содержаніе этого дистиха, то въ слѣдующемъ на ряду съ нею воспѣвается вино и пѣсни:

Ἔργα δὲ Κυπρογενοῦς νῦν μου φίλα καὶ Διονύσου
καὶ Μουσέων, ἃ τίθησ᾽ ἀνδράσιν εὐφροσύνας [2]).

---

[1]) Τὸ δ᾽ οὖν εὐδάπανον τῷ Σόλωνι καὶ ὑγρὸν πρὸς τὴν δίαιταν, καὶ τὸ φορτικώτερον, ἢ φιλοσοφώτερον, ἐν τοῖς ποιήμασι διαλέγεσθαι περὶ τῶν ἡδονῶν, τὸν ἐμποριπὸν κἶονται βίον προστετρίφθαι. Plut. Sol. 3.

[2]) Въ изданіи Бергка эти два отрывка помѣщены на 403 стр. по № 25 и 26.

II.

По единогласному свидѣтельству почти всѣхъ древнихъ писателей на публичную арену Солонъ въ первые выступилъ въ дѣлѣ объ островѣ Саламинѣ, который, искони составляя принадлежность Аѳинъ, около этого времени былъ захваченъ сосѣдями Аѳинянъ—Мегарцами. Само собою разумѣется, что Аѳиняне не сразу отказались отъ обладанія такимъ островомъ; но дѣло въ томъ, что всѣ ихъ усилія отнять его у Мегарцевъ назадъ оказались тщетными. Мало того, неудачи и потери, какія пришлось испытать Аѳинянамъ въ этомъ злополучномъ дѣлѣ, были столь велики, что они, для того, чтобы разъ на всегда покончить съ этимъ островомъ, издали законъ, который грозилъ смертью всякому, кто только осмѣлится сдѣлать письменное или устное предложеніе о возвращеніи этого острова. Гротъ, а съ нимъ и другіе ученые удивляются тому, что Мегара могла вести столь успѣшно борьбу съ Аѳинянами и объясненіе этого факта ищутъ въ томъ предположеніи, что Аѳины эту войну вели почти исключительно сами, безъ всякой или же съ крайне незначительной поддержкой другихъ городовъ и общинъ Аттики [1]). Но, какъ извѣстно, Синтелея (т. е. соединеніе болѣе или менѣе независимыхъ общинъ въ одно цѣлое) до этого времени въ Аттикѣ произошла очень давно, такъ учрежденіе ея преданіе приписываетъ еще Ѳезею, а потому нельзя допустить, чтобы другія общины

[1]) Англійскій ученый, жившій въ прошломъ столѣтіи, Гольдсмитъ, говоря о войнѣ Аѳинъ съ Мегарой, высказываетъ то мнѣніе, что Саламинъ, находившійся доселѣ въ зависимости отъ Аѳинъ *взбунтовался* для того, чтобы соединиться съ Мегарой. См. History of Greece 1,55. Но такое предположеніе противурѣчитъ всѣмъ тѣмъ даннымъ, какими располагаетъ исторія объ этомъ вопросѣ.

могли уклоняться отъ участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ война за обладаніе островомъ Саламиномъ. Неуспѣхъ Аѳинъ въ этомъ случаѣ, полагаемъ, нужно искать въ чемъ нибудь иномъ, а не въ сепаратизмѣ аѳинскихъ общинъ. Для успѣшнаго веденія войны здѣсь нуженъ былъ болѣе или менѣе сильный флотъ, котораго у Аѳинянъ въ это время почти совсѣмъ не было. Кромѣ того, можно погалать, что Мегарцамъ помагали ихъ сосѣди, города Сикіонъ и Коринѳъ, тогда какъ Аѳиняне оставались изолированными. Да наконецъ и сама Мегарида взятая сама по себѣ отнюдь не была столь слаба, чтобы не могла вести съ успѣхомъ войну съ Аттикой, которая къ тому времени находилась далеко не въ цвѣтущемъ положеніи [1]). Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣннымъ фактомъ является то, что Аѳиняне послѣ многихъ неудачъ съ позоромъ должны были разъ на всегда отказаться отъ обладанія такимъ прекраснымъ островомъ. Но съ такимъ положеніемъ вещей могли помириться далеко не всѣ граждане; многихъ заживо задѣлъ тотъ срамъ, какой навлекли на себя Аѳиняне изданіемъ закона подобнаго рода. Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвело это на аѳинскую молодежь, которая и послѣ этого грознаго распоряженія не переставала горѣть страстнымъ желаніемъ во чтобы то ни стало попытаться еще разъ искать въ войнѣ счастія и возвратить этотъ островъ. Но смертная казнь, назначенная недавно всякому, кто отважится побуждать Афинянъ къ подобнаго рода предпріятію, устрашала всѣхъ отъ какихъ бы то ни было попытокъ въ пользу этого

---

[1]) У Геродота Солонъ, разсказывая Крезу о Теллѣ, самомъ счастливомъ по его мнѣнію человѣкѣ, упоминаетъ о какой то войнѣ, которую Аѳиняне когда то вели со своими сосѣдями въ Элевзинѣ (γεναμένης γὰρ Ἀθηναίοισι μάχης πρὸς τοὺς ἀστυγείτονας ἐν Ἐλευσῖνι, Herod 1,70). Что это была за война, и кого нужно подразумѣвать подъ этими сосѣдями, сказать трудно.—Миллеръ (Die Dorier 1,168) полагаетъ, что здѣсь говорится о какой то войнѣ, которую Аѳиняне еще до Солона вели съ Мегарцами.—Другой ученый, Лебэкъ, напротивъ думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ съ Элевзинцами, которыхъ, по его мнѣнію, нужно имѣть въ виду въ Геродотовомъ выраженіи—ἀστυγείτονες ἐν Ἐλευσῖνι.—Но вѣроятнѣе всего, что этотъ разсказъ Солона представляетъ собою какой нибудь эпизодъ изъ описываемой нами войны.

дѣла. Тогда на выручку всѣхъ этихъ патріотовъ является Солонъ, съумѣвшій найти средство обойти этотъ грозный законъ слѣдующимъ образомъ. При посредствѣ своихъ друзей и знакомыхъ Солонъ распустилъ по городу слухъ, будто бы онъ сошелъ съ ума, вслѣдствіе чего не выходитъ изъ дому. Между тѣмъ самъ онъ въ это время трудился надъ составленіемъ стихотворенія, которое заучилъ онъ съ тѣмъ, чтобы потомъ говорить его наизустъ. Потомъ въ одинъ прекрасный день, надѣвъ войлочную шляпу, выбѣжалъ на площадь и когда собралась довольно значительная толпа народа, взошелъ на камень, съ котораго герольды говорили пароду и произнесъ на распѣвъ элегическое стихотвореніе, первый дистихъ котораго читается слѣдующимъ образомъ:

αὐτὸς κήρυξ ἦλθον ἀφ' ἱμερτῆς Σαλαμῖνος,
κόσμον ἐπέων ᾠδὴν ἀντ' ἀγορῆς θέμενος·

Въ этой элегіи, отъ которой изъ ста стиховъ до насъ къ сожалѣнію дошло только восемь, Солонъ живыми красками изображаетъ тотъ позоръ, какой навлекли на себя Аѳиняне, рѣшившись на подобную мѣру. Отъ этого позора нельзя скрыться нигдѣ, ибо, говоритъ поэтъ: »перемѣни я свою аѳинскую родину и сдѣлайся я жителемъ Фолегандра и Сикинита, и тамъ сейчасъ разнесется молва, вотъ это одинъ изъ тѣхъ, которые отказались отъ Саламина« [1]). Въ заключеніе онъ увѣщеваетъ своихъ соотечественниковъ, не теряя времени, броситься на Саламинъ, сразиться за него съ ненавистными Мегарцами и тѣмъ сбросить съ себя тяготѣющій на нихъ позоръ.

---

[1]) Εἴην δὴ τότ' ἐγὼ Φολεγάνδριος ἢ Σικινίτης
ἀντί γ' Ἀθηναίου, πατρίδ' ἀμειψάμενος·
αἶψα γὰρ ἂν φάτις ἥδε μετ' ἀνθρώποισι γένοιτο
Ἀττικὸς οὗτος ἀνὴρ τῶν Σαλαμὶν 'αφέντων.

Въ изданіи Бергка они помѣщены подъ N 1, а въ изданіи Баха carmina Solonis quae supersunt подъ N 12.

ἴομεν εἰς Σαλαμῖνα μαχησόμενοι περὶ νήσου
ἱμερτῆς, χαλεπόν δ' αἶσχος ἀπωσόμενοι·

Впечатлѣніе, произведенное на умы Аѳинянъ этимъ стихотвореніемъ, было громадное. Недавно обнародованный законъ былъ немедленно отмѣненъ. Мегарцамъ объявлена война, а во главѣ предпріятія былъ поставленъ виновникъ его, Солонъ [1]).

Что касается обстоятельствъ, при которыхъ произошло завоеваніе этого острова, то о нихъ уже въ древности, по словамъ Плутарха, существовали различные разсказы Самый распространенный между Аѳинами былъ слѣдующій: Поплывъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ къ Коліядскому мысу и заставъ тамъ почти всѣхъ аѳинскихъ женщинъ, приносившихъ общую жертву богинѣ Деметрѣ, Солонъ послалъ надежнаго человѣка на Саламинъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, выдавъ себя за аѳинскаго перебѣжчика, пригласилъ находившихся тамъ Мегарійцевъ поплыть какъ можно скорѣе къ Коліядскому мысу, если они хотятъ завладѣть самыми знатными и красивыми аѳинскими женщинами. Предложеніе это показалось Мегарцамъ столь заманчивымъ, что они не заставили себя долго уговаривать, а немедленно снарядили судно, посадили на него болѣе или менѣе значительный отрядъ и отправили къ указанному мѣсту. Когда же Солонъ завидѣлъ приближающееся судно, то женщинамъ приказалъ сейчасъ уйти, а юношамъ, у которыхъ борода еще не показывалась, надѣть ихъ платья, повязки, обувь, и спрятавъ кинжалы, играть и плясать на берегу моря до тѣхъ поръ, пока непріятель не выйдетъ на берегъ. Такъ они и сдѣлали. Мегарійцы, обманутые наружностію юношей, высадившись на берегъ, бросились на мнимыхъ женщинъ. Завязалась борьба, въ которой Мегарцы всѣ были перебиты, Аѳиняне же, завладѣвъ судномъ, поплыли на островъ,

---

[1]) По разсказу Плутарха такому исходу дѣла не мало способствовалъ Пизистратъ, который всячески старался уговорить Аѳинянъ согласиться на предложеніе Солона. Plut. Sol. VIII. Другіе писатели приписываютъ Пизистрату участіе въ этомъ дѣлѣ болѣе рѣшительное. Такъ, по словамъ Геродота, Пизистратъ завоевалъ Низею (Herod. 1.59). Есть и такіе, которые самое завоеваніе острова приписываютъ Пизистрату—какъ напр. Фронтинъ (Strateg. Lib. IX), а отчасти и Страбонъ (IX к.).

который сдался имъ безъ всякаго сопротивленія. Этотъ разсказъ столь неправдоподобенъ, до того дышетъ характеромъ наивности и баснословности, что останавливаться на немъ едва ли слѣдуетъ. Гораздо болѣе вѣроятности и правдоподобности заключаетъ въ себѣ другой разсказъ объ этомъ событіи, который сообщаетъ намъ Плутархъ. Согласно этому разсказу, Солонъ прежде чѣмъ снарядить экспедицію для завоеванія этого острова, обратился за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу, который далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Умилостиви жертвами мѣстныхъ героевъ — родоначальниковъ, которыхъ Эзопійская земля скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ; глаза ихъ обращены къ западу солнца» [2]). Согласно этому совѣту Солонъ, пробравшись ночью на островъ, принесъ тамъ жертвы двумъ героямъ: Перифему и Кихрею. Возвратившись оттуда, онъ навербовалъ до 500 охотниковъ изъ аѳинской молодежи, обѣщавъ имъ, въ случаѣ удачи, предоставить имъ власть и распоряженіе на этомъ островѣ (ἄν κατάσχωσι τὴν νῆσον, κυρίους εἶναι τοῦ πολιτεύματος). Посадивъ затѣмъ весь этотъ отрядъ на множество небольшихъ рыбачьихъ лодокъ, самъ сѣлъ на тридцативесельное судно, съ которымъ присталъ къ той части острова, которая обращена къ Эвбеѣ. Слухи объ этой экпедиціи скоро дошли и до Мегарцевъ, бывшихъ на Саламинѣ. Въ испугѣ они бросились къ оружію и вмѣстѣ съ тѣмъ отправили корабль, чтобы слѣдить за дѣйствіями непріятельской флотиліи. Когда этотъ корабль приблизился къ Солону, то напавъ на него—онъ вскорѣ овладѣваетъ имъ и перевязываетъ находившихся на немъ мегарцевъ; потомъ посадивъ на захваченный корабрь храбрѣйшихъ изъ своего отряда, онъ велитъ имъ плыть прямо къ городу, скрываясь какъ можно тщательнѣе; другую же часть отряда онъ взялъ съ собою и высадившись на берегъ, сразился съ Мегарцами, которые къ этому времени успѣли собрать войско и выступить противъ

---

[1]) Plut. Sol. IY.
ἀρχηγοὺς χώρας θυσίαις ἥρωας ἐνοίκους
ἵλασο, τοὺς κόλπος Ἀσώπιος ἀμφικαλύπτει
οἳ φθίμενοι δέρκονται ἐς ἠέλιον δύνοντα.

неожиданныхъ враговъ. Пока происходилъ этой бой, часть аѳинскаго войска, отряженная Солономъ прежде, нападаетъ на городъ съ другой стороны и овладѣваетъ имъ; а съ завоеваніемъ этого города подъ власть Аѳинянъ подпалъ и весь островъ [1]).

Въ благодарность за такой счастливый исходъ этой войны, Солонъ воздвинулъ богу войны Эніалію (Марсу) храмъ недалеко отъ города Саламина.

Но этимъ далеко не кончился споръ между Аѳинянами и Мегарцами. Еще долго продолжалась между ними война, пока наконецъ обѣ стороны не согласились обратиться за рѣшеніемъ спора къ посредничеству Спарты, третейскій судъ которой, составленный изъ пяти гражданъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, присудивъ этотъ островъ въ пользу Аѳинянъ. Чѣмъ руководствовался судъ, на чемъ онъ основалъ свое рѣшеніе, сказать трудно. Нѣкоторые писатели утверждали, что Солонъ въ этотъ случаѣ прибѣгъ къ подлогу, такъ въ подтвержденіе законности притязаній Аѳинянъ на владѣніе Саламиномъ, ссылаясь на Гомера, онъ послѣ стиха

αἴας δ' ἐκ Σαλαμῖνος ἄγεν δυοκαίδεκα νῆας,

вставилъ [1]) слѣдующій стихъ, котораго будто бы у Гомера не было:

στῆσε δ' ἄγων ἵν' Ἀθηναίων ἵσταντο φάλαγγες.

---

[1]) Чтоже касается Мегарійцевъ, то они о завоеваніи этого острова, по свидѣтельству Павзанія, разсказывали совсѣмъ иначе, такъ какъ по словамъ ихъ овладѣли Аѳиняне этимъ островомъ, благодаря измѣнѣ изгнанниковъ. Pausanias, 1. 40, 5. Μεγαρεῖς δὲ παρὰ σφῶν λέγουσιν ἄνδρας φυγάδας, οὓς Δορυκλείους ὀνομάζουσιν, ἀφικομένους παρὰ τοὺς ἐν Σαλαμῖνι κληρούχους προδοῦναι Σαλαμῖνα Ἀθηναίοις.

[2]) Объ этой вставкѣ говорятъ многіе древніе писатели—Плутархъ, Діогенъ Лаэрцій (послѣдній не упоминая впрочемъ о третейскомъ судѣ.—См. Solon. 2. ἔνιοι δέ φασι καὶ ἐγγράψαι αὐτὸν εἰς τόν Ὁμήρου μετὰ τόν . . . .). Ульпіянъ въ своихъ комментаріяхъ на рѣчь Демосѳена περὶ παραπρεσβείας и Аристотель въ Реторикѣ I, XVI, 3. Что же касается самихъ этихъ стиховъ, то они находятся въ Иліадѣ, а именно во 2-ой пѣснѣ, извѣстной подъ именемъ κατάλογος τῶν νεῶν, 557,8—Что же касается са-

Этотъ разсказъ Аѳиняне, какъ и слѣдовало ожидать, называли выдумкой и рѣшеніе спора за островъ Саламинъ въ ихъ пользу приписывали слѣдующимъ двумъ фактамъ: Во первыхъ— сыновья Аякса Филай и Эвризакъ, которымъ принадлежалъ Саламинъ, подарили его Аѳинянамъ, сами же получивъ право аѳинскаго гражданства, поселились въ Аттикѣ, одинъ въ Брауронѣ, а другой въ Мелитѣ (Память о Филеѣ сохранилась въ названіи одной изъ аттическихъ димъ, которая называлась Φιλαΐδαι, въ которой родился Пизистратъ. Plut. Sol, IX). Кромѣ того для вящшей убѣдительности, Солонъ, говорятъ, сослался и на то обстоятельство, что въ Саламинѣ мертвыхъ хоронили не помегарскимъ, а по аѳинскимъ обычаямъ; потому что Мегарцы, предавая погребенію тѣла покойниковъ, обыкновенно клали ихъ лицемъ на востокъ, а Аѳиняне на западъ [1]). Сверхъ того у Аѳинянъ каждаго хоронили отдѣльно, тогда какъ Магарійцы нерѣдко въ одинъ гробъ зарывали нѣсколькихъ. Но что важнѣе всего, притязанія Аѳинянъ имѣли за собою освященіе религіи, такъ какъ въ одномъ изъ своихъ прорицаній Пиѳія назвала Саламинъ іонійскимъ островомъ; названіе же его іонійскимъ уничтожало съ религіозной точки зрѣнія притязанія Мегарянъ, такъ какъ они принадлежали къ племени дорическому, а не іонійскому. Какъ бы тамъ ни было, но благодаря неутомимой дѣятельности и патріотизму Солона, Саламинъ былъ возвращенъ и оставался въ рукахъ

маго разсказа о вставкѣ Солономъ новаго стиха, то его можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, къ тому времени, къ которому относится этотъ разсказъ, поэмы Гомера еще не были собраны и приведены въ одно цѣлое. Кромѣ того не было также и одной общей редакціи, а потому въ различныхъ мѣстностяхъ Греціи пѣсни Гомера представляли собою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варіанты, которые уступили мѣсто одному общему чтенію только въ позднѣйшее время. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, если Солонъ прочелъ отрывокъ изъ Иліяды не въ такомъ видѣ, какъ онъ читался въ другой какой нибудь области Греціи.

[1]) Впрочемъ едва ли Солонъ могъ ссылаться на доказательства подобнаго рода, такъ какъ по свидѣтельству Герея и Мегарійцы хоронили покойниковъ, обращая ихъ къ западу. Plut. Sol. X.

Аѳинянъ съ небольшими перерывами вплоть до македонской гегемоніи [1]).

Такой исходъ на долго затянувшейся войны съ Мегарцами не мало послужилъ къ возвышенію Солона въ глазахъ Аѳинянъ. Участіе же его въ дѣлѣ о наказаніи святотатственной Кирры, города, дерзнувшаго поднять руку на священныя владѣнія Аполлона Дельфійскаго, прославило его въ общественномъ мнѣніи всей Греціи. Правда, не Солону принадлежало главное командованіе войсками, собранными для этой цѣли [2]). Но за то главнымъ образомъ, благодаря ему, амфиктіоны рѣшились оказать дѣятельную помощь дельфійскому оракулу; только при его содѣйствіи удалось собрать многочисленное войско и отправить его противъ Кирры, которая послѣ продолжительной осады (по словамъ Страбона война эта продолжалась 10 лѣтъ. См. Γεωγραφικά IX, 416) была взята и разрушена до основанія [3]).

---

[1]) Опредѣлить съ точностію время, въ которое происходила война между Аѳинянами и Мегарцами за островъ Саламинъ, не возможно. Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ фактомъ является то, что она предшествовала архонтству Солона и выступленію его на поприщѣ законодателя и преобразователя аѳинскаго общества, какъ это единогласно свидѣтельствуютъ почти всѣ писатели древности. А потому намъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ Сигоній могъ впасть въ такую грубую ошибку и отнести эту войну къ 50-ой олимпіадѣ, а избраніе Солона въ архонты къ 46. См. Caroli Sigonii de temporibus Atheniensium Lacedemoniorumque Liber V, 1639 стр.

Въ Thesaurus Gronovii.

[2]) Впрочемъ были и такіе авторы, какъ напр. Эвантъ, Гермиппъ, которые утверждали, что въ этой войнѣ главное начальствованіе принадлежало Солону; но это не подтверждается ничѣмъ; тогда какъ положительно извѣстно, что во главѣ этого предпріятія стояли Эврилохъ и Клисѳенъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ командовалъ отрядомъ, приведеннымъ имъ изъ Сикіона. См. Paus: 11,9—6 и X. 37, 4. Polyaen. 5, 1. Что же касается Солона, то онъ по всей вѣроятности вмѣстѣ съ Алкмеономъ предводительствовалъ аѳинскимъ отрядомъ.

[3]) Что же касается времени, въ которое была окончена эта война, то вѣроятнѣе всего таковымъ нужно считать архонтство Симонида; такъ по крайней мѣрѣ слѣдуетъ заключить изъ словъ схоліаста Пиндара, который къ I, XII олимпійской оды, дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе—περὶ ἐγένετο δὲ αὐτῶν ἐπὶ ἄρχοντας Ἀθήνησι Σιμωνίδου. Самое же архонство Симонида Клинтонъ относитъ къ 591 г. до Р. Х. См. Fasti Hellenici—195 и 196.

Находящаяся въ близи этого города гавань была засыпана, самое же поле было посвящено Аполлону; при чемъ всѣ члены Амфиктіоніи клятвенно обязались не обращать въ свою пользу произведеній этой земли и не дозволять никому селиться здѣсь— а па того, кто, осмѣлится нарушить это постановленіе, налагалось вѣчное проклятіе.

Какъ велико ни было значеніе только что разсказанныхъ нами событій, какъ завоеваніе Саламина и наказаніе богопреступпыхъ Кирренцевъ, но далеко не они стяжали славу Солону, не они доставили ему самое видное мѣсто среди великихъ дѣятелей всемірной исторіи. Въ исторіи человѣчества съ именемъ Солона связано нѣчто такое, что выше всѣхъ завоеваній и разрушеній, достоинство которыхъ нерѣдко чисто отрицательнаго свойства; говоря это мы имѣемъ въ виду тѣ реформы и законы, которыми онъ призвалъ къ жизни массу народа, доселѣ страдавшаго подъ бременемъ матеріальнаго и политическаго рабства, обновилъ, пересоздалъ афинское государство и положилъ прочное основаніе того могущества и славы, какого оно съ теченіемъ времени достигло. Но прежде чѣмъ приступить къ обстоятельному изложенію дѣятельности Солона на поприщѣ законодателя и преобразователя афинскаго общества, считаемъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ выступилъ на это поприще.

III.

На поприще законодателя и преобразователя общества, Солонъ выступилъ не въ силу какихъ нибудь наслѣдственныхъ правъ, а по выбору; и при томъ по выбору преимущественно того класса аѳинскаго общества, который до этого времени самъ одинъ пользовался какъ правомъ участія въ управленіи государственными дѣлами, такъ и тѣми выгодами и преимуществами, какія бываютъ неразлучны съ этимъ правомъ. Спрашивается, что же побудило Эвпатридовъ (такъ назывался привиллегированный классъ аѳинскаго общества) рѣшиться на такую мѣру, какъ передача судьбы цѣлаго общества въ руки одного лица, или же чтобы не заходить впередъ, спросимъ, что могло принудить ихъ оставить старое и искать новаго, и при томъ такого, что оно для тѣхъ, иниціативѣ которыхъ оно обязано было своимъ происхожденіемъ, должно было повлечь за собою неувеличеніе тѣхъ выгодъ и преимуществъ, какими они пользовались доселѣ, а только уменьшеніе ихъ въ пользу другихъ. Само собою разумѣется, что подобнаго рода явленіе могло произойти не по собственной волѣ Эвпатридовъ, не вслѣдствіе сознанія всей несправедливости своего положенія, своихъ выгодъ и преимуществъ на счетъ нищенствующей массы народа; на такой шагъ они были вынуждены силою неблагопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ. Потому что, гдѣ и когда существенныя улучшенія народнаго быта происходили единственно вслѣдствіе какихъ нибудь моральныхъ побужденій привиллегированнаго класса?—Этого не бывало нигдѣ; ничего подобнаго не происходило и здѣсь. Какія же однако были эти причины?

Для ихъ уразумѣнія бросимъ бѣглый взглядъ на соціальное положеніе аѳинскаго общества, въ какомъ находилось оно до избранія Солона въ архонты.

Знаменитый греческій историкъ Ѳукидидъ въ своемъ введеніи, говоря объ Аттикѣ, замѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: τήν γοῦν 'Αττικὴν ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον διὰ τὸ λεπτόγεων ἀστασίαστον οὖσαν ἄνθρωποι ᾤκουν οἱ αὐτοὶ ἀεί, т. е. что Аттика вслѣдствіе непроизводительности своей почвы была свободна отъ тѣхъ перемѣнъ въ народонаселеніи, какимъ подвергались другія области древней Греціи [1]), а потому ядро этого населенія оставалось здѣсь всегда одно и тоже. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы населеніе Аттики было свободно отъ всѣхъ внѣшнихъ примѣсей и наростовъ. Сравнительная неплодородность и суровость почвы, спасая Аттику отъ враждебныхъ нашествій другихъ племенъ, искавшихъ для себя удобныхъ поселеній, своею безопасностію привлекала цѣлыя толпы выходцевъ изъ различныхъ областей Греціи, которыхъ покидать свое отечество заставляли или иноземные пришельцы или же внутренніе раздоры и междоусобія. Но эти переселенія въ Аттику не были ни часты и не происходили большими массами, а потому они и не могли имѣть на ядро населенія особенно большаго вліянія. А такъ какъ аѳинское государство, какъ извѣстно, образовалось не путемъ завоеванія одного племени другимъ (какъ это напр. было въ Спартѣ), а при посредствѣ мѣстныхъ самобытныхъ силъ, то отсюда произошло то, что въ Аттикѣ свободно рожденныхъ гражданъ всегда было больше, чѣмъ во всякой другой области Греціи, такъ какъ здѣсь они составляли почти четвертую часть всего населенія. Основную массу этихъ гражданъ составляли такъ называемые Ѳеты (θῆτες). На сколько можно судить о нихъ изъ Гомера и Гезіода, въ древности они или сами состояли собственниками небольшихъ земельныхъ участковъ, или же за извѣстное вознагражденіе обработывали землю у другихъ. Положеніе ихъ покуда если и не особенно блестящее, то по крайней

---

[1]) Thuc. 1, 2. Boeckh Staatshaltung der Athener 1, 43 и пр.

мѣрѣ сносное, съ теченіемъ времени стало ухудшаться все болѣе, такъ что ко времени Солона, по свидѣтельству всѣхъ писателей, оно дошло до того, что большинство изъ тѣхъ, у кого были свои собственные земельные участки, нашлись вынужденными заложить ихъ (что по тогдашнимъ юридическимъ обычаямъ обозначалось каменнымъ столбомъ, который ставили на заложенныхъ земельныхъ участкахъ, съ обозначеніемъ имени заимодавца и количества ссуды [1]).

Тѣ же, которые пробивались обработкою чужой земли или брали ее въ аренду, въ большинствѣ случаевъ впали въ рабство, такъ какъ въ Аѳинахъ до Солона существовалъ законъ, по которому должникъ въ случаѣ своей несостоятельности отдавался въ рабство своему заимодавцу и находился въ немъ до тѣхъ поръ, пока не возвратилъ ему тѣмъ или другимъ путемъ занятыхъ имъ денегъ. Мало того, законъ давалъ право отцу продавать въ рабство несовершеннолѣтнихъ сыновей и не вышедшихъ замужъ дочерей. Такимъ же правомъ пользовались и братья по отношенію къ находившимся подъ ихъ опекой сестрамъ. Кредиторы въ этомъ случаѣ поблажки своимъ должникамъ не дѣлали, и отказываться отъ правъ относительно своихъ должниковъ не думали. Такое положеніе дѣлъ возбуждало среди народа недовольствіе и ропотъ, который съ каждымъ днемъ принималъ все большіе размѣры. Какъ это обыкновенно бывало

---

[1]) Столбы эти назывались ὅροι. О нихъ говорятъ многіе писатели: Демосѳенъ (мѣста эти собраны у Рейске), Поллюксъ III, 85, Гезихій въ своемъ словарѣ подъ словомъ ὅρος, Фотій и другіе. Это были στῆλαι, каменныя доски, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились до нашего времени. Въ случаѣ перезаклада имѣнія ставился другой ὅρος, такъ называемый ὅρος χωρίου (πεπραμένου ἐπὶ λύσει θιασώταις ἰσοδαίτου δημότου). Были и деревянные столбы, при чемъ, по словамъ Бека, они не составляли существенной необходимости для доказательства гипотеки. Что же касается происхожденія самаго обычая ставить подобнаго рода столбы на заложенныхъ имѣніяхъ, то Діодоръ Сицилійскій полагаетъ, будто бы обычай этотъ заимствованъ Аѳинянами изъ Египта. Но едва ли есть особенная надобность примѣшивать сюда Египетъ: обычай этотъ могъ выработаться въ Аѳинахъ самобытнымъ путемъ. Boeckh. Staatshaltung der Athener. T. I, книга I, 187 стр.

въ греческихъ республикахъ при подобныхъ обстоятельствахъ, изъ среды самихъ аристократовъ являлись хитрые честолюбцы, которые старались обратить въ свою пользу недовольство массы и при ея помощи захватить въ свои руки власть надъ государствомъ. Тоже самое произошло теперь и въ Аѳинахъ; такимъ честолюбцемъ является здѣсь Килонъ. По своему происхожденію это былъ знатный аристократъ, богато одаренный отъ природы всѣми качествами, между которыми у него не послѣднее мѣсто занимала быстрота ногъ, благодаря которой онъ одержалъ на Олимпійскихъ играхъ блистательную побѣду на состязаніяхъ въ бѣгѣ. Побуждаемый необыкновеннымъ честолюбіемъ, а также родственникомъ своимъ Теагеномъ, который незадолго предъ тѣмъ захватилъ тираннію въ Мегарѣ, Килонъ задумалъ обратить въ свою пользу смуты и междоусобія, происходившія въ то время въ Аѳинахъ, и превозгласить себя тиранномъ. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на подобнаго рода рискованное предпріятіе, онъ счелъ необходимымъ спросить объ этомъ дѣлѣ совѣта у Дельфійскаго оракула, который предложилъ ему для этой цѣли воспользоваться праздникомъ Великаго Зевса [1]). Такихъ праздниковъ было два: одинъ въ Элидѣ, въ городѣ Олимпіи, а другой въ Діазіѣ, недалеко отъ Аѳинъ. Въ который изъ этихъ двухъ праздниковъ Великаго Зевса слѣдовало ему приступать къ дѣлу Килонъ, по словамъ Ѳукидида и не думалъ спрашивать, такъ какъ онъ, конечно не предполагалъ, чтобы здѣсь могла идти рѣчь о какомъ нибудь другомъ праздникѣ, а не о томъ, на которомъ онъ недавно одержалъ блистательную побѣду. А потому къ ближайшимъ олимпійскимъ играмъ, собравъ при помощи Ѳеагена значительный отрядъ, двинулся на Акрополь и овладѣлъ имъ безъ всякаго затрудненія. Но, какъ велика ни была первая удача Килона, но она была не прочна: архонты и наукрары энергически принялись за дѣло, собрали всѣ силы, какими только могли располагать въ то время Аѳины, и осадили заговорщиковъ въ Акрополѣ. Скоро осажденные стали терпѣть голодъ и недостатокъ въ

---

[1]) Ѳук. I. 5126. Герод. V, 71.

водѣ, тѣмъ не менѣе они еще держались твердо, покуда виновникъ заговора Килонъ не оставилъ ихъ однихъ, а самъ тайкомъ бѣжалъ изъ Акрополя, послѣ чего они рѣшились сдаться на милость осаждающихъ. Архонтъ Мегаклъ, занявъ крѣпость, нашелъ заговорщиковъ у подножія алтарей, почти умирающими съ голоду. Чтобы предохранить святыню отъ оскверненія человѣческими трупами, онъ сталъ уговаривать ихъ оставить алтари и выйти изъ крѣпости, клятвенно обѣщая имъ полную невредимость и безопасность жизни. Тѣмъ не менѣе они, не довѣряя вполнѣ этой клятвѣ и желая оставаться подъ покровительствомъ боговъ, стали спускаться съ крѣпости, придерживаясь за нить, привязанную къ алтарю. Къ несчастію недалеко отъ жертвенника Эвменидъ спасительная нить оборвалась. Это обстоятельство показалось Мегаклу и его товарищамъ выраженіемъ гнѣва богинь, а потому не думая долго, онъ велѣлъ броситься на нихъ находившемуся при немъ отряду. Тѣ изъ заговорщиковъ, которые уже вышли изъ Акрополя, были перебиты камнями; не было пощады и для тѣхъ, которые успѣли убѣжать назадъ къ алтарямъ,—всѣ они были умерщвлены. Остались въ живыхъ только тѣ, которымъ удалось найти убѣжище у женъ архонтовъ. Но такая расправа не послужила къ добру виновнику ея Мегаклу. Прошли первыя минуты раздраженія, и души всѣхъ воспылали ненавистью и злобою какъ противъ Мегакла, такъ и на весь родъ Алкмеонидовъ, къ которому принадлежалъ онъ [1]). Избіеніемъ прибѣгшихъ къ защитѣ боговъ, осквернена была святыня; ре-

[1]) Въ разсказѣ о заговорѣ Килона у Өукидида и Геродота встрѣчаются разногласія, примирить которыя очень трудно. Такъ, по словамъ Геродота, оказывается, что въ то время, къ которому относится этотъ заговоръ, въ Аөинахъ правили пританы навкрарій, и что они убѣдили заговорщиковъ оставить Акрополь, обѣщая имъ полную безопасность. Такимъ образомъ, хотя Геродотъ безусловно не отвергаетъ виновности въ этомъ святотатствѣ Мегакла и его рода, тѣмъ не менѣе всю тяжесть вины сваливаетъ не на нихъ, а на пританов. Между тѣмъ Өукидидъ главными виновниками считаетъ не пританов навкрарій сколько архонтовъ, такъ какъ въ это время во главѣ государства стояли они (τὰ πολλὰ τῶν πολιτικῶν ἔπρασσον). Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, какъ напр. Филиппи, Цетле (см. Beitrage zur ält. Verfassungs. Gesch.

лигіозное чувство Аѳинянъ было осквернено, и они, въ большинствѣ случаевъ, нисколько не повинные въ этомъ преступленіи, пришли въ ужасъ отъ такого злодѣянія. Общественное мнѣніе требовало удовлетворенія, требовало святотатцевъ къ суду. Высокое положеніе, какое Алкмеониды занимали въ государствѣ, спасало ихъ на нѣкоторое время отъ угрожающей бѣды. Но раздраженіе противъ нихъ аѳинскихъ гражданъ стало увеличиваться все больше и больше, и Богъ знаетъ, что произошло бы изъ этого, если бы не явился со своимъ посредничествомъ Солонъ, которому послѣ большихъ усилій удалось склонить алкмеонидовъ явиться на судъ и предоставить свою участь его приговору. Изъ кого состоялъ этотъ судъ, предстать предъ которымъ долженъ былъ Мегаклъ вмѣстѣ съ другими Алкмеонидами, съ точностію неизвѣстно. О немъ извѣстно только то, что онъ состоялъ не изъ Эфетовъ, которымъ до того времени исключительно подлежали дѣла объ убійствѣ, а изъ 300 гражданъ спеціально выбранныхъ для этой цѣли [1]). Чѣмъ на судѣ оправды-

---

Althens, § 28) находятъ извѣстіе Геродота достовѣрнымъ, и полагаютъ, что въ древности пританы навкрарій имѣли въ государствѣ большую силу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ стояли выше архонтовъ. Другіе же ученые, напротивъ, не находятъ возможнымъ допустить, чтобы въ Аѳинахъ до введенія конституціи Солона могли существовать рука объ руку съ архонтами и другія должностныя лица съ такою громадною властію, какую имъ приписываетъ Геродотъ (см. Die attische Naukrarien Verfassung. Neue Jahrbücher für Philologie und Paed. I Вып. 3 т. I Gilbert).

Откладывая свою рѣчь объ навкраріяхъ и ея пританахъ къ болѣе удубному случаю, считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что это второе мнѣніе имѣетъ за собою болѣе достовѣрности, чѣмъ всякое другое.

[1]) Plut. Sol. 12. Такого мнѣнія о составѣ этого суда придерживаются далеко не всѣ ученые. Шеманнъ въ письмѣ своемъ на имя Рудольфа Шелля (см. Neue Jahrbücher für Philologie und Pedagogik 3 выпускъ 107 тома. Die Epheten und Areopag an herrn professor P. Schöll) высказываетъ то мнѣніе, что этотъ судъ былъ обычный совѣтъ Эвпатридовъ, собиравшійся въ извѣстныхъ случаяхъ въ рощѣ Арея, а не какое нибудь экстреннее, доселѣ неизвѣстное засѣданіе, созванное спеціально по этому поводу (und es ist gewiss wahrscheinlicher sich unter diesen einen herkömlichen Eupatridenrath zu denken als eine ausserordentliche, und für den damaligen Fall berufene Versammlung). Съ нимъ въ этомъ случаѣ согласенъ и Ланге, который этихъ 300 судей считаетъ боль-

вались подсудимые, сказать трудно. Очень можетъ быть, что, въ оправданіе своей жестокости и святотатства, они ссылались на то обстоятельство, что веревка, за которую держались сдавшіеся заговорщики, оборвалась и что потому они были вправѣ казнить тѣхъ преступниковъ, отъ покровительства которымъ отказались сами боги. Но судъ, какъ видно, оправданія ихъ не уважилъ, и, найдя ихъ виновными въ святотатствѣ, присудилъ къ изгнанію; при чемъ отъ этого наказанія не освобождались даже тѣ, которые умерли раньше, чѣмъ состоялся самый судъ и приговоръ надъ Мегакломъ и прочими соучастниками въ избіеніи сдавшихся заговорщиковъ. По требованію суда кости ихъ были вырыты и выброшены за предѣлы государства.

Хотя осужденіе Мегакла и прочихъ Алкмеонидовъ удовлетворило общестевственное мнѣніе Аѳинянъ, но этимъ далеко еще не водворилось спокойствіе въ городѣ. Броженіе умовъ, вызванное отчасти святотатствомъ Мегакла, отчасти моровой язвой, незадолго предъ тѣмъ навѣстившей городъ, не только не уничтожалось, но съ каждымъ днемъ все больше усиливалось. По словамъ Плутарха, городъ былъ одержимъ какимъ то суевѣрнымъ страхомъ и часто слышались разсказы о различныхъ видѣніяхъ. Спрошенные по этому поводу гадатели объявили, что жертвы указываютъ на преступленія и святотатства, требующія очищенія, но какимъ образомъ можно достигнуть этого очищенія они

шимъ совѣтомъ, состоящимъ изъ ярыхъ Эвпатридовъ (aus starren Eupatriden), который потомъ Солонъ преобразовалъ въ совѣтъ четырехсотъ (Die Epheten und der Areopag vor Solon, p. 27). Если Плутархъ объ этихъ судьяхъ выражается такимъ образомъ, что это были τριακοσίων ἀριστίνδην δικαζόντον, то это не значитъ, чтобы судьями этими были аристократы. Слово ἀριστίνδην употреблено здѣсь не въ смыслѣ ἀριστοκρατικῶς, а въ значеніи болѣе общемъ, а именно, что судили здѣсь люди, избранные къ этому по своему достоинству. Если бы судьями этими были исключительно закоренѣлые Эвпатриды, въ такомъ случаѣ вѣроятнѣе всего приговоръ для подсудимыхъ выпалъ бы болѣе благопріятный, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Равно нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто бы это судебное засѣданіе, представляло собою совѣтъ, искони существовавшій въ Аѳинахъ.

не могли сказать [1]). Оставалось единственное средство пособить горю, это—обратиться за совѣтомъ къ дельфійскому оракулу, который предложилъ Аѳинянамъ обратиться въ этомъ случаѣ за помощью къ Эпимениду, знаменитому мудрецу и предвѣщателю изъ острова Крита. А такъ какъ пребываніе его въ Аѳинахъ осталось не безъ вліянія на Солона и его законодательную дѣятельность, то сказать нѣсколько словъ объ Эпименидѣ, полагаемъ, здѣсь не будетъ дѣломъ совершенно лишнимъ.

---

[1]) Plut. Sol. 12.

IV.

О личности Эпименида извѣстно немного; вѣроятно, это былъ одинъ изъ тѣхъ реформатовъ въ области религіи и нравственности, которыми было такъ богато 7-ое столѣтіе до Р. Х.; такими были Ѳалесъ, Аристей, Абарисъ, Пиѳагоръ, Ономакритъ; къ нимъ принадлежитъ и Эпименидъ. Родился онъ на островѣ Критѣ въ городѣ Кноссѣ; при чемъ одни отца его называютъ Фестіемъ, другіе же—Досіядомъ Агесаркомъ. О жизни Эпименида разсказываютъ много баснословнаго, много чудеснаго. Такъ, говорятъ, что когда онъ еще былъ молодъ, однажды отецъ послалъ его въ поле за овцою; возвращаясь съ нею, онъ, чувствуя себя утомленнымъ, завернулъ въ одну пещеру, въ которой проспалъ цѣлые 57 лѣтъ [1]). Пробудившись, онъ, нисколько не подозрѣая о случившемся и думая, что только задремалъ немного, не находя вокругъ себя овцы, идетъ дальше. Возвращается онъ въ городъ и тутъ удивленію его нѣтъ конца; все что то незнакомое и неизвѣстное. Изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ онъ не находитъ ни одного—всѣ для

---

[1]) По другимъ преданіямъ Эпименидъ все это время странствовалъ по горамъ, гдѣ собиралъ травы и изучалъ ихъ цѣлебныя свойства. Εἰσὶ δ' οἳ μὴ κοιμηθῆναι αὐτὸν λέγουσιν, ἀλλὰ χρόνον τινὰ ἐκπατῆσαι ἀσχολούμενον περὶ ῥιζοτομίαν. Diog. Laert. Epim. 112, VII. Всѣ эти и имъ подобныя сказанія указываютъ на тѣ понятія и представленія, какія въ древности имѣли о немъ греки, какъ о боговдохновенномъ человѣкѣ. Мало того, даже Платонъ признавалъ за разными обрядами и церемоніями чудодѣйственную силу и считалъ Эпименида существомъ одареннымъ свыше даромъ предвѣщанія и исцѣленія. Plato de Leg. 1,642. Въ такомъ же духѣ отзывается объ Эпименидѣ и Цицеронъ. De Divinat. 1, 18.

4

него какіе то новые люди. Заходитъ онъ въ свой домъ и его едва узнаетъ уже состарѣвшійся младшій братъ. Никогда его не видѣли, чтобы онъ когда нибудь принималъ пищу, а потому думали, что онъ получаетъ ее отъ нимфъ, одна изъ которыхъ, по имени Балта, была его матерью. Состоя однимъ изъ самыхъ выдающихся жрецовъ культа Критскаго Зевса, онъ скоро во всей Греціи пріобрѣлъ себѣ славу святостію своей жизни, удачными предсказаніями и чудесною силою своихъ молитвъ и заклинаній, такъ что Критяне, говорятъ нѣкоторые, послѣ смерти [1]) воздавали ему божескія почести [2]).

Къ этому то мужу Аѳиняне, по совѣту Оракула, обратились съ просьбой очистить городъ и избавить отъ гнѣва боговъ со всѣми тяжкими его послѣдствіями [3]). Просьба была принята и Эпименидъ не долго медля отправился въ Аѳины.—Время его прибытія и пребыванія въ этомъ городѣ неизвѣстно. Платонъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что прибылъ онъ въ Аѳины за десять лѣтъ до персидскихъ войнъ [4]). Но это положительно невѣрно. Очевидно, что въ этомъ мѣстѣ текста Законовъ Платона вкралась ошибка переписчика, и вмѣсто цифры ϙκα онъ поставилъ слово δέκα [5]). Діогенъ Лаэрцій время это относитъ къ 46 Олимпіадѣ, съ чѣмъ можно согласиться; во всякомъ случаѣ безпорнымъ фактомъ является то, что прибылъ въ Аѳины Эпименидъ нѣсколькими годами раньше избранія Солона въ архонты—приблизительно въ 600 году до Р. X.

---

[1]) Жилъ Эпименидъ по преданію очень долго. Одни, говорятъ, что жилъ онъ приблизительно 150 лѣтъ. Критяне, безъ малаго приписывали ему 300 ему лѣтъ жизни. Diog. Laert. III, IV.

[2]) Λέγουσι δέ τινες ὅτι Κρῆτες αὐτῷ θύουσιν ὡς θεῷ. Dieg. Laert. XI.

[3]) Еще раньше до этого времени изъ того же Крита для той же цѣли Ликургъ пригласилъ въ Спарту Ѳалеса. См. Paus. 1, 14, 3. Plut. Lyc. IV.

[4]) τῇδε ἴσως ἀκήκοας, ὡς Ἐπιμενίδης.. ἐλθὼν πρὸ τῶν Περσικῶν δέκα ἔτεσι. De Leg. lib. 1.

[5]) Такъ между прочимъ объясняетъ эту неточность Мерзіусъ, и съ нимъ, полагаемъ, согласится каждый. Во всякомъ случаѣ видѣть здѣсь примѣръ малой заботливости Грековъ на счетъ хронологіи, какъ это думаетъ Гротъ, едва ли можно. Grote. History of Greece. 2, 69.

Пребываніе Эпименида въ Аѳинахъ имѣло для этого города необыкновенно плодотворные результаты. Душевное спокойствіе гражданъ, обуреваемыхъ доселѣ страхомъ и разными зловѣщими видѣніями, было возстановлено, и моровая язва окончательно устранена. Всего этого Эпименидъ, говорятъ, достигъ при помощи слѣдующихъ обрядовъ. Взявъ нѣсколько черныхъ и бѣлыхъ овецъ, онъ погналъ ихъ въ рощу Арея, откуда они могли бѣжать куда имъ угодно; слѣдовавшимъ же за ними служителямъ онъ приказалъ закалывать ихъ въ жертву богамъ на томъ мѣстѣ, на которомъ какая нибудь изъ нихъ остановилась[1]). Кромѣ того онъ велѣлъ воздвигнуть нѣсколько капищъ[2]) въ честь боговъ, ввелъ большую простоту въ религіозныхъ обрядахъ и умѣренность во внѣшнихъ проявленіяхъ горести и печали, которой въ это время въ Аѳинахъ съ особеннымъ неистовствомъ предавались женщины. Съ погребальными обрядами онъ соединилъ нѣкоторыя доселѣ непрактиковавшіяся жертвы и церемоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ грубые и варварскіе обычаи, существовавшіе въ то время въ Аѳинахъ. Но что особенно было важно въ его очищеніи и освященіи города, такъ это то, что онъ своими очистительными и умилостивительными жертвами сдѣлалъ гражданъ болѣе послушными закону и склонными къ согласію.

За такія услуги, оказанныя имъ городу, Аѳиняне старались достойнымъ образомъ отблагодарить Эпименида. Такъ они ему предлагали довольно значительную сумму денегъ (по словамъ Лаэртія цѣлый талантъ) и тотъ корабль, на которомъ онъ долженъ былъ возвращаться въ отечество[3]). Но отъ всѣхъ

---

[1]) Diog. Laert. 110.

[2]) По словамъ Цицерона и другихъ писателей тотъ же Эпименидъ во время своего пребыванія въ Аѳинахъ воздвигъ храмъ для ὕβρις и ἀναίδεια. Но это извѣстіе едва ли заслуживаетъ особеннаго вѣроятія. За храмы или жертвенники здѣсь вѣроятнѣе всего были приняты тѣ камни, которые стояли въ рощѣ Арея, изъ которыхъ одинъ, на который становился подсудимый, назывался ὕβρις, а другой, на которомъ становился обвинитель, ἀναιδεία. См. Ист. Грота. III, 3. 10.

[3]) Ἀθηναῖοι δὲ τάλαντον ἐψηφίσαντο δοῦναι αὐτῷ καὶ ναῦν τὴν ἐς κρήτην ἀπαξοῦςαν. Diog. Laert. 111. Plut. Sol. 13.

этихъ подарковъ Эпименидъ отказался; въ замѣнъ этого онъ просилъ себѣ только одну вѣтку священнаго оливковаго дерева, съ которою и уѣхалъ [1]).

Не безъ пользы и лично для Ѳолона осталось пребываніе Эпименида въ Аѳинахъ. Между ними послѣ первой встрѣчи завязались искреннія дружескія отношенія, которыя не мало способствовали къ увеличенію авторитета Солона въ глазахъ Аѳинянъ, и непримѣтнымъ образомъ, проложили ему путь для законодательной дѣятельности, во время которой, очень можетъ быть ему приходилось не разъ пользоваться совѣтами и указаніями, преподанными ему Эпименидомъ. Мало того, по словамъ Діогена Лаэртія долгое время сохранялось посланіе Эпименида къ Солону, заключавшее въ себѣ изложеніе (въ стихахъ) того государственнаго строя, которое Миносъ ввелъ на островѣ Критѣ. Но подлинность этого документа оспаривалась уже въ древности Деметромъ Магнезійскимъ на томъ основаніи, что памятникъ этотъ былъ написанъ не на критскомъ діалектѣ, а на аттическомъ и сверхъ того въ немъ не было никакихъ слѣдовъ той древности, на которую претендовало это стихотвореніе [2]). Но если посланіе о Критскомъ государственномъ устройствѣ Діогенъ Лаэрцій не рѣшается приводить въ своемъ сочиненіи, какъ подложное, за то въ томъ же жизнеописаніи Эпименида онъ помѣстилъ одно его письмо къ Солону. [3]). Въ

---

[1]) Діогенъ Лаэрцій говоритъ, что Эпименидъ, возвратившись на родину, устроилъ союзъ между Аѳинянами и Кноссійцами. На сколько это вѣрно, сказать трудно, такъ какъ о существованіи этого союза нигдѣ, кромѣ Діогена Лаэрція, не находимъ никакихъ указаній. Diog. Laert. 111.

[2]) Φέρεται δ' αὐτοῦ καὶ ἐπιστολὴ πρὸς Σόλωνά τὸν νομοθέτην, περιέχουσα πολιτείαν, ἥν διέταξε Κρησὶ Μίνως' ἀλλά Δημήτριος ὁ Μάγνης.... διελέγχειν πειρᾶται τὴν ἐπιστολὴν... Diog. Laert. 112. VIII.

[3]) Ἐπιμενίδης Σόλωνι.

Θάρρει, ὦ έταῖρε· αἰ γὰρ ἔτι θητευόντεσσιν Ἀθηναίοις καὶ μὴ εὐνομημένοις ἐπεθήκατο Πεισίστρατος, εἶχε καὶ τὰν ἀρχὰν ἀεὶ, ἀνδραποδιξάμενος τους πολιήτας· νῦν δὲ οὐ κακῶς ἄνδρας δουλῶται· τοὶ μεμναμένοι τᾶς Σολωνος μανυσιος ἀλγέοντι πέδα αἰσχύνας οὐδὲ ἀνέξονται τυραννούμενοι· ἀλλ' αἴκε Πεισίστρατος κατασχεθῇ τὰν πόλιν, 'οὐ μάν ἐς παῖδας τήνω ἔλπομαι τὸ κράτος ἵξεσθαι· δυςμαχανον γὰρ ἀνθρώπως ἐλευθεριάξαντας ἐν τεθμοῖς ἀρίστοις δούλως ἦμεν· τὺ δὲ μὴ ἀλᾶσθαι, ἀλλ' ἕρπε ἐς Κρήτην Ποθ' ἄμμε· τουτᾶ γὰρ οὐκ ἐσεῖταί τοῦ δεινὸς ὁ μόναρχος αἰ δέ πη ἐπ' ἀλατεία

немъ онъ говоритъ о тираніи Пизистрата и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ его (Солона) поселиться въ Критѣ, который не знаетъ никакихъ тиранновъ. Но и это письмо столь же достовѣрно, какъ и то посланіе, о которомъ мы говорили выше. Какъ и всѣ письма, приводимыя Діогеномъ Лаэрціемъ, такъ и то, о которомъ идетъ рѣчь, если сочинено не имъ же самимъ, то по всей вѣроятности какимъ нибудь досужимъ александрійскимъ грамматикомъ [1]).

Въ заключеніе, говоря объ Эпименидѣ, считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что по словамъ многихъ писателей онъ былъ извѣстенъ между прочимъ поэтическими и даже прозаическими произведеніями религіозно-политическаго содержанія, Такъ напр. онъ написалъ двѣ поэмы, изъ которыхъ въ одной онъ воспѣвалъ родъ Куретовъ и Корибантовъ, а въ другой (состоящей изъ слишкомъ 6500 стиховъ) устройство корабля Язона, на которомъ вмѣстѣ со своими спутниками онъ отправился въ Колхиду за золотымъ руномъ. Кромѣ того писалъ о жертвоприношеніяхъ, о Миносѣ и Радамонтѣ и прочее. Но отъ всего этого до насъ не дошло ничего такого, что можно было бы неоспоримо приписывать Эпимениду [2]).

ἐγκύρσωντί τοὶ τήνω τοὶ φίλοι, δειμαίνω μή τι δεινὸν πάθῃς. Diog. Laert. Epimen. 113. IX.

[1]) Приводя это письмо и выдавая его за оригинальное, Діогенъ Лаэртій тѣмъ противорѣчитъ самому себѣ, такъ какъ немного прежде онъ сказалъ, что Эпименидъ скоро послѣ отъѣзда изъ Аѳинъ умеръ. См. Diog. Laert. III. IV. καὶ ἐπανελθὼν ἐπ' οἴκου μετ' οὐ πολὺ μετήλλαξεν....

[2]) Объ Эпименидѣ писали многіе. Укажемъ здѣсь на слѣдующія монографіи: Heinrich—Epimenides aus Kreta; eine kritisch-historische Zusammenstellung aus Bruchstücken des Alterthums. 1801. Grabner—De Epimenide Athenarum lustratore 1742. Сочиненія эти цитируемъ со словъ другихъ. Въ знакомомъ намъ сочиненіи Лёмейера Epimenides sive de v. g. lustrationibus—1700, о самомъ Эпименидѣ сказано весьма немного. Стр. 156.

V.

Какъ ни благодѣтельны сами по себѣ были результаты такихъ мѣръ, какъ изгнаніе Алкмеонидовъ и очищеніе оскверненнаго святотатствомъ и моровою язвою города, но они не были въ состояніи на долго успокоить городъ. Правда, на нѣкоторое время смуты затихли; но они только затихли; исчезнуть же они не могли, потому что причины, вызвавшія ихъ, продолжали существовать. Каковы были эти причины, нарушавшія порядокъ и спокойствіе въ государствѣ, объ этомъ говорили мы нѣсколько подробнѣе выше; главною если не единственною причиною въ этомъ случаѣ было то безвыходное, затруднительное положеніе, въ которомъ вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ съ теченіемъ времени очутилась масса аѳинскаго народа. Къ этимъ чисто экономическимъ причинамъ нужно присоединить другія—политическаго характера. Господствующимъ доселѣ сословіемъ въ государствѣ была «благородная» часть аѳинскихъ гражданъ или такъ называемые Эвпатриды; въ ихъ рукахъ было сосредоточено все управленіе государственными дѣлами, которое они направляли въ пользу своихъ эгоистическихъ видовъ. Весь же остальной народъ, хотя среди него было не мало лицъ, обладавшихъ иногда очень порядочнымъ имуществомъ, былъ исключенъ отъ участія въ этихъ дѣлахъ. Это обстоятельство въ свою очередь не мало способствовало къ увеличенію неудовольствія существующимъ государственнымъ строемъ, такъ какъ столкновенія гражданъ между собою, по справедливому выраженію Аристотеля, происходятъ не только вслѣдствіе причинъ экономическихъ, или говоря проще, изъ за неравенства собственности, но не рѣдко и вслѣдствіе

причинъ политическихъ, т. е. изъ за неравенства почестей. Какъ это обыкновенно бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, весь народъ раздѣлился на партіи, которыхъ въ это время въ Аѳинахъ было три: Діакріи, Педіеи и Паралія. Названія эти они получили отъ той мѣстности, которую занимала каждая изъ нихъ; такимъ образомъ Діакріи населяли преимущественно сѣверную часть Аттики, которая сравнительно съ другими отличается своею гористою и вмѣстѣ съ тѣмъ неплодородною почвою; Паралія занимали южную, береговую часть Аттики, наконецъ Педіеи среднюю полосу аѳинской равнины, превосходящую всѣ остальныя части Аттики своимъ плодородіемъ. Имущественное положеніе этихъ трехъ партій было далеко не одинаковое: Педіеи составляли самый богатый классъ аѳинской общины, Діакріи бѣднѣйшую ея часть, Паралія же занимали въ этомъ случаѣ середину между тѣми и другими [1]. Кромѣ только что приведенныхъ нами данныхъ, объ этихъ партіяхъ Плутархъ сообщаетъ намъ кое что и о тѣхъ политическихъ тенденціяхъ, которыхъ придерживались они. Діакріи, по его словамъ, были, такъ сказать, ультрадемократы; совершенную противоположность съ ними представляли собою Педіеи, принадлежавшіе къ ярымъ олигархамъ-аристократамъ; середину же между тѣми и другими и здѣсь составляли Паралія—люди умѣреннаго образа мыслей и не сочувствующіе крайностямъ ни тѣхъ ни другихъ [2]. Между этими то партіями нѣсколько лѣтъ спустя послѣ отъѣзда Эпименида завязалась ожесточенная борьба, приведшая городъ на край гибели. Какъ ни скудны тѣ источники, изъ которыхъ мы могли бы почерпать свѣдѣнія о состояніи Аѳинъ въ это время, тѣмъ не менѣе слѣдующее мѣсто одного изъ дошедшихъ до насъ стихотвореній Солона достаточно ясно рисуетъ намъ ту печальную картину, какую представляло собою тогдашнее положеніе дѣлъ внутри Аттики:

---

[1]) Plut. Sol. 13.

[2]) Ἠν γάρ τὸ μὲν τῶν Διακρίων γένος δημοκρατικώτατον, ὀλιγαρχικώτατον δὲ τὸ τῶν Πεδιέων· τρίτοι δ' οἱ Πάραλοι, μέσον τινὰ καὶ μεμιγμένον αἱρούμενοι πολιτείας τρόπον, ἐμποδὼν ἦσαν καὶ διεκώλυον τοὺς ἑτέρους κρατῆσαι. Plut. Sol. XIII.

αὐτοὶ δὲ φθείρειν μεγάλην πόλιν ἀφραδίῃσιν
ἀστοὶ βούλονται χρήμασι πειθόμενοι,
δήμου θ' ἡγεμόνων ἄδικος νόος, οἷσιν ἑτοῖμον
ὕβριος ἐκ μεγάλης ἄλγεα πολλὰ παθεῖν
οὐ γὰρ ἐπίστανται κατέχειν κόρον [1] οὐδὲ παρούσας
εὐφροσύνας κοσμεῖν δαιτὸς ἐν ἡσυχίῃ.

Эти невыгоды и неурядицы давали себя чувствовать всѣмъ, но болѣе всего отъ него страдала масса аѳинскаго народа, жалкую участь котораго Солонъ рисуетъ яркими красками. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть печальнѣе того положенія, о которомъ намъ поэтъ говоритъ:

ταῦτα μὲν ἐν δήμῳ στρέφεται κακά· τῶν δὲ πενιχρῶν
ἱκνοῦνται πολλοὶ γαῖαν ἐς ἀλλοδαπὴν
πραθέντες δεσμοῖσί τ' ἀεικελίοισι δεθέντες,
καὶ κακὰ δουλοσύνης στυγνὰ φέρουσι βίᾳ
οὕτω δημόσιον κακὸν ἔρχεται οἴκαδ' ἑκάστῳ.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы враждующія партіи не опомнились во время и не рѣшились путемъ взаимныхъ уступокъ мирно покончить эти безконечныя распри. Но успокоить, удовлетворить народъ какими нибудь полумѣрами было не возможно; для этого нужно было прибѣгнуть къ кореннымъ реформамъ и преобразованіямъ самыхъ существенныхъ сторонъ политической жизни Аттики.

А для ихъ осуществленія нуженъ былъ честный и безпристрастный человѣкъ, который, обладая геніальными организаторскими способностями, сверхъ того пользовался бы довѣріемъ и уваженіемъ всѣхъ партій. Къ счастію для Аттики въ ней нашелся такой человѣкъ, и имъ былъ никто иной, какъ

---

[1]) Bergk—Poetae Lyrici Graeci. 11, 4 (13).—Этотъ великій городъ хотятъ погубить его же граждане и безумные вожаки народа своимъ высокомѣріемъ, которымъ неминуемо придется испытать много страданій, ибо они не умѣютъ, ни сдерживать свою надменность, ни устроить себѣ счастіе въ умѣренности и спокойствіи.

[2]) Bergk—Poetae Lyrici Graeci. Solon. 4 (13), 23—27.

Солонъ, который на 3-мъ году 46 Олимпіады [1]) послѣ Филомброта былъ избранъ въ архонты. При избраніи на эту должность онъ получилъ почти диктаторскую власть, такъ какъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено издать новые законы и ввести преобразованія, какія онъ для блага государства найдетъ необходимыми.

Не въ одной Аттикѣ такъ оканчивались внутреннія распри и междоусобія. Такъ напр. Зелевкъ у италійскихъ Локровъ, Харондъ въ Сицилійскомъ городѣ Катанѣ были избраны въ законодатели при подобныхъ обстоятельствахъ. Но нерѣдко подобнаго рода междоусобія приводили къ инымъ результатамъ. Часто на сцену появлялся хитрый и проницательный честолюбецъ, который, пользуясь происходившими вокругъ него неурядицами, захватывалъ въ свои руки бразды правленія и такимъ образомъ на развалинахъ олигархіи на нѣкоторое время утверждала свое существованіе тираннія (понимая ее въ такомъ смыслѣ, какой придавали ей древніе). Попытки къ тиранніи были и въ Аттикѣ (заговоръ Килона); но, какъ извѣстно, кончились они для заговорщиковъ плачевно. Но если заговоръ Килона постигла такая печальная участь, то причиной тому было стеченіе различныхъ, подъ часъ случайныхъ, обстоятельствъ, которыя ко времени Солона или совсѣмъ исчезли или же могли быть легко устранены. Стоило ему только расположить въ свою пользу массу бѣдствующаго народа и этотъ послѣдній непреминулъ бы оказать ему свое содѣйствіе для осуществленія замысловъ подобнаго рода; тѣмъ болѣе, что между аѳинскими гражданами не мало было такихъ, которые, сознавая всю трудность успокоить городъ, ввести въ немъ благія перемѣны помощью однихъ убѣжденій и законовъ, готовы были смотрѣть на тираннію Солона, какъ на дѣло если не совсѣмъ легальное, то за то разумное

[1]) Другіе писатели время избранія его въ архонты относятъ къ 47 Олимпіадѣ (Свида, Сигоній и другіе). Мы въ этомъ случаѣ слѣдовали Клинтону, который событіе это пріурочиваетъ къ 596 г. до Р Х См. стр. 298. У Эліана этотъ фактъ переданъ такимъ образомъ, что будьто бы Солонъ былъ *выбранъ* въ видѣ исключенія, а что тогда архонство доставалось по жребію. Но это невѣрно. Ael. var. hist. VII—10. Люгебиль Das. Arch. и die strat. 569.

и полезное. Къ такимъ принадлежала большая часть параліевъ, которые по своему богатству хотя не могли равняться съ Эвпатридами, однако не находились и въ такой бѣдности какъ Діакріи. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ они составляли нейтральную партію, для которой первымъ дѣломъ былъ порядокъ, какъ единственный факторъ гарантирующій неприкосновенность ихъ собственности.—Политическимъ честолюбіемъ они не были заражены и для нихъ было все равно, кто бы ни правилъ государствомъ. Обратиться къ тиранніи Солону совѣтовалъ и дельфійскій оракулъ; какъ это видно изъ слѣдующаго обращеннаго къ нему изреченія:

Ἧσο μέσην κατὰ νῆα κυβερνητήριον ἔργον
εὐθύνων· πολλοί τοι Ἀθηναίων ἐπίκουροι [1]).

Но Солонъ о чемъ нибудь подобномъ и не думалъ. Его благородной душѣ были противны всѣ насильственныя и противузаконныя мѣры, чтобы они не обѣщали въ будущемъ. За свою честность, за свое безкорыстіе ему потомъ пришлось переносить различные укоры и порицанія со стороны своихъ друзей и знакомыхъ, которые безотвязно приставали къ нему съ совѣтами во чтобы то ни стало воспользоваться удобнымъ случаемъ и сдѣлаться тиранномъ, надѣясь, что тогда они получатъ удобный случай погрѣть свои руки. А что такъ было на самомъ дѣлѣ и что такимъ, а не какимъ нибудь другимъ образомъ друзья и пріятели Солона понимали выпавшее на его долю положеніе въ государствѣ, это между прочимъ подтверждается и дошедшими до насъ отрывками стихотвореній Солона, между которыми находимъ одинъ отрывокъ, въ которомъ онъ представляетъ одного изъ своихъ друзей, издѣвающимся надъ нимъ за то, что отказался отъ такой прекрасной вещи какъ тираннія:

---

[1]) Садись по срединѣ корабля, направляя дѣло кормчаго; помощниками тебѣ будутъ многіе изъ Аѳинянъ. Plut. Sol. XIV.

Οὐκ ἔφυ Σόλων βαθύφρων οὐδὲ βουλήεις ἀνήρ
ἐσθλὰ γὰρ θεοῦ διδόντος αὐτὸς οὐκ ἐδέξατο.
περιβαλὼν δ' ἄγραν, ἀγασθεὶς οὐκ ἐπέσπασεν μέγα
δίκτυον, θυμοῦ θ' ἁμαρτῇ καὶ φρενῶν ἀποσφαλείς[1]).

Что же касается лично до него самаго (т. е. того друга Солона, которому послѣдній влагаетъ эти стихи), то о себѣ онъ говоритъ вотъ что:

ἤθελον γάρ κεν κρατήσας, πλοῦτον ἄφθονον λαβὼν
καὶ τυραννεύσας Ἀθηνῶν μοῦνον ἡμέραν μίαν
ἀσκὸς ὕστερον δεδάρθαι κἀπιτετρῖφθαι γένος [2]).

На всѣ эти и имъ подобныя безсмысленныя выходки Солонъ въ порывѣ своего благороднаго негодованія отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Εἰ δὲ γῆς ἐφεισάμην
πατρίδος, τυραννίδος δὲ καὶ βίης ἀμειλίχου
οὐ καθηψάμην, μιάνας καὶ καταισχύνας κλέος,
οὐδὲν αἰδεῦμαι· πλέον γὰρ ὧδε νικήσειν δοκέω
πάντας ἀνθρώπους.

---

[1]) Не былъ Солонъ мужемъ глубокой мудрости и опытности, когда не принялъ даръ, предложенный ему Богомъ. Имѣя уже въ своихъ рукахъ прекрасную добычу, онъ пораженный ея громадностію отъ страха ли или отъ глупости уронилъ ее. Bergk. Solon. XXXIII, 1—4.

[2]) Пускай съ меня живьемъ содрали бы кожу и истребили мой родъ, лишь дали бы мнѣ побыть тиранномъ и полнымъ господиномъ Аѳинъ хотя одинъ день ibid, 5—7. Приводя этотъ отрывокъ, мы приняли то чтеніе, какое находится у Бергка, одобренное между прочимъ и Мюллеромъ. Въ другихъ изданіяхъ вмѣсто ἤθελον читается ἤθελε.—Такой варіантъ придаетъ этому отрывку со всѣмъ другой смыслъ и въ такомъ случаѣ нужно перевести его такимъ образомъ; „ибо онъ согласился бы за власть, за несмѣтныя богатства и за тираннію въ Аѳинахъ въ продолженіи одного только дня дать съ себя содрать кожу и истребить свой родъ“. (Объясненіе этого отрывка съ антропологической точки зрѣнія можно найти у Воеводскаго въ его изслѣдованіи о каннибализмѣ въ греческихъ мифахъ).

[3]) Plut. Sol. XIV, Bergk Solon XXXII.

«Отнюдь не стыжусь я того, что пощадилъ свою родину и не запятналъ свою славу тиранніей и насиліемъ. Этимъ я надѣюсь покорить себѣ всѣхъ людей» [1]).

Не стремился къ тиранніи Солонъ также и потому, что она по словамъ его «прекрасная дача не имѣющая выхода» [1]).

---

[1]) πρὸς μὲν τοὺς φίλους εἶπεν, ὡς λέγεται καλον μὲν εἶναι τὴν τυραννίδ χωρίον, οὐκ ἔχειν δὲ ἀπόβασιν. Plut. Sol. XIV.

СЕЙСАХТІЯ

I.

Первою мѣрою, предпринятою Солономъ для водворенія спокойствія въ государствѣ и поправленія участи обѣднѣвшей массы народа, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, была такъ называемая сейсахтія (σεισάχθεια). Но въ чемъ состояла она, на какія классы народа была распространена и въ какомъ объемѣ, это вопросъ, на который отвѣчали и отвѣчаютъ различно. Если обратимся къ древнимъ писателямъ, то большая часть изъ нихъ подъ сейсахтіей прежде всего подразумѣваетъ уничтоженіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ. Такъ ее понимаютъ и объясняютъ Плутархъ [1]), Діогенъ Лаэрцій [2]), а за ними и другіе болѣе поздніе греческіе грамматики Гезихій [3]), Свида.

Но такое значеніе, такой смыслъ придавали сейсахтіи далеко не всѣ писатели. Изъ біографіи того же Плутарха оказывается, что уже въ древности были такіе, которые подъ сей-

---

[1]) Τοῦτο γὰρ ἐποιήσατο πρῶτον πολίτευμα, γράψας τα μὲν ὑπάρχοντα τῶν χρεῶν ἀνεῖσθαι, πρὸς δὲ τὸ λοιπὸν ἐπὶ τοῖς σώματι μηδένα δανείζειν.... οἱ δὲ πλεῖστοι πάντων ὁμοῦ φασὶ τῶν συμβολαίων ἀναίρεσιν γενέσθαι τὴν σεισάχθειαν. Plut. Sol. XV.

[2]) τὸ δὲ ἦν λύτρωσις σωμάτων τὲ καὶ κτημάτων. Diog. Laert. Sol. 1—45.

[3]) Въ его словарѣ подъ словомъ σεισάχθεια читаемъ слѣдующееé: Σόλων χρεῶν ἀποκοπὴν δημοσίων, καὶ ἰδιοτικῶν ὀνομοθέτησεν· ἥνπερ σεισάχθειαν ἐκάλεσε, ὥστε τὸ ἀπολείπεσθαι τὰ βάρη τῶν δανείων. Говоря о сейсахтіи, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что раньше Плутарха о ней нѣтъ почти никакихъ извѣстій ни у одного греческаго писателя.

сахтіей подразумѣвали облегченіе неимущихъ гражданъ далеко не въ такомъ широкомъ объемѣ. Такъ напр. Андротіонъ утверждалъ, что такъ называемая сейсахтія состояла ни въ чемъ иномъ, какъ въ пониженіи процентовъ и возвышеніи стоимости находящихся въ оборотѣ денежныхъ знаковъ на 27% чрезъ уменьшеніе на столько же процентовъ вновь выпускаемой монеты [1]). Діонисій Галикарнасскій въ своемъ пониманіи сейсахтіи, хотя придерживается такого же взгляда, что и Плутархъ, а именно считаетъ ее уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ, но эту льготу, по его мнѣнію, Солонъ распространилъ не на всѣхъ должниковъ (такъ какъ между ними были и богатые люди), а только на тѣхъ изъ нихъ, которые были очень бѣдны Χρεῶν ἄφεσιν ψηφισαμένην τοὶς ἀπόροις. Dion. Halic. V; 65.

Нѣтъ ничего затѣмъ удивительнаго, если существуетъ разногласіе на счетъ сейсахтіи и между новѣйшими учеными. Одни, какъ напр. Шеманнъ, понимаютъ ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ, тогда какъ другіе, какъ напр. Ваксмутъ, Германъ, объемъ ея, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ, значительно съуживаютъ. Такъ Шеманнъ, хотя отъ категорическихъ утвержденій въ данномъ случаѣ удерживается, однако, по его мнѣнію, вѣроятнѣе всего всѣ долговыя обязательства сейсахтіею были уничтожены [2]).

Другой за тѣмъ нѣмецкій ученый К. Ф. Германъ полагаетъ, что долговыхъ обязательствъ Солонъ своею сейсахтіею не уничтожалъ; облегчилъ онъ участь обѣднѣвшихъ гражданъ между прочимъ посредствомъ слѣдующихъ мѣръ: во 1-хъ) посредствомъ пониженія на 27 процентовъ вновь выпущенной монеты, вслѣд-

---

[1]) Καίτοι τινὲς ἔγραψαν, ὧν ἐστιν Ἀνδροτίων, οὐκ ἀποκοπῇ χρεῶν ἀλλὰ τόκων μετριότητι κουφισθέντας ἀγαπῆσαι τοὺς πένητας, καὶ σεισάχθειαν ὀνομάσαι τὸ φιλανθρώπευμα τοῦτο, καὶ τὴν ἅμα τούτῳ γενομένην τῶν τε μέτρων ἐπαύξησιν, καὶ τοῦ νομίσματος τιμήν· Ἑκατὸν γάρ ἐποίησε δραχμῶν τὴν μνᾶν, πρότερον ἑβδομήκοντα καὶ τριῶν οὖσαν· Plut. Sol. XV.

[2]) Die Verschuldeten mussten von der Verpflichtungen losgesprochen werden.... Wenigstens ist dies die wahrscheinlichste Ansicht über seine so genannte Seisachteia. Griechische Alterthümer. 1 Band—347.

ствіе чего достоинство находившихся до этого въ оборотѣ денежныхъ знаковъ на столько же процентовъ повысилось—и во 2) посредствомъ ограниченія количества поземельныхъ участковъ, какимъ могъ владѣть аѳинскій гражданинъ, тогда какъ доселѣ владѣніе это не ограничивалось никакой нормой [1]). Ваксмутъ въ вопросѣ объ уничтоженіи долговъ еще болѣе съуживаетъ значеніе сейсахтіи. Ограниченія извѣстною нормою количества поземельныхъ владѣній онъ не допускаетъ; все же значеніе сейсахтіи, по мнѣнію этого ученаго, состояло въ уменьшеніи процентовъ и затѣмъ въ повышеніи на 27°|₀ находившейся уже въ оборотѣ монеты чрезъ уменьшеніе на столько же вновь отчеканенныхъ денегъ [2]). Знаменитый англійскій ученый Гротъ въ этомъ случаѣ, можно сказать, занимаетъ середину между тѣми и другими. По его мнѣнію для облегченія участи неимущихъ классовъ аѳинскихъ гражданъ, Солонъ принялъ нѣсколько различныхъ мѣръ. Самыхъ бѣдныхъ онъ совершенно освободилъ отъ всѣхъ долговъ, при чемъ земли, заложенныя за долги, возвращены были ихъ прежнимъ владѣльцамъ. На другихъ должниковъ, которые далеко не находились въ особенно бѣдственномъ положеніи, льгота эта не распространялась; но взамѣнъ этого, для того, чтобы и имъ помочь чѣмъ нибудь, Солонъ употребилъ слѣдующую мѣру: онъ понизилъ на 27 процентовъ новую монету, вслѣдствіе чего цѣнность прежде находившейся въ обращеніи на столько же повысилась.

Что же касается лично нашего мнѣнія на счетъ сейсахтіи, то считаемъ необходимымъ прежде замѣтить, что не выдержи-

---

[1]) Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer. T. 1.

[2]) Hellenische Alterthümer aus dem Gesichtspunkte des Staates. 249. Если Ваксмутъ значеніе сейсахтіи съуживаетъ въ вопросѣ о долгахъ, за то расширяетъ ея значеніе въ другомъ направленіи: по мнѣнію этого ученаго сейсахтія Солона сдѣлала всѣхъ аѳинянъ, находившихся доселѣ въ крѣпостной зависимости, свободными и полноправными собственниками занимаемыхъ ими земельныхъ участковъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ: Noch mehr, es ist sicher zu behaupten, dass mit der Seisachteia damals auch eine Verwandlung der Zinsbauerstellen der bisher dem Adel zugegeben gewesenen Leute in selbständiges freies Grundeigenthum erfolgte. На сколько справедливо это мнѣніе увидимъ послѣ.

ваетъ никакой критики мнѣніе тѣхъ писателей (Андротіона, Ваксмута и другихъ), которые полагаютъ, будто бы сейсахтія уменьшила слѣдуемыя за занятыя деньги проценты. Этому противурѣчитъ экономическая практика послѣдующихъ временъ, когда законъ никакою нормою не ограничивалъ количества процентовъ [1]). Единственный случай, когда государство вмѣшивалось въ это дѣло, былъ тотъ, если мужъ, вступая въ разводъ со своею женою, не былъ въ состояніи возвратить полученное за нею приданное; тогда законъ обязывалъ его за продержку платить бывшей своей женѣ по 18°|₀ въ годъ [2]). Если же послѣ Солона никакой законъ не ограничивалъ количества процентовъ, то не могъ вводить какого бы то ни было ограниченія въ этомъ случаѣ и Солонъ, иначе, законъ этотъ послѣ долженъ бы быть отмѣненъ, но объ отмѣнѣ его нѣтъ положительно никакихъ извѣстій.

Еще менѣе заслуживаетъ вѣроятности то предположеніе, будто бы Солонъ, для облегченія участи массы бѣднаго народа, ввелъ норму поземельныхъ участковъ, какими могъ владѣть аѳинскій гражданинъ. Извѣстіе объ этомъ законѣ мы находимъ только у одного Аристотеля [3]), и безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ полагать, что попало оно въ его политику только вслѣдствіе крайней испорченности текста той книги этого сочиненія, въ которомъ упоминается объ этомъ законѣ. Въ самомъ дѣлѣ существованіе подобнаго рода закона умѣстно скорѣе въ демократіи съ коммунистическими тенденціями—чѣмъ въ республикѣ

---

[1]) Такъ ораторъ Лизій въ одной изъ своихъ рѣчей по этому поводу говоритъ слѣдующее: τὸ ἀργύριον στάσιμον εἶναι ἐφ' ὁπόσῳ ἂν βούληται δανείζων. Lys. Theomnest et c. p. 360.

[2]) Говоря о процентахъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что у Грековъ они были несравненно больше чѣмъ у Римлянъ въ вѣкъ Цицерона. Самымъ малымъ процентомъ считалось брать 10 со 100; брали обыкновенно больше—не рѣдко со 100 драхмъ брали въ видѣ процентовъ по 4 драхмы въ мѣсяцъ, что составитъ 48 проц. въ годъ. Деньги выдавались подъ залогъ всѣхъ вещей, кромѣ оружія.—Boeck.—Die Staatshaltung der Athener. T. 1, 181 и 186.

[3]) οἷον καὶ Σόλων ἐνομοθέτησε καὶ παρ' ἄλλοις ἐστί νομος ὅς κωλύει κτᾶσθαι γῆν ὁπόσην ἂν βούληταί τις. Polit. 11, 44.

съ такой умѣренной конституціей, какая была введена въ Аѳинахъ Солономъ, который далеко былъ отъ всякой мысли надѣлять низшій классъ народа правами и преимуществами во вредъ высшаго класса— во вредъ Эипатридовъ. Въ аѳинской республикѣ временъ Демосѳена, Эвхина объ этомъ законѣ ничего не знали, такъ какъ тогда равно какъ и прежде были богачи и поземельные собственники, которыхъ имущество далеко превосходило цензъ, назначенный конституціей Солона для того, чтобы имѣть право числиться въ первомъ классѣ аѳинскихъ гражданъ. Говорить же, что существованіе громадныхъ имѣній слѣдуетъ объяснить отмѣной впослѣдствіи этого закона, едва ли можно, такъ какъ на нее нѣтъ нигдѣ ни малѣйшихъ указаній.

Такимъ образомъ, повторяемъ, сейсахтія Солона, направленная для улучшенія участи обѣднѣвшихъ аѳинскихъ гражданъ, не могла состоять ни въ уменьшеніи процентовъ, накопившихся отъ занятыхъ у богачей денегъ, ни въ ограниченіи количества поземельныхъ участковъ. Въ чемъ же однако состояла сейсахтія, это «облегченіе тяжести»? Большинство писателей и ученыхъ болѣе или менѣе категорически заявляетъ, что намѣреваясь улучшить разстроенное имущественное положеніе массы аѳинскихъ гражданъ, Солонъ отнюдь не ограничивался какими нибудь полумѣрами, но прибѣгъ къ такой радикальной мѣрѣ, какъ уничтоженіе всѣхъ существующихъ долговыхъ обязательствъ. Посмотримъ теперь на сколько можетъ быть принято это мнѣніе и находитъ ли оно какое нибудь подтвержденіе какъ въ исторіи Греціи вообще, такъ и Аѳинъ въ частности.

Одинъ французскій ученый, говоря объ отношеніи государства къ собственности у древнихъ грековъ, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: Rien de plus commun chez les anciens que l'intervention du gouvernement dans la distribution des propriétés. Le partage des terres, l'abolition de dettes, la défense d'aliéner son bien, toutes ces mesures contraires au droit, selon nos idées etaient trés-fréquentes, et Aristote en cite de nombreux exemples dans la republique de la Grèce [1]).

[1]) Histoire de la philosophie morale et politique—Paul Janet. T. 1, 139.

Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Правда, попытки подобнаго рода, какъ уничтоженіе долговъ, новый передѣлъ земель, попадаются иногда въ исторіи то одного, то другаго греческаго государства. Но о нихъ нужно замѣтить то, что они почти никогда не предпринимались, государственною законною властью. Подобнаго рода преобразованія проводили или старались ввести въ большинствѣ случаевъ злонамѣрные честолюбцы, которые этимъ путемъ надѣялись достигнуть тиранніи. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ неудачныя попытки спартанскаго царя Агиса 3-го, патріотическая цѣль которыхъ возвышеніе Спарты чрезъ увеличеніе числа полноправныхъ гражданъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. [1]). Что же касается аѳинянъ, то ихъ консервативное настроеніе къ заключеннымъ обязательствамъ подтверждается многими данными.

Оно яснѣе всего обнаруживается въ той клятвѣ, которую геліасты принимали ежегодно, при вступленіи въ исполненіе своихъ обязанностей. Этой клятвой они обязывались съ одной стороны поддерживать существующую демократическую конституцію государства, а съ другой отвергать всѣ проекты, клонящіеся къ уничтоженію долговъ и новому передѣлу земли [2]). Вотъ текстъ этой клятвы, сохранившейся въ рѣчи Демосѳена противъ Тимократа: Ψηφιοῦμαι κατὰ τούς νόμους καὶ τά ψηφίσματα τοῦ δήμου τοῦ 'Αθηναίων καὶ τῆς βουλῆς τῶν πενταχοσίων, καὶ τύραννον οὐ ψηφιοῦμαι εἶναι, οὐδ' ὀλιγαρχίαν· οὐδ', ἐάν τις καταλύῃ τὸν δῆμον τὸν Αθηναίων, ἤ λέγῃ ἤ ἐπιψηφ ιζῃ παρὰ· ταῦτα, οὐ πείσομαι· οὐδὲ τῶν χρεῶν τῶν ἰδίων ἀποχοπὰς, οὐδὲ γῆς ἀναδασρον τῆς 'Αθηναίων οὐδ' οἰκιῶν οὐδὲ τούς.... [3])

[1]) Этотъ Агисъ въ виду бѣдственнаго положенія своего отечества, въ которомъ большая часть поземельныхъ владѣній съ теченіемъ времени перешла въ руки нѣсколькихъ семействъ, весь же народъ страдалъ подъ бременемъ долговъ и бѣдности, задумалъ уничтожить всѣ долговыя обязательства, ввести новый передѣлъ земли и пр. Но этотъ планъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, самъ же Агисъ былъ задушенъ въ темницѣ.

[2]) Говоря объ этой реформѣ, считаемъ не лишнимъ привести мнѣніе о ней Діона Хризостома, который утвержаетъ, что въ Греціи они никогда не практиковались ὁ μηθ' ὅλως ἴσμεν εἴ ποτε συνέβη. Dion. Chrys. XXXI, 332.

[3]) κατὰ Τιμοχράτους—ὅρχος ἡλιαστῶν—746—20. Хотя нѣкоторые ученые находятъ невозможнымъ приписывать эту рѣчь Демосѳену, тѣмъ не менѣе сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется.

Мало того, тотъ же Демосѳенъ не только освобождаетъ демократію отъ подобныхъ обвиненій, но еще сваливаетъ ихъ на олигарховъ, какъ на людей, для которыхъ священныя права собственности ни по чемъ [1]). По этому нѣтъ ничего удивительнаго. если Римляне какъ ни мало они ни цѣнили греческую честность, но объ аѳинянахъ были столь высокаго мнѣнія, что по свидѣтельству Велея Патеркула, аѳинская честность у нихъ вошла въ пословицу [2]). Въ виду выше приведенныхъ нами соображеній, едва ли можно приписывать Солону такую мѣру, какъ уничтоженіе, всѣхъ долговыхъ обязательствъ, хотя бы съ цѣлью улучшенія бѣдственнаго положенія массы народа. Не могъ Солонъ рѣшиться на что нибудь подобное, потому что такая мѣра нисколько не могла помочь дѣлу умиротворенія гражданъ, доселѣ находившихся въ постоянной враждѣ между собою. Въ какомъ положеніи очутились бы многіе кредиторы, если бы должникамъ ихъ дана была подобная льгота? Вѣдь нельзя не допустить, что между заимодавцами были и такіе, у которыхъ поземельныхъ владѣній или не было вовсе, или было очень немного, а потому съ уничтоженіемъ долговъ они теряли всѣ средства къ жизни. Едва ли равнодушно отнеслись бы къ своей потерѣ и тѣ изъ заимодавцевъ, которые были бы по богаче; нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы они ни съ того ни съ сего согласились добровольно отказаться отъ капиталовъ, отданныхъ ими въ заемъ. А что на долгахъ денегъ было не мало, это можно заключить изъ того, что въ нихъ погрязла большая часть народа, при чемъ были заложены не только поля, но многіе изъ должниковъ за свою несостоятельность попали въ рабство. Очевидно, что уничтоженіе долговыхъ обязательствъ могло поселить только недовольство и раздраженіе заимодавцевъ, которыми, въ большинствѣ случаевъ, были Эвпатриды. Между тѣмъ въ продолженіе долгаго времени они остаются въ покоѣ; и если Аѳины послѣ законодательства Соло-

---

[2]) ibid.—724.

[3]) Ut semper et in omni re, quicquid sincera fide gereretur, id Romani, attica fieri, predicarent.—Vellej. Paterc. 11, 23.

на не наслаждались особенно продолжительнымъ миромъ, то виною этого, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, были не аристократы, не высшій классъ народа, а тѣ же бѣдняки, та же масса простаго народа, облагодѣтельствовать которую пытался Солонъ своею сейсахтіею. Но если для облегченія участи бѣдняковъ не могъ прибѣгнуть онъ къ такой радикальной мѣрѣ, какъ уничтоженіе всѣхъ долговыхъ обязательствъ, то какая же другая была употреблена для достиженія той же цѣли?

Прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, считаемъ необходимымъ сначала предложить другой, надѣясь, что болѣе или менѣе удовлетворительное его рѣшеніе значительно поможетъ тому затрудненію, съ какимъ сопряженъ вопросъ о сейсахтіи Солона; а именно, какое значеніе имѣла его монетная реформа, вслѣдствіе которой достоинство новой монеты было уменьшено на 27 проц., находящейся же до этого въ оборотѣ увеличено на столько же процентовъ? Выше упомянутый нами англійскій ученый Гротъ, говоря объ этой реформѣ, высказываетъ то мнѣніе, что цѣлью ея было прійти на помощь должникамъ изъ болѣе зажиточнаго класса, на которыхъ безусловное освобожденіе отъ долговъ, будто бы, не распространялось. Другіе ученые, какъ напр. Шеманнъ, Германъ, напротивъ полагаютъ, что реформа эта относилась ко всѣмъ должникамъ вообще, а не къ тѣмъ только изъ нихъ, которые за свою долговую несостоятельность попали въ рабство. Посмотримъ теперь, могла ли эта монетная реформа въ самомъ дѣлѣ принести пользу, доставить болѣе или менѣе значительное облегченіе тѣмъ, которымъ, по мнѣнію вышеупомянутыхъ нами ученыхъ, она должна была доставить.

Согласиться съ подобнаго рода мнѣніемъ едва ли можно. Понимая эту монетную реформу въ такомъ смыслѣ, слѣдуетъ скорѣе прійти къ тому заключенію, что она принесла пользу богачамъ, а не бѣднымъ. У богачей денегъ вѣдь было больше, чѣмъ у бѣдныхъ, особенно у такихъ, которые за свою долговую несостоятелньость должны были заложить свои земельныс участки и попасть въ рабство. А потому повышеніе цѣнности находившихся въ оборотѣ денегъ, хотя бы и на такой значи-

тельный процентъ, не могло принести бѣднякамъ почти никакой пользы; въ самомъ дѣлѣ, едва ли большое облегченіе могъ почувствовать должникъ тѣмъ, что вмѣсто находящихся у него 4 драхмъ у него послѣ перечеканки оказалось 5, вмѣсто 25 минъ—30. Тогда какъ какой нибудь богачъ, обладавшій доселѣ капиталомъ въ 10,000 драхмъ, благодаря этой реформѣ, обогощался съ разу приблизительно на 2700 драхмъ. Очевидно, что эта монетная реформа, понимаемая въ такомъ смыслѣ, могла принести пользу только богачамъ и вообще людямъ, располагавшимъ до ея введенія болѣе или менѣе значительнымъ капиталомъ. Но странно было бы думать, чтобы Солонъ и безъ того отличное положеніе богачей желалъ улучшить еще больше; въ этомъ нуждались не они, а масса притѣсняемыхъ и угнетаемыхъ ими бѣдняковъ.

Какимъ же однако образомъ могло произойти такъ называемое «облегченіе тяжести» (σεισάχθεια) при помощи вышеупомянутой нами монетной реформы для тѣхъ людей, которые денегъ почти совсѣмъ не имѣли—и при томъ, какимъ образомъ могло произойти оно безъ всякой потери со стороны заимодавцевъ?

Андротіонъ, а со словъ его и другіе писатели, говорятъ, что Солонъ, возвысилъ цѣнность существовавшей монеты на 27%, такъ что сумма денегъ, положимъ въ 1000 драхмъ, послѣ перечеканки на новыхъ основаніяхъ, превращалась въ 1270. Спрашивается теперь, возвращало ли государство лицу, представившему для новой перечеканки 1000 драхмъ, только туже сумму, которую оно отъ него получило, или же вмѣстѣ съ нею также и то приращеніе, которое произошло вслѣдствіе вновь произведенной монетной реформы. Если бы Солонъ поступилъ такимъ образомъ, то, какъ мы видѣли выше, мѣра эта, какъ средство облегчить и улучшить участь массы обѣднѣвшаго народа, не имѣла бы ровно никакого значенія, такъ какъ въ такомъ случаѣ она могла бы способствовать только къ большему обогащенію людей и безъ того богатыхъ и зажиточныхъ; бѣдняки же отъ нея ничего бы не выиграли. А потому необходимо допустить, что образовавшееся приращеніе денегъ было задержано

Солономъ для тѣхъ государственныхъ потребностей, которыми была вызва́на эта монетная реформа [1]). Вызвана она была желаніемъ облегчить участь массы бѣднаго народа, страдавшаго подъ бременемъ непомѣрныхъ долговъ, а потому вырученная путемъ этой реформы сумма денегъ была употреблена ни на что иное, какъ на освобожденіе его отъ этихъ долговъ. При чемъ полагаемъ, что безъ всякой натяжки можно утверждать то, что 27°/₀ всѣхъ, находившихся въ обращеніи денегъ, было вполнѣ достаточно для того, чтобы покрыть собою тѣ суммы, какія аѳинскіе заимодавцы имѣли на своихъ должникахъ.

Резюмируя затѣмъ все сказанное нами о сейсахтіи, мы приходимъ къ тому заключенію, что посредствомъ нея должники получили освобожденіе отъ долговъ, благодаря слѣдующей монетной реформѣ. Деньги, находившіяся въ обращеніи, были перечеканены и при томъ перечеканены такъ, что стоимость вновь выпущенныхъ денежныхъ знаковъ была ниже стоимости тѣхъ же знаковъ прежняго чекана на 27°/₀, вслѣдствіе чего казна получила въ свое распоряженіе слишкомъ четвертую часть бывшихъ доселѣ въ обращеніи денегъ; полученными этимъ путемъ суммами были уплочены всѣ долги обѣднѣвшей части аѳинскаго народа и вообще всѣхъ должниковъ. Такимъ образомъ благодаря этой финансовой операціи, должники получили полное облегченіе отъ всѣхъ, тяготѣвшихъ на нихъ долговъ, и при томъ освобожденіе это произошло такъ, что и заимодавцы, собственно говоря, отъ этого ничего не теряли, такъ какъ номинальная сумма долговъ изъ указаннаго нами выше источника была уплочена государствомъ сполна. Въ этомъ случаѣ мнѣніе наше о сейсахтіи приближается къ мнѣнію Андротіона, который по поводу нея говоритъ, «что заемщики, возвращая сумму количественно равную, а цѣною меньше, получали большую выгоду, при чемъ ничего не теряли и заимодавцы [2]). Разница только въ

---

[1]) Въ этомъ случаѣ богачи едва могли считать себя обиженными, такъ какъ они послѣ перечеканки получили номинально ту же сумму денегъ, какую каждый изъ нихъ представилъ.

[2]) ὥστ' ἀριθμῷ μὲν ἴσον, δυνάμει δ' ἔλαττον ἀποδιδόντων, ὠφελεῖσθαι μὲν τοὺς ἐκτίνοντας μεγάλα, μηδὲν δὲ βλάπτεσθαι τοὺς κομιζομένους. Plu. Sol. XV.

томъ, что по мнѣнію Андротіона уплата долговъ производилась самыми должниками, тогда какъ по нашему мнѣнію уплату эту помощью извѣстной монетной реформы произвело государство, потому что въ противномъ случаѣ бѣдняки могли бы выиграть очень мало, чтобы не сказать рѣшительно ничего; и будучи предоставлены своимъ средствамъ, они при этой реформѣ никогда не освободились бы отъ долговъ и отъ тѣхъ тяжкихъ послѣдствій, съ какими они были связаны въ это время.

Говоря о сейсахтіи, Плутархъ разсказываетъ, что по поводу ея Солону пришлось испытать слѣдующую непріятность: когда онъ рѣшился уничтожить долги, то обдумывая, какъ бы искуснѣе составить свой планъ и выполнить его, онъ открылъ своимъ друзьямъ, болѣе другихъ пользовавшимся ево довѣріемъ и расположеніемъ, что касаться поземельной собственности онъ не намѣренъ, и что въ замѣнъ этого онъ рѣшился на совершенное уничтоженіе долговъ. Тѣ, узнавъ объ этомъ, поспѣшили занять, гдѣ было можно, порядочную сумму денегъ, и купили нѣсколько отличныхъ имѣній. Когда же сейсахтія была обнародована, то купленные этими аферистами земельные участки остались за ними, отъ долговъ же они сдѣлались совершенно свободны. Это обстоятельство, продолжаетъ Плутахъ, навлекло на Солона со всѣхъ сторонъ упреки и нареканія, пока не обнаружилось, что отъ этого мошенничества пришлось потерять и Солону 5 талантовъ (по словамъ другихъ гораздо болѣе, а именно 15). На сколько истинно это происшествіе, сказать трудно. Не возможно однако допустить, чтобы Солонъ, наканунѣ уничтоженія долговъ, далъ въ займы онымъ друзьямъ такую сумму денегъ. Вѣ-

---

Изъ древнихъ ученыхъ Андротіонѣ, а изъ новѣйшихъ между прочимъ Бекъ полагаютъ, что одновременно съ монетой Солономъ были измѣнены мѣры вѣса и прочее (Plut. Sol. XV.—Boeck—Staatshaltung der Athener. T. 1. кн. 1, XV, 2). Противъ этого мнѣнія возстаетъ Гротъ, который взглядъ свой на это дѣло помѣстилъ въ classic. Mus. N. 1.— Самъ по себѣ вопросъ этотъ столь маловаженъ, что останавливаться здѣсь на немъ мы считаемъ совершенно лишнимъ.

роятнѣе всего разсказъ этотъ [1]) принадлежитъ къ тѣмъ анекдотамъ, которыми Плутархъ такъ часто любитъ украшать свои жизнеописанія. Во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе можно согласиться съ извѣстіемъ Лаэртія [2]), что Солонъ самъ добровольно отказался отъ семи талантовъ, розданныхъ имъ взаймы, чѣмъ потерялъ ихъ вслѣдствіе мошенничества своихъ друзей.

Возвращаясь затѣмъ еще разъ къ сейсахтіи и къ тѣмъ результатамъ, какіе повела она за собою, нужно сказать что, благодаря ей, положеніе обѣднѣвшаго класса аѳинскаго народа значительно измѣнилось къ лучшему: заложенные земельные участки возвратились назадъ къ ихъ прежнимъ собственникамъ, и столбы (ὅροι), доселѣ торчавшіе на нихъ, исчезли; попавшіе же за долги въ рабство получили опять свободу. Вотъ тѣ великія благодѣянія, какія аѳинскому народу принесла геніально задуманная и мастерски исполненная сейсахтія! »Это«, по словамъ самаго Солона, »засвидѣтельствуетъ величайшая и преславная мать олимпійскихъ небожителей, Сырая Земля, которую я, прежде рабствующую, сдѣлалъ свободною, устранивъ столбы, доселѣ торчавшіе на ней повсюду. Аѳиамъ возвратилъ я многихъ изъ ея гражданъ законно и противузаконно проданныхъ въ рабство. Я сдѣлалъ свободными тѣхъ, которые по нуждѣ занимались гаданіями и забыли свою родную аѳинскую рѣчь отъ долгаго скитанія, равно какъ и тѣхъ, которые несли позорное рабство здѣсь же на своей родинѣ« [3])

Еще большаго удивленія заслуживаетъ Солонъ и его сейсахтія, если вспомнимъ, что всѣ тѣ блага, какія получилъ народъ, не причинили собою никакого ущерба интересамъ высшаго, зажиточнаго класса аѳинскихъ гражданъ. А потому, говоря о результатахъ своей реформы, Солонъ былъ вправѣ сказать, что: »все это сдѣлалъ я, соединивъ силу съ правдою и только благодаря имъ, привелъ я въ исполненіе то, что обѣщалъ« [3]).

---

[1]) Plut. Sol. XV. Rei. publ. Gerend. Praec. z. 807.

[2]) ἑπτὰ δὴ ταλάντων ὀφειλομένων αὐτῷ πατρῴιον συνεχώρησε πρῶτος. Solon, I.

[3]) Bergk. Solon, 36. ταῦτα μὲν κράτει,
ὁμοῦ βίην τε καὶ δίκην συναρμόσας,
ἔρεξα καὶ διήνυς' ὡσ ὑπεσχόμην.—ibid. 13—15.

Но заботясь объ улучшенiи участи низшаго класса аѳинскихъ гражданъ, Солонъ имѣлъ въ виду не только его настоящее, но и будущее. Возвращая попавшимъ за долги въ рабство ихъ прежнюю гражданскую свободу, Солонъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ мѣры и къ тому, чтобы на будущее время что нибудь подобное съ аѳинскими гражданами не могло повторяться. Съ этой цѣлью онъ издалъ законъ, въ силу котораго разъ на всегда признавались недѣйствительными всѣ обязательства, которыя были заключены подъ залогъ личной свободы аѳинскаго гражданина, и тѣмъ уничтожилъ существовавшiй доселѣ въ Аѳинахъ обычай, выражаясь тогдашнимъ техническимъ терминомъ, »давать въ займы подъ залогъ тѣла« заемщика [1]).

---

1) τοῦτο γὰρ ἐποιήσατο πρῶτον πολίτευμα, γράψας τά μὲν ὑπάρχοντα τῶν χρεῶν ἀνεῖσθαι, πρὸς δε τὸ λοιπὸν ἐπὶ τοῖς σώμασι μηδένα δανείζειν.—Plut. Solon. XV.

II.

Но не одни несостоятельные должники составляли предметъ попеченій Солона. Не мало его озабочивала также участь аѳинскихъ изгнанниковъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, присужденныхъ къ такому наказанію. Такихъ изгнанниковъ было много; при чемъ многіе за предѣлами своего отечества скитались такъ долго, что даже позабыли свой родной языкъ; другіе, чтобы добыть средства къ жизни, должны были заниматься ворожбой и гаданіями, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ Солона:

πολλοὺς' 'Αθήνασδ' πατρίδ' εἰς θεόκτιτον
ἀνήγαγον . . . .

. . . . . τοὺς δ' ἀναγκαίης ὕπο
χρησμόν λέγοντας, γλῶσσαν οὐκέτ' 'Αττικήν
ἰεντας, ὣς ἄν πολλαχῇ πλανωμένους [1]).

Не оставилъ безъ вниманія Солонъ участь и этихъ несчастныхъ: въ числѣ его распоряженій, его законовъ былъ законъ, который гласилъ слѣдующее: Всѣмъ тѣмъ, которые были лишены гражданскихъ правъ (чести) до принятія Солономъ званія архонта, должны быть возвращены таковые; за исключеніемъ тѣхъ, которые были осуждены ареопагомъ, эфетами или въ пританѣ царями за убійство, душегубство, или за стремленіе къ тиран-

---

[1]) Bergk. Solon. XXXVI. 6—10.

ніи, и находились въ изгнаніи въ то время, когда былъ обнародованъ этотъ законъ [1]).

Отсюда видно, что амнистія Солона не распространялась на тѣхъ изгнанниковъ, которые были присуждены къ изгнанію судомъ ареопага, эфетовъ и наконецъ царями пританов за убійство, душегубство и за стремленіе къ тиранніи. Что подъ стремившимися къ тиранніи (ὅσοι ἐπὶ τυραννίδι ἔφυγον) Солонъ имѣлъ въ виду Килона и его соучастниковъ, это очевидно. Но какихъ преступниковъ нужно подразумѣвать подъ осужденными за убійство или душегубство, обыкновенныхъ ли убійцъ или же виновныхъ въ особыхъ, такъ сказать, квалифицированныхъ убійствахъ, сказать трудно. Петитъ (Petitus) [2]), а также Мерзій [3]) придерживаются того мнѣнія, что какъ въ томъ такъ и другомъ случаѣ изъятіе отъ амнистіи относится къ убійцамъ вообще. Другіе ученые мнѣніе это видоизмѣняютъ въ томъ смыслѣ, что амнистія эта будто бы не распространялась на преступниковъ присужденныхъ къ изгнанію за такія убійства, которыя по конституціи Солона подлежали суду ареопага, эфетовъ, или пританов. Филиппи [4]) и Вестерманъ въ свою очередь подобнаго рода объясненіе амнистіи находятъ невѣрнымъ. главнымъ образомъ потому, что законодательство Солона не дѣлало изъ совѣта пританов никакой особой судебной инстанціи. По мнѣнію этихъ ученыхъ, изъ этой амнистіи были изъяты Мегаклъ и прочіе соучастники въ извѣстномъ избіеніи заговорщиковъ Килона. Но съ подобнаго рода мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Въ числѣ возвратившихся изъ изгнанія при Солонѣ мы прежде всего встрѣчаемъ Мегакла и его приверженцевъ. При содѣйствіи это-

---

[1]) ἀτίμων ὅσοι ἄτιμοι ἦσαν, πρὶν ἢ Σόλωνα ἄρξαι, ἐπιτίμους εἶναι πλὴν ὅσοι ἐξ Ἀρείου πάγου ἢ ὅσοι ἐκ τῶν Ἐφετῶν, ἢ ἐκ Πρυτανείου καταδικασθένες ὑπὸ τῶν βασιλέων ἐπι φόνῳ ἢ σφαγαῖσιν, ἢ ἐπὶ τυραννίδι ἔφυγον, οτε θεσμὸς ἐφάνη ὅδε. Plut. Sol. XIX.

[2]) Leges Atticae p. 327—F—b.

[3]) Meursius. Areopag. p. 2078, V.

[4]) Rheinisches Museum für philologie. 1 Вып. 29 T. Das Amnestiegesetz des Solon und die Prytanen.... 6—7.

го Мегакла Пизистрату вторично удается утвердить тиранію въ Аѳинахъ; согласно договору тотъ же Пизистратъ женится на дочери одного изъ «проклятыхъ» Алкмеонидовъ [1]). А потому полагаемъ, что исключать изъ этой амнистіи убійцъ заговорщиковъ Килона едва ли можно. Напротивъ есть полное основаніе полагать, что эта амнистія прежде всего была направлена въ пользу осужденныхъ за это избіеніе. Какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ были больше всего виновны Алкмеониды и другіе аристократы а потому, разрѣшая имъ возвратиться изъ изгнанія Солонъ надѣялся расположить въ свою пользу Эвпатридовъ, тѣмъ болѣе, что присуждая къ вѣчному изгнанію оставшихся въ живыхъ заговорщиковъ Килона, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени (хотя и косвенно) оправдывалъ Мегакла и его товарищей отъ тяготѣвшаго на нихъ преступленія. Отсюда необходимо прійти къ тому заключенію, что изъяты были изъ амнистіи не Алкмеониды, не лица скомнрометированныя въ убійствѣ такъ сказать политическомъ, но преступники, осужденные на изгнаніе за простое убійство [2]).

Послѣдствія сейсахтіи и затѣмъ амнистіи были для Аѳинъ въ высщей степени плодотворны. По словамъ Солона, они превзошли всѣ его ожиданія. 'А μὲν ἄελπτα σὺν θεοῖσις ἥνυς', ἄλλα δ' οὐ μάτην ἔρδον, говоритъ онъ въ одномъ изъ отрывковъ дошедшихъ до насъ его стихотвореній.

Положеніе обѣднѣвшаго класса аѳинскихъ гражданъ было значительно улучшено, множество томившихся въ изгнаніи получило позволеніе возвратиться назадъ въ свое отечество, и въ государствѣ, обуреваемомъ доселѣ безпрерывными раздорами и междоусобіями, водворилась тишина и спокойствіе. Въ благо-

---

[1]) ἀπολαβὼν δὲ τὴν τυραννίδα τρόπῳ τῷ εἰρημένῳ ὁ Πεισίστρατος κατὰ τὴν ὁμολογίην τὴν πρὸς Μεγακλέα γενομένην γαμέει τοῦ Μεγακλέος τὴν θυγατέρα...... καὶ λεγομένων ἐναγέων εἶναι τῶν 'Αλκμαωνιδέων. Herod. Lib. 1, 61.

[2]) Говоря объ амнистіи, считаемъ необходимымъ остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ ея текста: ἢ ἐκ Πρυτανείου καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων.—Что это были за цари, о которыхъ упоминаетъ амнистія Солона, это вопросъ, на счетъ котораго ученые далеко не одинаковаго мнѣнія.

дарность за оказанныя услуги аѳиняне учредили общее жертвоприношеніе, которое было названо сейсахтіею [1]).

Но не въ одномъ только улучшеніи матеріальнаго положенія обѣднѣвшихъ гражданъ чувствовалась тогда необходимость въ Аттикѣ. Лишь только экономическія потребости аѳинскихъ гражданъ были удовлетворены, явилась надобность и въ расширеніи политическихъ правъ тѣхъ же гражданъ, такъ какъ шагъ въ экономическомъ развитіи каждаго народа необходимо сопровождается движеніемъ впередъ и его политическаго развитія. Но политическими правами, правами на занятіе государственныхъ должностей въ Аттикѣ доселѣ почти исключительно пользовались Эвпатриды. Это возбуждало зависть и недовольство въ

Миллеръ (Eumenid. 157), а отчасти Шелль подъ этими царями подразумѣваютъ извѣстныхъ φυλοβασιλεῖς, которыхъ они отождествляютъ съ пританами навкраровъ. Такое мнѣніе опровергаетъ Шеманнъ (Opusc. 1, 198), ссылаясь съ одной стороны на то, что въ древности одни и тѣ же должности не носили двухъ разныхъ названій и во вторыхъ Геродотъ никоимъ образомъ не могъ подъ пританами навкраровать подразумѣва φυλοβασιλεῖς, такъ какъ онъ нихъ упоминаетъ отдѣльно и называетъ пхъ φύλαρχοι. По мнѣнію этого ученаго подъ царями Солоновой амнистіи слѣдуетъ понимать ἀρχῶν βασιλεύς, который предсѣдзтельствовалъ какъ на ареопагѣ такъ и на судѣ эфетовъ. Вслѣдствіе чего слово καταγικασθέντες нужно относить къ преступникамъ, судившимся предъ ареопагитами, эѳетами и пританами. Если же въ текстѣ амнистіи значится, будто бы приговоръ исходитъ отъ одного царя, то это объясняется тѣмъ юридическимъ обычаемъ древнихъ грековъ, что δικάζειν—дѣло судей—переносилось на царя, предсѣдательствовавшаго на судѣ.

[1]) Ταχὺ μέντοι τοῦ συμφέροντος αἰσθόμενοι, καὶ τὰς ἰδίας αὐτῶν μέμψεις ἀφέντες, ἔθυσάν τε κοινῇ, Σεισάχθειαν τὴν θυσίαν ὀνομάσαντες—XVI Plut Sol.

Впрочемъ, говоря о послѣдствіяхъ вышеизложенныхъ нами реформъ Солона, тотъ же Плутархъ замѣчаетъ, что на первыхъ порахъ сейсахтіею остались не довольны всѣ и богачи и бѣдняки. Огорчилъ онъ богатыхъ тѣмъ, будто бы уничтожилъ всѣ долги, а не удовлетворылъ бѣдняковъ потому, что не совершилъ новаго передѣла земель и не ввелъ подобно Ликургу полнаго равенства гражданъ по имуществу. Но это противорѣчіе, въ какое впадаетъ Плутархъ по поводу ближайшихъ послѣдствій сейсахтіи, помимо другихъ обстоятельствъ, доказываетъ ясно, что недовольства сейсахтіею не могло быть никакого, тѣмъ болѣе на первыхъ порахъ послѣ ея введенія, такъ какъ она въ сущности, какъ мы видѣли выше, не принесла никакого убытка Эвпатридамъ, а между тѣмъ освободила всѣхъ обѣднѣвшихъ гражданъ отъ долговъ и рабства.

гражданахъ другихъ классовъ, между которыми не мало было такихъ, имущество которыхъ могло равняться имуществу любаго изъ Эвпатридовъ, тѣмъ не менѣе, какъ не принадлежащіе къ этпмъ послѣднимъ по своему происхожденію, они были исключены отъ всякаго участія въ управленіи государственными дѣлами. Такое ненормальное явленіе не могло продолжаться долго: раньше или позже оно должно было исчезнуть. Кромѣ того судебная и административная часть въ Аѳинахъ находилась далеко не въ удовлетворительномъ положеніи. Однимъ словомъ, являлася необходимось въ коренныхъ реформахъ, въ радикальномъ нреобразованіи всего государственнаго строя. Рѣшеніе столь великой и трудной задачи была возложено на Солона, успѣвшаго уже столь блистательно проявить свои государственныя способности въ такихъ дѣлахъ, какъ завоеваніе Саламина и введеніе сейсахтіи. Дѣятельность Солона на поприщѣ законодателя и преобразователя аѳинскаго общества составитъ предметъ слѣдующихъ главъ нашего сочиненія.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ СОЛОНА.

Полномочія, полученныя Солономъ отъ своихъ согражданъ, были громадны. Всѣ части государственнаго и общественнаго организма были отданы въ полное его распоряженіе. Ему была дана неограниченная власть уничтожить и сохранить изъ тѣхъ порядковъ, какіе существовали при немъ все, что онъ найдетъ нужнымъ[1]). Согласно желанію Аѳинянъ, сознавшихъ неотложную необходимость въ коренныхъ преобразованіяхъ всего общественнаго строя, Солонъ свою законодательную дѣятельность повелъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Не было ничего въ государствѣ, чтобы не подверглось болѣе или менѣе значительнымъ преобразованіямъ. Государственный строй, общественныя власти, распредѣленіе политическихъ правъ и преимуществъ и связанныхъ съ ними государственныхъ и общественныхъ повинностей, судоустройство, судопроизводство все это было совсѣмъ преобразовано или устроено на другихъ началахъ. Не осталась въ сторонѣ отъ реформъ Солона даже семейная и религіозная жизнь аѳинскихъ гражданъ. Имъ были измѣнены брачные обряды, введены завѣщанія, упрощенъ культъ мертвыхъ назначена цѣна жертвеннымъ животнымъ. Отмѣна публичнаго рабства аѳинскихъ

---

[1]) Plut. Sol. XVI. Замѣтимъ здѣсь, что вообще не въ духѣ античныхъ республикъ, даже когда онѣ получили демократическій характеръ, совершеніе широкихъ государственныхъ реформъ предоставлять народному собранію или коммиссіи, выбранной изъ среды этого собранія. Обыкновенно, какъ это было въ данномъ случаѣ, такая задача возлагалась на одно лицо, пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ и авторитетомъ.

гражданъ (права продавать въ рабство несостоятельныхъ должниковъ) и семейнаго черезъ ограниченіе власти (прежде почти неограниченной) отца семейства, должны были послужить основеніемъ для эмансинаціи семьи. Тотъ же Солонъ издалъ не мало постановленій полицейскаго характера какъ напр. регулировалъ торговлю произведеніями аѳинской почвы, устройство колодцевъ, обязалъ обывателей сожигать и уничтожать вредныя деревья и растенія. При немъ былъ измѣненъ календарь, измѣненъ способъ чтенія рапсодій Гомера на общественныхъ празднествахъ и т. д. Всѣ эти законы и постановленія были начертаны (вырѣзаны) на доскахъ, извѣстныхъ подъ именемъ аксоны и кирбы (ἄξονες, κύρβεις). Внѣшнее ихъ отличіе другъ отъ друга состояло въ томъ, что аксоны имѣли форму квадрата, а кирбы—треугольника [1]). Чтоже касается разницы этихъ таблицъ въ ихъ содержаніи, думаютъ, что на аксонахъ были написаны законы по преимуществу гражданскаго характера, и на кирбахъ постановленія по дѣламъ религіи. [2]). Тѣ и другія таблицы написаны были шрифтомъ, который назывался бустрофедонъ. Слогъ этихъ законовъ былъ безспорно прозаическій. Думать, что они были написаны поэтическимъ размѣромъ, нѣтъ никакого основанія. Правда, по словамъ Плутарха [3]), были писатели, которые утверждали, что Солонъ сначала думалъ было издать свои законы размѣромъ гекзаметра и даже приводятъ одно двустишіе, которое будьто бы составляло начало этого, такъ сказать, юридическаго эноса. Это двустишіе, которое можно найти во всѣхъ сборникахъ греческихъ элегиковъ, слѣдующее:

Πρῶτα μὲν εὐχώμεσθα Διὶ κρονίδῃ βασιλῆϊ
θεσμοῖς τοῖσδε τύχην ἀγαθὴν καὶ κῦδος ὀπάσσαι

т. е. помолимся прежде всего царю Зевсу сыну Кроноса, да ниспошлетъ онъ этимъ законамъ добрую судьбу и славу.

---

[1]) Athen. Lib. VI. Нѣкоторые полагаютъ. что кирбы были сдѣланы изъ камня, а аксоны изъ дерева, на кирбахъ были написаны законы общаго, государственнаго характера, а на анаксонахъ—частнаго гражданскаго.

[2]) Ibid. Кое какія остатки этихъ таблицъ оставались еще во времена Плутарха и сохранялись въ Пританеѣ. [3]) Plut. Sol. 3.

Впрочемъ, не объ однихъ только законахъ Солона въ древности ходили разсказы, что они были написаны поэтическимъ размѣромъ. Тоже самое говорилось о законахъ Зелевка, Харонда и ретрахъ Ликурга [1]). Это мнѣніе подтверждается, повидимому, тѣмъ, что у Римлянъ законы иногда называются carmina, а греческое слово νόμος [2]) не рѣдко встрѣчается съ значеніемъ слова «пѣснь» (религіознаго содержанія—ὕμνος). Что многіе законы какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Спартѣ, перелагались въ стихи и распѣвались юношествомъ, это фактъ несомнѣнный. Но чтобы сами законодатели обнародовывали свои законы поэтическимъ размѣромъ, это невѣрно. Первые законы излагались въ видѣ краткихъ приговоровъ или изреченій, въ которыхъ глаголъ, выражавшій повелѣніе или запрещеніе, ставился въ неопредѣленномъ наклоненіи. Такую форму имѣютъ законы, приписываемые Триптолему γονεῖς τιμᾶν, Ζῶα μὴ σίνεσθαι, въ такой формѣ Плутархъ приводитъ нѣсколько ретръ Ликурга [3]). Впослѣдствіи поэты стали развивать отдѣльно законы, дали имъ поэтическій размѣръ и въ такомъ видѣ они заучивались юношествомъ и распѣвались на празднествахъ. О законахъ Ликурга положительно извѣстно, что они были переложены въ строфы (ἐμελοποίησε) Терпандомъ изъ Антиссы [4]). Законы Солона тоже, говорятъ, пѣлись на праздникѣ, называвшемся апатуріями. Но, повторяемъ, распѣвались не самые законы, а пѣсни, составленныя впослѣдствіи какимъ нибудь поэтомъ на тему какого нибудь закона.

Были ли въ кодексѣ Солона какія нибудь объясненія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ законовъ, приводились ли мотивы для подтвержденія или оправданія того или другаго постановленія (какъ это дѣлается иногда въ настоящее время) сказать трудно. Но, кажется, можно допустить, что нѣкоторымъ законамъ предпосылались общія поясненія, и что нѣкоторыя по-

---

[1]) Вольфъ Proleg. Homeri 67.

[2]) Одинъ схоліастъ въ комментаріѣ всадниковъ Аристофана говоритъ:—νόμοι καλοῦνται οἱ εἰς θεοὺς ὕμνοι. [3]) Такую же форму имѣютъ, какъ извѣстно, и іудейскія заповѣди.

[3]) Clim. Alex. Strom. 1—308.

становленія были мотивированы. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по нѣкоторымъ законамъ, приводимымъ Плутархомъ, которые у него имѣютъ мотивировку, принадлежащую, быть можетъ, не Плутарху, а заимствованную имъ у Солона.

Что же касается системы или порядка въ какомъ были написаны на аксонахъ и кирбахъ законы Солона, на этотъ вопросъ дать положительный отвѣтъ трудно. Важнѣйшій въ этомъ случаѣ источникъ Плутархъ упоминаетъ о трехъ таблицахъ Солона первой, тринадцатой и шестнадцатой. На первой доскѣ находился, между прочимъ, законъ, запрещавшій продавать заграницу произведенія аттической почвы, кромѣ оливковаго масла. Тринадцатая доска заключала въ себѣ законъ (на этой доскѣ занимавшей 8-е мѣсто), провозглашавшій амнистію и возвращеніе всѣхъ гражданскихъ правъ цѣлой категоріи преступниковъ, осужденныхъ до Солона. На шестнацатой доскѣ находилось указаніе относительно цѣнъ животныхъ, предназначавшихся для жертвоприношеній [1]). Если эти извѣстія справедливы (въ достовѣрности ихъ можетъ служить порукой то соображеніе, что Плутархъ могъ видѣть и дѣйствительно видѣлъ нѣсколько подлинныхъ таблицъ Солона), то мы вправѣ заключить, что въ законодательномъ сборникѣ Солона не было той системы, какую мы привыкли встрѣчать въ юридическихъ сборникахъ позднѣйшихъ временъ [2]), такъ какъ едва ли можно

---

[1]) Plut. Sol. 19, 23 и 24. Гарпократіонъ упоминаетъ о 21 доскѣ, на которой находился законъ, начинавшійса словами: ὅτι οἱ ποιηταί.

[2]) Впрочемъ, нужно оговориться. Утверждать, что законы въ кодексѣ Солона были расположены безъ всякаго порядка, нельзя. Видимую непослѣдовательность и отсутствіе системы (какая соблюдается въ сводахъ законовъ въ настоящее время) нужно объяснять тѣмъ, что афинскій законодатель, располагая законы, руководился не содержаніемъ изданныхъ законовъ, а іерархическимъ положеніемъ государственныхъ сановниковъ, юрисдикціи которыхъ принадлежали эти законы. Такимъ образомъ сначала по всей вѣроятности были помѣщены всѣ законоположенія, рѣшеніе или судебное направленіе которыхъ принадлежало первому архонту, затѣмъ законы, приложеніе которыхъ на судѣ зависѣло отъ втораго архонта и т. д. То, что Мейеръ и Шеманнъ говорятъ о системѣ афинскихъ законовъ вообще, можно съ большою вѣроятностію примѣнить и къ кодексу Солона (der attische prozess—170.). Возраженія

ожидать стройной системы отъ такого сборника, въ которомъ на первой страницѣ находится законъ полицейскаго или фискальнаго характера, а дальше слѣдуютъ постановленія религіозныя и политическія. Переходя за тѣмъ къ изложенію законодательной дѣятельности Солона, приходится прежде всего сказать, что отъ древности дошло до насъ сравнительно весьма немного извѣстій, по которымъ можно было бы сколько нибудь основательно и подробно изучить законодательный сборникъ, изданный имъ для афинской республики. Послѣ Плутарха важнѣйшимъ источникомъ для насъ въ этомъ случаѣ являются судебныя и политическія рѣчи афинскихъ ораторовъ, въ которыхъ мы находимъ не мало законовъ, приписываемыхъ Солону. Къ сожалѣнію рѣчи эти, далеко не всегда представляютъ собою источникъ, достовѣрность котораго стояла бы внѣ всякаго сомнѣнія. Развитіе афинской республики послѣ Солона шло очень быстрыми шагами въ демократическомъ направленіи и многіе изъ законовъ и постановленій Солона (однако не всѣ) подверглись или значительнымъ измѣненіямъ или были совершенно отмѣнены, и тѣ порядки, которые существовали въ Афинахъ во времена Демосфена, Лизія и Изея значительно разнились отъ тѣхъ, какіе были введены Солономъ. Между тѣмъ, афинскіе ораторы почти всѣ государственныя учрежденія, всѣ существовавшіе при нихъ законы возводятъ ко временамъ Солона и представляютъ намъ его творцомъ той демократіи, какая существовала въ ихъ время. Хотя Цицеронъ [1]) говоритъ о Солонѣ, что онъ «написалъ законы, которыми они пользуются въ настоящее время», но это никоимъ образомъ не можетъ относиться къ законамъ, имѣющимъ исключительно политиче-

---

Шелинга, который старается доказать, что афинскіе законы были расположены иначе, весьма не убѣдительны. Отрывочныя извѣстія древнихъ авторовъ о содержаніи отдѣльныхъ кирбъ, изданныхъ Солономъ, даютъ полное право думать, что законы Солона были расположены въ порядкѣ такъ сказать административномъ.

[1]) Prudentissima civitas Atheniensium, dum ea rerum potita est, fuisse traditur. Ejus porro civitatis sapientissimum Solonem dicunt fuisse, eum, qui leges quibus hodie utuntur scripserit. Cic. pro Sex. Ros. Ammer. Вообще, замѣтимъ здѣсь, что законодательство Солона пользова-

скій характеръ Болѣе устойчивыми изъ законовъ Солона оказались законы уголовные и гражданскіе, такъ что къ извѣстіямъ о нихъ, какія мы находимъ у ораторовъ, можно относиться съ большимъ довѣріемъ. Послѣ афинскихъ ораторовъ болѣе важное значеніе при изученіи законодательной дѣятельности Солона имѣютъ сочиненія Аристотеля въ особенности его политика [1]). Вотъ болѣе важные источники, которые приходится имѣть въ виду при изученіи законодательной дѣятельности Солона. Въ этой дѣятельности, безспорно, первое мѣсто занимаютъ реформы политическія, повлекшія за собою совершенное измѣненіе государственнаго строя Афинъ. Къ изученію тѣхъ началъ, на которыхъ было построено государственное уложеніе, созданное Солономъ, мы и перейдемъ теперь; при этомъ мы сочли не лишнимъ сдѣлать краткій обзоръ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились въ политическомъ быту Аттики, до Солона.

лось у Римлянъ большимъ уваженіемъ и всѣ писатели отзываются о немъ восторженнымъ образомъ. Титъ Ливій называетъ законы Солона inclitas (знаменитыми) и говоритъ, что Римляне, рѣшившись составить сборникъ законовъ отправили въ Афины посольство, приказавъ ему списать законы Солона (III—31). Тоже самое говоритъ и Аурелій Викторъ. По его словамъ, римскій народъ... избралъ децемвировъ для составленія законовъ. Они перевели ихъ (заимствовали) изъ книгъ Солона и изложили на XII таблицахъ De viris illustribns XXI. Впрочемъ, въ настоящее время такой взглядъ на происхожденіе римскихъ XII таблицъ признается. невѣрнымъ Тацитъ, перечисляя греческихъ законодателей, прославленныхъ молвою, говоритъ, что Atheniensibus quaesitiores jam et plures leges Soloperscripsit. (Annrales—III—26). Не были забыты законы Солона во времена императоровъ. Маріанъ въ своей хроникѣ сообщаетъ, что когда афиняне обратились къ Гадріану съ просьбой дать имъ законы, то этотъ императоръ ex Draconis et Solonis reliquorumque libris jura composuit. О законахъ Солона часто упоминаетъ Гай и другіе юристы.

Кстати упомянемъ здѣсь, что Екатерина II (слѣдуя Монтескье) находила законы Солона болѣе справедливыми, чѣмъ римскіе. „Надобно признаться, что древніе афинскіе законы гораздо сходнѣе были съ заключеніями здраваго разума, нежели законы римскіе“. Наказъ § 419.

[1]) Въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны и другіе древніе писатели, въ сочиненіяхъ которыхъ находимъ извѣстія о томъ или другомъ законѣ Солона.

Политическій бытъ афинской общины до Солона.

Среди множества явленій, проводящихъ рѣзкій контрастъ между исторіей восточно-азіатскихъ народовъ и исторіей греко-римскаго міра, ихъ политическій бытъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ чертъ, въ которыхъ съ особенной силой проявляется противуположность другъ другу этихъ народовъ. Рабство (соціальное и интеллектуальное) массы народа является основнымъ элементомъ политическаго быта на востокѣ, политическая свобода въ греческихъ общинахъ—главный факторъ государственной жизни этихъ общинъ. Правда, и въ Греціи эта свобода распространялась далеко не на всѣхъ жителей государства и не всѣ, живущіе въ немъ, признавались полноправными гражданами. Какъ и во всѣхъ государствахъ древняго міра, точно также и въ Греціи господствовало воззрѣніе, освященное религіей и государственными законами, по которому гражданами считались только отдѣльные классы или отдѣльныя племена; только эти классы или племена составляли государство и пользовались политическими правами и преимуществами, однимъ словомъ политической свободой. (Даже такіе умы, какъ Аристотель, не могли себѣ и представить существованіе государства безъ болѣе или менѣе многочисленнаго класса рабовъ). Эта свобода (политическая) въ античныхъ республикахъ играла очень важную роль. Не ошибемся, если скажемъ, что она тамъ имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь въ европейскихъ государствахъ съ демократическимъ парламентаризмомъ. Общественная жизнь, соціальные интересы усложнились на столько, что въ настоящее время свобода гражданская для большинства гражданъ отодвинула на второй планъ то, что обыкновенно называютъ свободой политической. Причины, вслѣдствіе которыхъ

политическая жизнь греческихъ государствъ получила такое направленіе, были частью географическія, а частью историческія. Въ числѣ послѣднихъ особенное значеніе имѣетъ фактъ образованія государства. Двоякимъ образомъ составлялись первичныя государства. Одни государства произошли черезъ насильное сліяніе племени, жившаго доселѣ въ извѣстной мѣстности отдѣльными поселеніями, другія же — вслѣдствіе соединенія (впрочемъ, не всегда добровольнаго) отдѣльныхъ общинъ, съ сохраненіемъ за ними болѣе или менѣе значительныхъ автономныхъ правъ. Путемъ сліянія созидались государства азіатскія (за исключеніемъ Финикіи и Іудеи), соединеніе отдѣльныхъ общинъ въ одно цѣлое послужило основаніемъ для античныхъ республикъ. Точно также и внѣшній ростъ этихъ республикъ и государствъ востока шелъ не въ одинаковомъ направленіи и въ одинаковыхъ размѣрахъ. Азіатскія монархіи разростаются на громадномъ протяженіи и поглощаютъ собою цѣлыя племена и народы.

Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находились греческія республики, изъ которыхъ самыя большія не могутъ идти въ сравненіе даже съ какой нибудь провинціей любой восточной монархіи. А извѣстно, что чѣмъ территорія какого нибудь государства больше, тѣмъ сильнѣе дѣлается центральная власть. А что еще важнѣе, греческія родовыя общины, соединяясь въ одно цѣлое и образуя новую болѣе сложную политическую единицу и послѣ этого соединенія не переставали пользоваться болѣе или менѣе значительною самостоятельностью въ области интересовъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ внутреннему быту этихъ общинъ. А потому греческій гражданинъ, искони привыкшій свободно и самостоятельно управлять дѣлами внутри своихъ сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ, впослѣдствіи оказался способнымъ, чтобы заправлять дѣлами общегосударственными. Такимъ путемъ создались всѣ греческія республики, такимъ же точно путемъ выросла и афинская община. По словамъ всѣхъ писателей древности, какъ напр. Плутарха, Поллюкса, Аттика

первоначально распадалась на отдѣльные роды κατὰ γένη [1]). Имена нѣкоторыхъ изъ этихъ родовъ сохранились до нашего времени, какъ напр., Эвмолпиды, изъ которыхъ главнымъ образомъ пополнялся персоналъ гіерофантовъ, имѣвшихъ надзоръ надъ мистеріями Деметры Элевзинской, Бутады, изъ среды которыхъ выбирались жрецы при храмахъ Афины Поліадской и Посейдона Эрехтея въ Акрополисѣ. Кромѣ этихъ родовъ въ исторіи не рѣдко попадаются имена Кекропидовъ, Гефиреевъ, Фиталидовъ. Всѣ эти роды долго жили разрозненно, чуждаясь другъ друга. У каждаго изъ этихъ родовъ былъ свой религіозный культъ, свой алтарь. У каждаго былъ также свой родоначальникъ, осуществлявшій въ своемъ лицѣ все правительство подчиненнаго ему рода [2]). Съ теченіемъ времени различныя обстоятельства повели къ тому, что эти роды стали соединяться въ отдѣльныя группы и такимъ образомъ на мѣсто прежнихъ семейно-патріархальныхъ державъ, явилось двѣнадцать общинъ [3]), каждая на правахъ полнаго и самостоятель-

---

[1]) Plut. Thes. 13. Различные высказывались и высказываются взгляды на счетъ значенія аттическаго рода. Одни говорятъ, что рода въ смыслѣ общественной семейной единицы никогда не было, а что онъ есть ничто иное, какъ случайное сходство по имени. Другіе полагаютъ, что родъ обозначаетъ искуственное родство, искуственную связь между одной семьей и нѣсколькими другими, находящимися въ извѣстной зависимости отъ первой. По мнѣнію третьихъ (Нибуръ, Мэнъ), родъ есть политическій союзъ многихъ семействъ, не находящихся между собою ни въ какомъ кровномъ родствѣ, за отсутствіемъ котораго, обстоятельства установили между ними связь искуственную при помощи религіи, возведшей какого нибудь героя въ родоначальники рода и установившей общій культъ и общее поклоненіе этому герою. Аристотель и Поллуксъ видятъ въ родѣ союзъ членовъ находящихся между собою въ кровномъ родствѣ. Съ ними согласны Фюстель Куланжъ, а отчасти и Гротъ, по мнѣнію котораго, кромѣ родства, многіе вошли въ составъ рода по договору.

[2]) Павзаній, путешествовавшій во 2-мъ столѣтіи по Р. Х. по Аттикѣ, нашелъ еще уцѣлѣвшими много преданій о томъ времени, когда тамъ не было еще одной общины, а существовали цѣлые десятки родовыхъ обществъ, составлявшихъ миніатюрныя царства. Paus. 1—15, 31, 37 II - 18.

[3]) Вотъ названія этихъ общинъ, какъ они сохранились у Филохора и Страбона: Кекропія, Тетраполисъ, Энакрія, Декелея, Элевзисъ,

наго государства. Время, въ которое произошло это великое въ исторіи афинскаго народа событіе, хотя нельзя опредѣлить даже и съ приблизительною точностію, однако можно полагать, что процессъ созданія этихъ общинъ установился не раньше шестнадцатаго столѣтія, куда преданіе относитъ царствованіе Кекропса. Самъ Кекропсъ и его преемники царствовали надъ одной изъ этихъ двѣнадцати общинъ, жившей въ мѣстности, составившей впослѣдствіи ядро города Афинъ [1]). Смѣнилось нѣсколько поколѣній, прежде, чѣмъ Кекропидамъ удалось уничтожить политическую самостоятельность сосѣднихъ общинъ и подчинить ихъ своей державной власти. Выполненіе этой задачи преданіе связываетъ съ именемъ Тезея, который, впрочемъ, оставилъ прежнимъ общинамъ значительную долю самостоятельности въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, за собою же оставилъ главное начальство надъ войскомъ и верховный надзоръ за исполненіемъ законовъ [2]). Какъ ни незначительны были требованія, предъявленныя Тезеемъ родовладыкамъ, однако не всѣ роды охотно соглашались поступиться частью своихъ державныхъ правъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось заставить силой, какъ напр., Эвмольпидовъ, родъ которыхъ стоялъ во главѣ Элевзинской общины. Только преемнику Тезея Эрехтею удалось сломить упорство Эвмольпидовъ и заставить ихъ войти въ составъ государства, основаннаго Тезеемъ, оставивъ за ними ис-

---

Афидна, Теарикосъ, Брауронъ, Китеросъ, Сфеттосъ, Кефизія, Фалеросъ, Strab. IX—396. ἀλλ' αὐτοὶ ἕκαστοι ἐπολιτεύοντο καὶ ἐβουλεύοντο. Thuc. II, 15—1.

[1]) По словамъ Страбона, Афины первоначально занимали ту мѣстность, на которой впослѣдствіи находился Акрополь, а именно священную скалу Афины, вмѣстѣ съ узкою площадью, идущей отъ этой скалы къ югу. Strab. IX—390.

[2]) ἐπιὼν οὖν ἀνέπειθε κατὰ δήμους καὶ γένη, τῶν μὲν ἰδιοτῶν καὶ πενήτων ἐνδεχομένων ταχὺ τὴν παράκλησιν αὐτοῦ, τοῖς δὲ δυνατοῖς ἀβασίλευτον πολιτείαν προτείνων καὶ δημοκρατίαν, αὐτῷ μόνον ἄρχοντι πολέμου καὶ νόμον φιλακοχρησομένην, τῶν δὲ ἄλλων παρέξουσαν ἅπασιν ἰσοιμορίαν. Plut. Thes. XXIV. Изъ этихъ словъ видно, что, по мнѣнію Плутарха, переворотъ, произведенный Тезеемъ, имѣлъ демократическій характеръ, чему разумѣется едва ли можно вѣрить, принявъ во вниманіе время, къ которому относится это событіе.

ключительное право священнодѣйствовать при храмѣ Деметры [1]). Вотъ главнѣйшіе моменты того процесса, помощью котораго создалось афинское государство. Но создать государство значитъ создать также институтъ правительственной власти. Спрашивается, какую форму имѣла та власть, которая взяла на себя отправленіе державныхъ правъ государства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ вызвать какихъ нибудь затрудненій. Власть эта была такою, какою она должна была быть по существу человѣческой природы. Человѣкъ со дня своего рожденія привыкъ находиться подъ властью,—а именно отцовскою—эта власть и была первообразомъ государственной власти [2]); другимъ зародышемъ было служеніе природѣ и Богу. Отецъ и священникъ представляли собою нѣкогда нѣчто совершенно тождественное и въ дѣйствительности, какъ еще теперь на языкѣ. Монархія была первичною формою власти въ Аттикѣ. Монархіей начинается историческая жизнь всѣхъ греческихъ государствъ. Авторъ Иліады не знаетъ еще другой формы политическаго общежитія: οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη εἷς κοίρανος ἔστω, говоритъ Одиссей [3]) по поводу своего столкновенія съ Ѳерситомъ. Власть афинскихъ царей, равно какъ и всѣхъ царей героическаго періода греческой исторіи имѣла

---

[1]) καὶ τινες ἐπολέμησάν ποτε αὐτῶν ὥσπερ καὶ ἐλευσίνιοι μετ' εὐμόλπου πρὸς ἐρεχθέα. Thuc. II—15.

Нѣкоторые ученые, какъ напр. Гротъ, полагаютъ, что Элевзисъ удержалъ за собою полную самостоятельность и независимость по отношенію къ Афинамъ гораздо позже того времени, къ которому относятъ царствованіе Тезея. Въ доказательство приводитъ одинъ изъ гимновъ Гомера, а именно гимнъ къ Деметрѣ, въ которомъ этотъ городъ выступаетъ какъ самостоятельная община. А такъ какъ, по мнѣнію Фосса, гимнъ этотъ могъ быть составленъ никакъ не позже 30 олимпіады, отсюда Гротъ приходитъ къ выводу, что въ это время Элевзисъ существовалъ какъ самостоятельная община. Въ этомъ случаѣ мы скорѣе готовы согласиться съ Шеманномъ, который оспариваетъ правильность мнѣнія Грота на основаніи того соображенія, что въ этомъ гимнѣ поэтъ представилъ взаимныя отношенія этихъ городовъ въ ту глубокую древность, къ которой относится въ этомъ гимнѣ событіе, а не того времени, къ которому относится составленіе гимна.

[2]) Шенъ-Наука о государствѣ.

[3]) Ilias. II—204.

двойной характеръ религіозный и политическій. Религіозный характеръ этой власти проявляется въ томъ, что въ кругъ правъ и обязанностей царя входило совершеніе общественныхъ жертвоприношеній и предсѣдательство на священныхъ трапезахъ. Командованіе войсками, судъ и расправа составляли сущность правъ политическаго свойства. На войнѣ до нѣкоторой степени царь пользовался неограниченною властію. Такъ напр., Агамемнонъ терпѣливо переноситъ въ народномъ собраніи все, что ни слышалъ тамъ про себя дурнаго, но лишь только войско выступало въ поле, онъ получалъ власть надъ жизнью и смертью. Такъ по одному поводу онъ говоритъ: кого я увижу вдали отъ поля битвы, тому уже нѣтъ надежды избѣжать собакъ и птицъ, въ моихъ рукахъ смерть [1]). Что же касается власти героическихъ царей въ дѣлахъ гражданскихъ, то судя по тѣмъ даннымъ, какія мы находимъ въ поэмахъ Гомера, можно сказать, что она, имѣя патріархальный характеръ, и находясь въ нравственной зависимости отъ мнѣнія старѣйшинъ, окружавшихъ царя, особенно большаго объема не имѣла, хотя какихъ нибудь формальныхъ, юридически опредѣленныхъ, ограниченій не было. Рѣшенія народныхъ собраній обязательнаго значенія для царей не имѣли, а оскорбительныя противъ личности царя выходки со стороны народныхъ ораторовъ останавливались тутъ же самымъ примитивнымъ способомъ. Ѳерситъ, позволившій себѣ сказать дерзость на счетъ Агамемнона, былъ принужденъ замолчать Одиссеемъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ скипетромъ, причемъ такая грубая расправа не только не вызвала какого нибудь протеста со стороны собранія, но даже нашла себѣ у него полное одобреніе.

Тѣмъ не менѣе, говоря объ объемѣ и силѣ царской власти вообще, необходимо сказать, что она была весьма незначительна. Политическія же обстоятельства сложились въ Греціи такъ, что нигдѣ не удалось ей усилиться: во всѣхъ греческихъ общинахъ мы находимъ только одинъ случай перехода наслѣд-

---

[1]) Арист. Полит. III—9. Здѣсь Аристотель ссылается на Гомера, слова котораго онъ здѣсь передаетъ не совсѣмъ точно.

ственной монархіи въ полный абсолютизмъ. Это—тираннія Фидона въ Аргосѣ. Мало того, прошло еще нѣсколько столѣтій и царство, какъ политическій институтъ, перестало существовать совсѣмъ. Причину этого явленія древніе писатели въ большинствѣ случаевъ ищутъ въ личныхъ недостаткахъ послѣднихъ царей: ихъ произволъ, ихъ насилія возбудили крайнее неудовольствіе въ народѣ, который не преминулъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы упразднить царскую власть совсѣмъ [1]). Такое объясненіе этого факта государственной жизни грековъ въ настоящее время научнаго значенія имѣть не можетъ: недовольство народа и его раздраженіе по поводу личныхъ недостатковъ царя можетъ вызвать только желаніе, будучи доведеннымъ до крайности, освободиться отъ особы ненавистнаго царя и замѣнить его личностью болѣе достойною. Но отсюда до совершенной отмѣны монархіи еще далеко. Только въ такихъ политическихъ аггрегатахъ, какими были греческія общины, могла выработаться идея государственной власти по выбору свободной общины. Самыми важными факторами, давшими государственной жизни грековъ такое направленіе и способствовавшими развитію свободныхъ учрежденій (какъ это было упомянуто нами выше) были: незначительный объемъ территоріи античныхъ общинъ и конфедеративный способъ происхожденія этихъ общинъ. При такихъ обстоятельствахъ особа царя не могла производить того обаянія, не могла окружить себя тѣмъ ареоломъ величія и силы, который является неотъемлемою принадлежностью царскаго сана въ государствѣ съ большою территоріею. Возбуждать къ себѣ тотъ полурелигіозный страхъ и трепетъ, какой возбуждали азіатскіе монархи, греческіе цари были не въ силахъ. Вліяніе, авторитетъ и власть греческихъ царей главнымъ образомъ обусловливались только личными качествами, личными достоинствами этихъ царей. Когда греческій царь выступалъ на арену политической или военной дѣятельности, его въ большинствѣ случаевъ сопровождала своего рода свита изъ старѣйшинъ, представителей

---

[1]) Arist. Polit. V—8, 22, 23. Polyb. VI—4, 8, 7 и 69.

знатныхъ родовъ, возводившихъ свое происхожденіе отъ боговъ или какихъ нибудь героевъ. Предки такихъ старѣйшинъ были нѣкогда царями, когда Греція жила отдѣльными родами, а потомки ихъ, потерявъ державную власть, тѣмъ не менѣе не переставали называться царями: слово βασιλεύς—одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ эпитетовъ царскихъ приближенныхъ. Собственно говоря, не только на словахъ, но и на дѣлѣ главы аристократическихъ родовъ, составлявшихъ ближайшій совѣтъ царя, были царями въ тѣхъ родахъ, которые составляли данную политическую общину: на ряду съ царями общины существовали цари филы—φιλοβασιλεῖς. Нѣтъ ничего удивительнаго, если эта родовая аристократія не оказывала особенной покорности царямъ и при случаѣ дѣлала попытки къ тому, чтобы отнять у царей (общины) ту незначительную державную власть, которой они располагали. Между аристократіей и царствующимъ родомъ столкновенія стали возникать очень рано. По преданію Тезей долженъ былъ вести упорную борьбу съ дворянствомъ, которое въ концѣ концовъ одолѣло своего противника: Тезей оставилъ Афины и умеръ въ изгнаніи. Черезъ нѣсколько поколѣній, впродолженіе которыхъ въ Афинахъ правили цари изъ рода Тезея, а затѣмъ изъ рода Меланѳидовъ, то же преданіе гласитъ, что царская власть послѣ геройской смерти Кодра была упразднена совершенно [1]). Спрашивается, чѣмъ замѣнился упраздненый институтъ власти. Прежде всего нужно сказать, что царскій санъ (но не власть), собственно говоря, уничтоженъ не былъ. Впродолженіе почти всей самостоятельности афинскаго государства въ немъ не переставала существовать должность, съ которой былъ сопряженъ титулъ

---

[1]) Аристотель говоритъ нѣчто такое, что идетъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ о Кодрѣ: а именно, Кодръ былъ удостоенъ царскаго сана, за то что спасъ отечество отъ предстоящаго рабства (VIII—8). Вообще вопросъ о времени упраздненія царской власти весьма темный и у древнихъ писателей объ этомъ находимъ крайне разнорѣчивыя извѣстія. Нельзя не упомянуть здѣсь объ изслѣдованіи Люгебеля Zur Gesch, d. Staatsverfas. v. Athen, которое пролило новый свѣтъ и значительно выяснило это событіе.

царя, но лицо, пользовавшееся этимъ титуломъ, не пользовалось политическою властью въ прежнихъ размѣрахъ. Правда, глава государства съ того времени сталъ называться архонтомъ. Но между словами ἄρχων и βασιλεύς долгое время разницы особенной не было; очень часто слова эти являются равносильными, такъ что нѣкоторые писатели, какъ напр. Харонъ Лампсакскій и лакедемонскихъ царей называлъ архонтами (см. у Свиды подъ сломъ Χάρων). Названіе царя прилагается нерѣко первымъ архонтамъ и на паросскихъ мраморахъ [1]). Почти три столѣтія званіе архонта принадлежало исключительно роду Кодридовъ и оно было пожизненно; въ VIII столѣтіи званіе это давалось только на десять лѣтъ, а сорокъ лѣтъ послѣ этой перемѣны доступъ къ архонтству перест̣алъ быть исключительнымъ достояніемъ рода Кодридовъ. До этого времени, архонтъ, будучи главой правительства, какъ верховный государственный жрецъ, пользовался всѣми правами, какія прежде принадлежали царю, въ сферѣ же гражданской, политической онъ находился въ полной зависимости отъ эвпатридовъ. Въ началѣ седьмаго столѣтія въ Афинахъ совершается важная перемѣна — во главѣ государства стоитъ съ этого времени не одинъ санэвникъ, не одинъ архонтъ, а нѣсколько, во главѣ правительства стоитъ цѣлая коллегія, состоящая изъ девяти лицъ, выбираемыхъ на одинъ годъ. Но даже и теперь, когда правительственный, лучше сказать, административный механизмъ потерялъ окончательно монархическій характеръ, среди первыхъ сановниковъ находимъ одного, который назывался βασιλεύς. Мотивы, которые заставили афинянъ оставить за кѣмъ ни

---

[1]) Люгебиль отмѣну царской власти въ Афинахъ относитъ къ тому времени, когда во главѣ государства вмѣсто пожизненныхъ архонтовъ стали являться архонты, избранные на десять лѣтъ. См. Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen 564. Соглашаясь съ авторомъ, что общепринятое мнѣніе, будьто бы послѣ смерти Кодра въ Афинахъ утвердилась республика и что глава правительства, называвшійся ἄρχων сталъ теперь высшимъ чиновникомъ, ложно, мы едва ли можемъ признать исторически вѣрнымъ выводъ этого ученаго, что—eine Beschränkung der Macht eines lebenslänglichen archon eine reine Unmöglichkeit ist (563—5, ibid).

будь этотъ титулъ, очевидно, были тѣ же, которые побудили римлянъ, вскорѣ послѣ изгнанія царей, учредить у себя жреческій санъ, которому былъ приданъ громкій титулъ rex sacrificulus, но который въ жреческой іерархіи стоялъ ниже понтификовъ, такъ какъ былъ имъ подчиненъ. По словамъ Ливія, Римляне учредили этотъ санъ necubi regis desiderium esset, т. е. они думали, что небесныя власти отнесутся неблагосклонно къ происшедшему государственному перевороту, а слѣдовательно и къ самому государству, если впредь, общегосударственныя жертвы, которыя прежде приносилъ царь, будетъ приносить лицо менѣе важное, а потому, чтобы боги не имѣли повода быть недовольными происшедшей перемѣной и былъ учрежденъ вышеупомянутый санъ [1]) (rex sacrificulus). Афинскій архонтъ, называвшій βασιλεύς—былъ тоже жрецомъ.

Такимъ образомъ приблизительно въ концѣ 8 столѣтія въ Афинахъ окончательно утвердилась, употребляя теперешній политическій терминъ, республиканская форма правленія. Такая же форма правленія установилась и во всѣхъ остальныхъ греческихъ общинахъ [2]) (развѣ за исключеніемъ Лакедемона и нѣкоторыхъ Ѳессалійскихъ городовъ). Съ отмѣной царской власти, управленіе дѣлами государства, какъ и слѣдовало ожидать, перешло въ руки аристократіи, которая и была главнымъ виновникомъ происшедшаго переворота. Взамѣнъ царства аристократическая республика появляется во всѣхъ общинахъ,

---

[1]) Объ этомъ можно найти прекрасныя замѣчанія у Казаубона: ad Sneton. Aug. 31 a. A.

[2]) Политическое творчество грековъ не съумѣло создать себѣ идею парламентской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ Европѣ. Ихъ политическій умъ не могъ представить себѣ царской власти, точно опредѣленной законами и подчиненной какъ морально, такъ и юридически, волѣ народныхъ представителей. Аристотель такой монархіи не признаетъ и не даетъ ей мѣста въ разбираемыхъ имъ формахъ правленія. ὁ μὲν γὰρ κατὰ νόμον λεγόμενος βασιλεύς οὐκ ἔστιν εἶδος κατάπερ εἴπομεν βασιλείας (Arist. Polit. III. 11—1). Этотъ философъ признаетъ три формы правленія: βασιλεία, ἀριστοκρατία и πολιτεία. Сверхъ того есть еще три, составляющія видоизмѣненія или неправильныя уклоненія (παρεκβάσεις): τύραννις, ὀλιγαρχία и δημοκρατία.

измѣнившихъ у себя форму правленія. Только у Ахеянъ, по словамъ Страбона (VIII—384) и Полибія (II—41—5) непосредственно послѣ низверженія царской власти сразу установилось республиканско-демократическое правительство. Гротъ, говоря о новой формѣ правленія, исподоволь утвердившейся въ Афинахъ, находитъ, что аристократическая республика, хотя и съ сильнымъ олигархическимъ характеромъ, представляетъ собою значительный шагъ впередъ въ исторіи развитія политическихъ формъ государства. Теперь въ государственномъ строѣ происходитъ болѣе или менѣе строгое раздѣленіе власти исполнительной и законодательной. Для той или другой имѣются спеціальныя учрежденія: законодательная власть теперь всецѣло сосредоточивается въ рукахъ собранія, имѣющаго тотъ или другой характеръ, собранія, которое не только совѣщается о дѣлахъ, но и издаетъ рѣшенія, имѣющія обязательную силу; приведеніе въ исполненіе этихъ постановленій возлагается на институтъ выборныхъ сановниковъ, отвѣтственныхъ передъ законодательною властью. Политическая власть, съ отмѣной царства, потеряла тотъ религіозный характеръ, какой она имѣла доселѣ, и дѣлается аттрибутомъ, если не исключительно, то въ значительной долѣ гражданскимъ, свѣтскимъ [1]). Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣла происшедшая политическая перемѣна для общаго положенія государства, какъ она отразилась въ быту массы народа, то имѣя въ виду интересы этой массы, приходится сказать, что на первыхъ порахъ она отъ этого переворота выиграла не много. Мало того, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе ея сдѣлалось хуже сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находился народъ при царяхъ. И это не удивительно: въ интересахъ своей собственной власти цяри иногда находили для себя необходимымъ дѣйствовать въ пользу народа, съ тѣмъ, чтобы найти для себя поддержку въ борьбѣ съ гордыми аристократами, стремившимися

---

[1]) Говоримъ въ значительной долѣ, потому что какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ гражданской власти и гражданской жизни не удалось вполнѣ высвободиться отъ ферулъ религіи.

къ ослабленію или упраздненію царской власти [1]). Теперь народъ былъ предоставленъ собственной участи. Завязалась упорная борьба между властною аристократіею и безправнымъ народомъ; борьба эта приняла ожесточенный характеръ, такъ какъ кромѣ экономическихъ причинъ тутъ не малую роль играли и причины исключительно политическія. Въ массѣ афинскаго народа было не мало гражданъ, которые располагали достаточнымъ состояніемъ и которые тяготились тѣмъ, что они совершенно исключены отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Къ счастію для аттики аристократы уступили, согласились на введеніе необходимыхъ реформъ въ государствѣ, поручивъ это дѣло Солону. Какъ онъ уладилъ экономическія затрудненія, объ этомъ мы говорили выше. Теперь займемся его реформами политическими.

---

[1]) Мнѣніе Аристотеля о царствѣ, что оно существуетъ для защиты высшихъ классовъ противъ народа, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности. (Arist. Polit. VII—8).

Реформы конституціонныя.

«Въ государствѣ, говоритъ Аристотель, есть три элемента, которые одинъ передъ другимъ оказываютъ притязаніе на политическое равенство, таковы: свобода рожденія (т. е. знатность происхожденія), богатство и личное достоинство«. До Солона политическое значеніе гражданина въ государствѣ обусловливалось прежде всего его генеалогіей, т. е. большею или меньшею знатностью его происхожденія. Правда, знатность происхожденія тогда соединялась съ богатствомъ; тѣмъ неменѣе богатство само по себѣ не могло еще проложить кому бы то ни было дорогу къ знатности и доставить человѣку вліятельное положеніе въ государствѣ. Законодательство Солона положило предѣлъ такому ненормальному явленію. Между политическими реформами Солона первое, безспорно, мѣсто занимаетъ его раздѣленіе гражданъ на классы [1]) или, собственно говоря, тотъ принципъ, который послужилъ исходною точкою этого дѣленія. До Солона жители Аттики дѣлились на четыре филы, которыя, съ одной стороны, подраздѣлялись на фратріи и роды, а съ другой—на триттіи и навкріи, причемъ вся власть, какъ объ этомъ было замѣчено выше, была сосредоточена въ рукахъ сравнительно не многихъ аристократическихъ родахъ. Солонъ въ этомъ случаѣ совершилъ радикальную ре-

---

[1]) Въ политической философіи, конечно, не съ нынѣшняго и не со вчерашняго только дня стало извѣстно, что населеніе государства должно быть раздѣлено на отдѣльные классы, говоритъ Аристотель (IV—9). Платонъ, видимо, былъ поклонникомъ Солонова раздѣленія, потому что въ своемъ трактатѣ о законахъ раздѣляетъ гражданъ на четыре класса, принимая за основаніе имущественный цензъ. (De Leg.V—744 и VI—756).

форму, положивъ въ основу своего дѣленія афинскихъ гражданъ на классы и распредѣленія между ними политическихъ правъ имущественный цензъ. Всѣхъ гражданъ безъ различія рода и фратріи Солонъ раздѣлилъ на четыре класса [1]) въ слѣдующей градаціи: Къ первому классу были причислены всѣ тѣ, которые получали годоваго дохода по меньшей мѣрѣ пятсотъ драхмъ или равныхъ имъ по своей стоимости пятсотъ медимновъ сыпучихъ или жидкихъ тѣлъ, отчего члены этого класса назывались пентакозіомедимнами. Къ слѣдующему второму классу были причислены тѣ граждане, годовой доходъ которыхъ составлялъ не менѣе 300 драхмъ. Тѣ же, имущественный цензъ которыхъ оцѣненъ былъ въ 200 драхмъ (по мнѣнію другихъ въ 150) составили третій классъ афинскихъ гражданъ. Всѣ же остальные жители Аттики, которые по недостаточности ценза не могли быть внесены въ списки гражданъ третьяго класса, составили четвертый самый многочисленный разрядъ афинскихъ жителей подъ именемъ ѳетовъ. Сообразно этому раздѣленію на классы были распредѣлены права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ и на занятіе государственныхъ должностей. Должности архонтовъ, военачальниковъ и пританов навкрарій [2]) законодательство Солона сдѣлало исключительною принадлежностію гражданъ перваго класса. Въ распоряженіи гражданъ втораго класса находились государственныя должности менѣе важныя; въ войскахъ они служили въ качествѣ всадниковъ, отчего они и получили свое названіе (καὶ ταύτους ἱππάδα τελοῦντας ἐκάλουν Plut. Sol. XVIII). Принадлежавшіе къ третьему классу могли занимать второстепенныя должности, въ войскѣ они составляли тяжеловооруженную пѣхоту и въ качествѣ таковыхъ назывались ζευγῖται [3]).

---

[1]) Позднѣйшіе грамматики произвольно мѣняютъ это дѣленіе; такъ напр. схоліастъ Аристофана говоритъ, что народъ былъ раздѣленъ на три класса: пентакозіомедимновъ, всадниковъ и тетовъ. Свида—что Солонъ διέταξε τὸ πανπλῆθος εις 5 (ε) τέλη - и къ пятому причислилъ ὑπωάς.

[2]) Что званіе пританов навкрарій было доступно только гражданамъ 1-го класса, это составляетъ догадку новѣйшихъ ученыхъ. Къ нимъ принадлежатъ, между прочимъ, Гротъ и Шеманнъ.

[3]) Какъ были распредѣлены и на кого были возложены общественныя, безвозмездныя обязанности, напр., снаряженіе кораблей, хо-

Что же касается такъ называемыхъ ѳетовъ, то они къ занятію какихъ бы то ни было государственныхъ должностей не допускались, нести военную службу въ качествѣ легковооруженныхъ они стали впослѣдствіи, причемъ вооруженіе имъ доставляло государство. Вотъ въ чемъ состояла одна изъ самыхъ важныхъ политическихъ реформъ Солона. Правда, политическаго равенства гражданъ между собою здѣсь нѣтъ, такъ какъ положеніе въ государствѣ на основаніи конституціи Солона прежде всего обусловливается имущественнымъ цензомъ. Но все-таки сравнительно съ прежнимъ принципомъ родовой аристократіи, эта конституція представляетъ собою значительный шагъ впередъ къ полному политическому равенству. Что денежная олигархія, лучше сказать, тимократія сродны демократіи это сознавали и въ древности (Платонъ, Аристотель). Дальнѣйшія же судьбы Аттики ясно доказали, что принципъ демократическій разъ утвердившись въ системѣ государственной власти, хотя бы косвенно, съ теченіемъ времени проложитъ себѣ путь болѣе широкій [1]).

Теперь рождается вопросъ, что составило основу того ценза, по которому были раздѣлены на классы Афины. Такой основой была поземельная собственность—и только. Торговля, промышленность и ремесла (чѣмъ главнымъ образомъ занимались метэки), говоря проще, деньги, права на причисленіе къ одному изъ 4-хъ классовъ не давали. Впрочемъ во времена Солона не могло быть много зажиточныхъ людей неземлевладѣль-

---

регія, гимназіархія (и другія, такъ называемыя, литургіи), то хотя опредѣленныхъ указаній на этотъ счетъ у древнихъ авторовъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное основаніе думать, по аналогіи съ распредѣленіемъ воинскихъ обязанностей, что они были возложены въ томъ или другомъ порядкѣ только на гражданъ первыхъ трехъ классовъ.

[1]) Приведемъ по этому поводу слѣдующія слова Токвиля: Когда народъ достигнетъ избирательнаго ценза, можно предвидѣть, что онъ рано или поздно достигнетъ совершенной его отмѣны. Это одинъ изъ самыхъ непреложныхъ законовъ, управляющихъ обществами. По мѣрѣ того какъ раздвигаются предѣлы избирательныхъ правъ, чувствуется потребность раздвигать ихъ болѣе и болѣе, потому что послѣ каждой новой уступки силы демократіи увеличиваются и требованія ея растутъ вмѣстѣ съ ея властію. Демократія въ Америкѣ 1—67.

цевъ. Когда, по низверженіи 30 тирановъ, Формизій предложилъ законъ, чтобы всѣ невладѣющіе поземельною собственностью были лишены права гражданства, оказалось, что такихъ гражданъ въ это время было около пяти тысячъ, т. е. почти четвертая часть всѣхъ гражданъ. Если ихъ было такъ мало, когда торговля и промышленность въ Афинахъ находилась на самой высокой степени развитія, то, очевидно, во времена Солона зажиточныхъ людей среди торговцевъ и ремесленниковъ, которые по своимъ доходамъ могли бы быть внесены въ классные списки, могло быть очень не много [1]).

Имѣла ли эта реформа какое нибудь значеніе въ фискальномъ отношеніи, мнѣнія ученыхъ на этотъ счетъ расходятся.

---

[1]) Извѣстіе объ этомъ находимъ у Діонисія Галикарнасскаго, который въ статьѣ о Лизіѣ, говоритъ между прочимъ: Φορμίσιός τις τῶν συγκατελθόντων μετὰ τοῦ δήμου, γνώμην εἰσηγήσατο, τοὺς μὲν φεύγοντας κατιέναι, τὴν δὲ πολιτειαν μὴ πᾶσιν, ἀλλὰ τοῖς τὴν γῆν ἔχουσι παραδοῦναι... ἔμελλον δὲ, τοῦ ψηφίσματος τούτου κυρωθέντος, πεντακισχίλιοι σχεδὸν ἀθηναίων ἀπελαθήσασθαι. De Lys. Ind. 32–5. Утверждать на основаніи приведенныхъ словъ Діонисія, какъ это дѣлаетъ г. Мищенко (Опытъ по исторіи раціонализма въ Древней Греціи—125), что предложеніе Формизія получило силу закона и что въ силу этого закона было исключено изъ числа гражданъ 5000 человѣкъ, нельзя: выраженіе—ἔμελλον ἀπελαθήσεσθαι не можетъ быть объяснено въ смыслѣ *были исключены*. Тотъ же Діонисій затѣмъ говоритъ, что по просьбѣ какого-то лица, Лизій составилъ рѣчь противъ предложенія Формизія (ἵνα δὴ μὴ τοῦτο γένοιτο, γράφει τὸν λόγον τόνδε ὁ Λυσίας) изъ чего видно, что тутъ Діонисій на считаетъ предложеніе Формизія получившимъ силу закона. Наконецъ, чтобы состоялось постановленіе, лишившее политическихъ правъ почти пять тысячъ гражданъ, объ этомъ нѣтъ извѣстія ни у одного писателя.

Аристотель—тоже былъ противъ того, чтобы давать права гражданства ремесленникамъ: государство, говоритъ онъ, пользующееся наилучшимъ политическимъ устройствомъ, не дастъ, конечно, ремесленнику правъ гражданина (III—3). Въ четвертой книгѣ той же Политики Аристотель говоритъ: имѣя въ виду вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ, мы ясно видимъ, что въ такомъ государствѣ граждане не должны заниматься ни ремеслами, ни промыслами, потому что такая жизнь неблагородна и противна интересамъ добродѣтели. Граждане такого государства равнымъ образомъ не должны быть и земледѣльцами. Но поземельная собственносс должна принадлежать этимъ истиннымъ гражданамъ, между тѣмъ, какъ собственно земледѣльцами должны быть рабы или варвары, или періэки.

По мнѣнію Бека отчасти и Грота, на основаніи этого ценза по извѣстной системѣ взимались подати. Но на это доказательствъ сколько нибудь убѣдительныхъ нѣтъ. Мы въ этомъ случаѣ скорѣе готовы согласиться съ Шеманномъ, по мнѣнію котораго, раздѣленіе на классы, произведенное Солономъ, имѣло въ виду прежде всего регулированіе правъ афинскихъ гражданъ на занятіе государственныхъ должностей и участіе этихъ гражданъ въ военной службѣ [1]). Какимъ образомъ было регулировано то и другое—указано выше. Право на занятіе государственныхъ должностей было предоставлено только гражданамъ первыхъ трехъ классовъ. Тѣмъ не менѣе самый бѣдный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый многочисленный классъ афинскихъ гражданъ далеко не былъ лишенъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и въ общемъ получилъ большую политическую силу. Кромѣ участія въ народномъ собраніи (о которомъ у насъ рѣчь впереди) онъ получилъ право избирать архонтовъ (изъ класса пентакозіомедимновъ), а что еще важнѣе, эти архонты на будущее время являлись отвѣтственными не передъ ареопагомъ, какъ было доселѣ, а передъ народнымъ собраніемъ. По истеченіи срока своей дѣятельности, архонты за преступленія по должности могли быть судимы народнымъ собраніемъ и въ случаѣ доказанной виновности теряли право на мѣсто въ ареопагѣ, членами котораго обыкновенно дѣлались бывшіе архонты. Законъ этотъ, установившій отвѣтственность архонтовъ, т. е. высшихъ государственныхъ сановниковъ, передъ народнымъ собраніемъ, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ важныхъ органическихъ законовъ Солона. Значеніе его въ исторіи политическаго развитія Аттики было громадно. Узаконенный общественный контроль надъ дѣятельностію высшихъ представителей государственной власти, отнялъ у нихъ увѣренность въ

---

[1]) Этотъ цензъ имѣлъ исключительно финансовый характеръ впослѣдствіи, когда исчезло всякое политическое различіе (относительно правъ) между гражданами, и съ такимъ характеромъ просуществовалъ до временъ архонта Наузиника (377 г. до Р. Х.). Поллюксъ говоритъ, что пентакозіомедимны платили одинъ талантъ, всадники полталанта, зевгиты десять минъ; но это не вѣрно.

своей непогрѣшимости и неприкосновенности, въ которой они пребывали доселѣ. Народъ мало по малу отучился слѣпо повиноваться приказаніямъ своихъ правителей и пересталъ равнодушно относиться къ собственнымъ дѣламъ. Злоупотребленія агентовъ правительственной власти, которыя прежде оставались или неоткрытыми или безнаказанными, теперь получали всеобщую огласку въ публичныхъ засѣданіяхъ народнаго собранія [1]).

Раздѣленіе народа на классы и соединенное съ нимъ распредѣленіе правъ и обязанностей, затѣмъ подчиненіе агентовъ правительственной власти контролю народнаго собранія, повторяемъ, составляютъ краеугольный камень политическихъ реформъ Солона и сравнительно съ ними всѣ остальныя законоположенія имѣютъ второстепенное значеніе. Эти реформы послужили основаніемъ для дальнѣйшаго видоизмѣненія и развитія политическаго быта государства. Но политическій бытъ каждаго государства опредѣляется родомъ правительственной власти, правительственныхъ учрежденій, призванныхъ отправлять державныя права государства. Для отправленія этихъ правъ въ каждомъ, сколько нибудь устроенномъ, государствѣ существуютъ правительственные институты, вѣдающіе отдѣльныя сферы государственной власти. Первенствующая роль въ политическомъ отношеніи принадлежитъ слѣдующимъ правительственнымъ институтамъ: законодательному, исполнительному (или, какъ называетъ его Аристотель — административному) и, наконецъ, судебному. Постараемся теперь, насколько это возможно, выяснить, какъ были организованы Солономъ эти институты правительственной власти. Начнемъ съ власти законодательной.

Законодательная власть въ государствахъ, имѣющихъ свободныя политическія учрежденія, принадлежитъ во-первыхъ представителямъ народа (всего народа или же сверхъ того и

---

[1]) Несомнѣнно, что быть (правительству) подъ контролемъ и не имѣть возможности дѣлать все, что вздумается, вообще очень полезно. Arist. Polit. VII—2.

представителямъ высшихъ классовъ) и главѣ государства. Главы государства (или правительства) въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ теперь, въ Афинахъ, со времени отмѣны царской власти, собственно говоря, не было. Глава эта въ Афинахъ имѣла характеръ, такъ сказать, коллегіальный. Сопоставляя правительственный механизмъ европейскихъ государствъ съ афинскимъ, тамошнимъ законодательнымъ собраніямъ мы можемъ привести въ параллель народное собраніе въ Афинахъ съ тою разницею, что въ Афинахъ это собраніе представляли не отдѣльные представители, въ сложности составляющіе весьма и весьма незначительную часть всего народа, а почти весь народъ, т. е. всѣ лица, имѣющія право гражданъ, всѣ граждане. Существованіе народнаго собранія, какъ политическаго фактора, въ Афинахъ, равно какъ и во всей Греціи относится къ глубокой древности. Оно извѣстно было греческимъ общинамъ временъ Гомера, но тогда власть и значеніе этого собранія были весьма ничтожны. Не подлежитъ сомнѣнію, что обычай созывать въ чрезвычайныхъ случаяхъ для совѣщанія и народъ не вышелъ изъ употребленія въ позднѣйшія времена, когда въ Афинахъ во главѣ государства стояли архонты. Думать, что будьто бы олигархія эвпатридовъ въ Афинахъ совершенно упразднила народныя собранія и что Солону пришлось издать законъ, возобновлявшій забытый или отмѣненный обычай, нѣтъ никакого основанія. Достаточно здѣсь будетъ вспомнить разсказанный нами прежде эпизодъ изъ жизни Солона, а именно войну съ Мегарой за островъ Саламинъ. Всѣ писатели, говоря объ этомъ событіи, единогласно заявляютъ, что для того, чтобы побудить афинянъ возобновить войну съ Мегарой, Солонъ явился въ *народное собраніе*, заранѣе распустивъ слухъ о своемъ сумасшествіи и пр. Вѣрность, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, этого факта (т. е. появленіе Солона въ народномъ собраніи), какъ объ этомъ говорилось нами выше, подтверждается дошедшими до насъ отрывками стихотвореній Солона. Такимъ образомъ есть полное основаніе думать, что во время всевластнаго господства эвпатридовъ, народное собраніе упразднено не было. Конечно власть и значеніе его могло быть сведе-

но до минимума; созываться оно могло очень рѣдко, но отсюда еще далеко до полнаго уничтоженія. Теперь является вопросъ, что сдѣлалъ Солонъ съ народнымъ собраніемъ, оставилъ ли его въ томъ видѣ, какъ и засталъ, или же существованіе его упрочилъ, придавъ ему характеръ строго опредѣленнаго, вполнѣ самостоятельнаго правительственнаго учрежденія, увеличилъ ли сферу его власти и значенія, или же все сюда относящееся оставилъ безъ перемѣны.

Во времена Перикла, а еще болѣе, во времена Демосфена афинское народное собраніе является въ полномъ смыслѣ державнымъ учрежденіемъ, которому подчинены всѣ органы правительственной власти, или лучше сказать, въ себѣ заключающемъ всю государственную власть. Ни одно сколько нибудь важное правительственное постановленіе, ни одинъ законъ не издается больше помимо народнаго собранія. Всѣ остальные государственные сановники, въ прежнее время пользовавшіеся болѣе или менѣе значительною долею власти, вѣдавшіе самостоятельно ту или другую часть государственнаго механизма, теряютъ свое значеніе передъ лицемъ всевластнаго народнаго собранія. Сфера компетентности остальныхъ правительственныхъ органовъ и ихъ агентовъ была сведена до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ; мало того, ихъ авторитетъ и ихъ власть даже и въ тѣхъ сравнительно ничтожныхъ дѣлахъ, которыя были оставлены за ними, превращалась ни во что, въ виду того, что недовольныя стороны могли переносить сколько нибудь дѣла важныя на рѣшеніе народнаго собранія. Одимъ словомъ, почти вся правительственная власть, не только законодательная, но въ значительной долѣ исполнительная и судебная (черезъ суды присяжныхъ) прямо или косвенно перешла въ руки народнаго собранія. Если мы обратимся къ рѣчамъ ораторовъ, напр. Демосфена, Исократа, Эсхина, Ликурга, Изея, мы найдемъ, что всѣ тѣ политическіе порядки, которые существовали во времена этихъ ораторовъ, ведутъ свое происхожденіе ни отъ кого другаго, какъ отъ Солона, и что Солонъ былъ творцомъ той демократіи, которая въ это время достигла своего апогея.

Нѣкоторые изъ ученыхъ новѣйшаго времени, какъ напр. Тируолль [1]), а еще болѣе Германъ Шеллингъ [2]) (не говоря о филологахъ XVI и XVII стол., какъ напр. Мерзій, Сигоній [3]) и пр.), къ словамъ вышеупомянутыхъ ораторовъ относятся съ полнымъ довѣріемъ и извѣстія, заключающіяся въ ихъ рѣчахъ, признаютъ за факты, стоящіе внѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Мало того, Германъ Шеллингъ причисляетъ къ законоположеніямъ Солона не только то, что эти ораторы соединяютъ съ именемъ этого законодателя, но даже и такіе законы, такія постановленія, о которыхъ можно только догадываться, что они были изданы имъ, а не кѣмъ нибудь цругимъ. Полное свое довѣріе къ отзывамъ афинскихъ ораторовъ о законодательной дѣятельности Солона Шеллингъ мотивируетъ слѣдующими соображеніями: На судѣ всѣ дѣйствующіе законы имѣли одинаковое значеніе, отъ кого бы они ни вели свое происхожденіе отъ Солона или отъ другаго законодателя, а потому не было никакого основанія и сколько нибудь уважительной причины завѣдомо ложно приписывать Солону законъ, который на самомъ дѣлѣ ему не принадлежалъ, тѣмъ болѣе, что уголовное афинское уложеніе строго преслѣдовало тѣхъ ораторовъ, которые выдавали за законъ то, что на самомъ дѣлѣ закономъ не было, а потому трудно допустить, чтобы кто нибудь рѣшился злоупотреблять именемъ Солона только для вящшаго эффекта (quasi ornamento). Нельзя также допустить, продолжаетъ тотъ же ученый [4]), чтобы

---

[1])Thirwall—History of Grecce, vol. II.

[2]) Herm. Schel. De Sol. leg. apud orat. attic.

[3]) Meurs. in Thes. Gronov. Solon., Sigon. De Republ. Athen. Ibid. Здѣсь можно упомянуть о сочиненіи Пардельфа Пратея. jurisprudentia vetus sive Draconis et Solonis nec non Romuli ac XII tabul. leges... in Otton Thes. Iur. IV, Маркиза Пасторе (Histoire de la legislation VII, Петита Leges atticae Samuel Petitus collegit, digessit (Ed. 1742). При всѣхъ своихъ достоинствахъ сочиненія эти страдаютъ положительнымъ отсутствіемъ критики, когда рѣчь идетъ о законахъ Солона.

[4]) Si quis autem quasi ornamento usos esse oratores Solonis nomine putat, est ne, quaeso, verisimile, tam levem ob causam animos auditorum

государственные мужи могли ошибаться въ вопросѣ, кому принадлежитъ тотъ или другой законъ, когда еще существовали въ наличности (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) подлинныя таблицы законовъ Солона, какъ это слѣдуетъ заключить изъ словъ Плутарха о возвращеніи изгнанниковъ [1]) и изъ слѣдующаго выраженія Демосфена [2]) ὡς ἐν ἄξονι ἀγορεύει. Гротъ [3]) частыя ссылки ораторовъ на Солона, когда они говорятъ о законахъ вообще или въ частности о какомъ нибудь отдѣльномъ законѣ, объясняетъ желаніемъ произвести эффектъ, подѣйствовать болѣе сильно на умы слушателей. Мы въ этомъ случаѣ безусловно раздѣляемъ мнѣніе этого ученаго и прибавимъ съ своей стороны, что слушателями у этихъ ораторовъ была масса простаго народа, которая, очень можетъ быть, достаточно была развита въ политическомъ отношеніи, для того, чтобы судить о текущихъ государственныхъ дѣлахъ, но едва ли историческое ея развитіе было настолько велико, чтобы она могла понять или угадать ошибку оратора относительно имени законодателя, издавшаго приводимый и разбираемый законъ. Прикрываться Солономъ или какимъ нибудь другимъ авторитетнымъ именемъ было часто настоятельною необходимостію въ виду того, если неустановившагося, то по крайней мѣрѣ часто практиковавшагося отношенія греческихъ трибуналовъ къ разбиравшемуся дѣлу. Эти трибуналы очень часто требованія закона сводили до одного уровня съ фактическими данными, а потому понятно, ораторъ, если въ его видахъ было чтобы законъ

---

decepisse oratores, praesertim, quum illam fraudem etiam poena coercitam, ex analogia conjici possit. Morte enim eos mulctatos esse, qui verba, quae re vera lex non essent, pro lege allegarent. (Demosth. in Aristid. 307 ult.).

[1]) Объ этомъ возвращеніи говорилось нами выше.

[2]) Demosth. Arist. b 29—20.

[3]) II—XI—97. Мейеръ тоже придерживается того мнѣнія, что афинскіе ораторы часто приводятъ имя Солона зря, безъ всякаго фактическаго основанія: oratores Solonis nomine saepe utuntur, ubi omnino legislatorem quemquam significare volunt, etiamsi a Solone ipso lex lata non est. Mauric. Mejer. Histor. jur. ath. De bonis damnator et fidel. debitor. 1—2.

былъ примѣненъ въ данномъ случаѣ во всей силѣ, чтобы обстоятельства, выяснившіяся на судѣ или выставленныя противною стороною, не повліяли на чувства судей, приводя законъ, соединялъ его съ именемъ какого нибудь великаго и авторитетнаго государственнаго дѣятеля. Такимъ именемъ было безспорно имя Солона. Ссылка Шеллинга на то, что законъ наказывалъ и наказывалъ очень строго тѣхъ, которые свои личные взгляды приводили на судѣ какъ слова закона не можетъ быть убѣдительною, разъ потому, что совсѣмъ другое выдавать за законъ то, что на самомъ дѣлѣ никогда закономъ не было, что уголовное уложеніе считало (и вполнѣ справедливо) наглымъ обманомъ, а совсѣмъ иное существующій въ дѣйствительности законъ приписывать такому законодателю, которому онъ не принадлежалъ, а потому та аналогія. которую допускаетъ Шеллингъ, допущена быть не можетъ. Если законъ, приводимый Демосфеномъ, дѣйствительно былъ такъ широко толкованъ, какъ по аналогіи думаетъ Шеллингъ, то въ дѣйствительности едва ли онъ могъ устрашать кого бы то ни было и оставался по всей вѣроятности мертвой буквой. Считаемъ здѣсь не лишнимъ упомянуть, что политическая практика въ Афинахъ очень часто обходила одно весьма важное требованіе (употребляя теперешній терминъ) парламентской процедуры. Какъ извѣстно, прежде чѣмъ какое нибудь предложеніе могло быть внесено на обсужденіе въ народное собраніе, оно должно было предварительно быть разсмотрѣно въ Сенатѣ (βουλή); между тѣмъ случалось нерѣдко, что издавались важныя постановленія послѣ непосредственнаго обсужденія въ народномъ собраніи, безъ всякаго участія въ этомъ сената. Понятно, что ораторъ еще менѣе могъ стѣсняться какимъ нибудь закономъ (если онъ даже дѣйствительно существовалъ), запрещавшимъ приписывать законъ другому законодателю, а не тому, кому онъ принадлежалъ на самомъ дѣлѣ. Что же касается подлинныхъ таблицъ законовъ Солона, то они во времена Демосфена могли существовать (разумѣется далеко не всѣ) только въ видѣ священныхъ предметовъ, имѣющихъ, такъ сказать, археологическое значеніе. Чтобы всѣ они существовали въ подлинномъ видѣ на ряду съ другими дѣйствующими законами, для этого нѣтъ

никакихъ данныхъ. При Периклѣ (еще раньше при Клисфенѣ) почти всѣ законы Солона, имѣющіе общій политическій характеръ потеряли свою силу; они были или совсѣмъ отмѣнены или же измѣнены до такой степени, что осталась весьма незначительная часть изъ того, что было издано Солономъ. Плутархъ по этому поводу приводитъ слѣдующій дистихъ одной изъ комедій Кратина:

πρὸς τοῦ Σόλωνος καὶ Δράκοντος οἷςι νυν
φρύγουσιν ἤδη τὰς κάχρυς ταῖς κύρβεσιν [1])

Этотъ дистихъ насмѣшка или укоръ, съ которымъ обращается поэтъ къ своимъ современникамъ за ту легкость, съ какою они бросились на политическія реформы, предавъ забвенію тѣ законы и тѣ учрежденія, какія были завѣщаны афинянамъ такими законодателями какъ Драконъ и Солонъ.

Спрашивается теперь, какія политическія учрежденія приписываютъ вышеупомянутые нами ораторы Солону, что говорятъ они о дѣятельности этого государственнаго мужа, къ чему въ позѣйшее время критика относится съ недовѣріемъ? Какъ объ этомъ было уже сказано прежде, всѣ политическія учрежденія, всѣ государственные порядки, существовавшіе и дѣйствовавшіе въ четвертомъ столѣтіи, по словамъ ораторовъ, ведутъ свое происхожденіе отъ Солона, а именно: [2]) Совѣтъ (сенатъ) пятисотъ (а не четырехсотъ, какъ утверждаетъ Плутархъ, мнѣніе которое въ этомъ случаѣ раздѣляется всѣми учеными), съ подраздѣленіемъ его на десять пританій (департаментовъ), съ предсѣдателемъ или пританомъ во главѣ, введеніе суда присяжныхъ, полное собраніе котораго состояло изъ шести тысячъ человѣкъ, учрежденіе особенной коммисіи номотетовъ, избиравшейся ежегодно изъ состава присяжныхъ для ревизіи существующаго законодательства, и наконецъ изданіе закона γραφὴ παρανόμων,

---

[1]) Клянусь Солономъ и Дракономъ, кирбами которыхъ варятъ теперь кашу (ячменную).

[2]) Относящіяся сюда мѣста изъ рѣчей афинскихъ ораторовъ будутъ указаны ниже.

закона, который угрожалъ судебнымъ преслѣдованіемъ тому, кто предложитъ законъ противный духу существующаго государственнаго строя или же такъ или иначе можетъ угрожать общественной безопасности. Не говоримъ уже о цѣломъ рядѣ законовъ, имѣющихъ чисто формальный характеръ, касаясь законодательной и судебной процедуры. Что же касается власти народнаго собранія, то та державность и то всевластіе, какимъ пользовалось оно во времена Демосфена[1]), ведетъ, будто бы, свое начало отъ уложенія Солона. Въ новѣйшее время такой взглядъ на объемъ власти и политической компетентности народнаго собранія, назначенной ему Солономъ, раздѣляется далеко не всѣми учеными. Болѣе авторитетные обнаруживаютъ склонность подвергать эту власть сильному ограниченію и часто сводятъ ее до весьма незначительныхъ размѣровъ. Остановимся здѣсь на взглядахъ на этотъ предметъ болѣе выдающихся ученыхъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, а именно на Гротѣ и Шеманнѣ. По мнѣнію Грота афинскій народъ или тоже самое афинское народное собраніе, на основаніи конституціи Солона, получило только слѣдующія политическія права: право избирать государственныхъ сановниковъ и право контроля надъ дѣятельностію этихъ сановниковъ. Нельзя допустить, говоритъ этотъ ученый, чтобы Солонъ въ то время, когда еще нигдѣ и рѣчи не было о демократіи, хотя и самой умѣренной, могъ задаться мыслью ввести въ Афинахъ въ высокой степени демократическія учрежденія. Еще большимъ было бы чудомъ, если бы ѳетъ, только что получившій эмансипацію и масса мелкихъ гражданъ, для которыхъ Солонъ издалъ законы, гражданъ, которые еще недавно трепетали передъ грозными эвпатридами и неимѣли никакой опытности въ государственныхъ дѣлахъ, если бы такіе граждане оказались способными къ отправленію важныхъ политическихъ функцій, которыя сдѣлались доступными современникамъ Перикла, успѣвшимъ проникнуться сознаніемъ своей силы и величія своего отечества [2]). Вотъ что приблизительно говоритъ Гротъ,

---

[1]) in Neaer 611.

[2]) Und es würde ein Wunder sein, welches zu glauben uns nur das stärkste unmittelbare Zeugniss rechtfertigen würde, dass Solon, in einem

доказывая невозможность приписывать Солону введеніе въ Афинахъ демократическихъ учрежденій или, что одно и тоже, демократическаго государственнаго строя. По мнѣнію этого ученаго конституція Солона была конституціей олигархической; въ своихъ политическихъ реформахъ Солонъ принялъ за основаніе тѣ порядки, какіе были въ Афинахъ до него. Не только законодательная власть въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. право издавать новые и отмѣнять существующіе законы, не была дана народу, но даже у него не было политической компетентности для рѣшенія текущихъ государственныхъ дѣлъ.

Въ этомъ случаѣ съ Гротомъ не соглашается Шеманнъ. Уже въ это время, т. е. во время Солона, нѣтъ ничего невѣроятнаго искать кое-какой демократіи, говоритъ Шеманнъ въ критической статьѣ, посвященной обзору тѣхъ главъ сочиненія Грота, которыя трактуютъ о конституціонныхъ реформахъ Солона. Демократическія учрежденія, продолжаетъ этотъ ученый, не были въ это время чѣмъ то совсѣмъ неизвѣстнымъ Греціи, доказательствомъ этому можетъ служить исторія Ахаи, въ которой вслѣдъ за низверженіемъ олигархіи утвердилась демократическая республика, очень можетъ быть весьма умѣренная. Если утвержденіе демократическаго строя въ Ахаи раньше Солона не можетъ быть признано фактомъ доказаннымъ, то во всякомъ случаѣ едва ли можно оспаривать то, что въ VI столѣтіи какъ въ другихъ греческихъ общинахъ, точно также и въ Афинахъ стали обнаруживаться признаки политическаго броженія въ массѣ на-

---

Zeitalter, wo selbst theilweise Demokratie noch nicht versucht worden war, die Jdee solcher Einrichtungen gefasst haben sollte: es würde aber ein noch grösseres Wunder sein, dass die halbefreiten Theten und kleinen Eigenthümer, für welche er Gesetze gab, noch unter der Eupatridenarchonten zitternd und in Gesammtgeschäften gänzlich unerfahren, plötzlich der Erfüllung dieser emporragenden Amtsgeschäfte gewachsen gefunden worden sein sollten, wie die Bürger des erobernden Athens in den Tagen des Perikles, erfüllt mit dem Gefühle der Kraft, und sich mit der Würde ihrer Gemeinde thatsächlich für ein und das selbe haltend—nach und nach fähig wurden, und nicht mehr als fähig, um sie mit Wirksamkeit auszuüben. Meissner II—98.

рода, броженія, вызваннаго не только экономическими причинами, но и желаніемъ массы выйти изъ политически безправнаго положенія въ государствѣ. Солонъ, одинъ изъ самыхъ великихъ и проницательныхъ умовъ древности, выступивши на поприще законодателя и преобразователя афинскаго общества, не могъ непринять во вниманіе этого факта, т. е. стремленія народа къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, а потому въ своемъ уложеніи предоставилъ народу нѣчто больше сравнительно съ тѣмъ, что предоставилъ Солонъ народу по мнѣнію Грота: онъ предоставилъ ему активное участіе въ законодательствѣ. Далекій отъ мысли считать свое уложеніе чѣмъ то вѣчнымъ и незыблемымъ, этотъ великій законодатель заранѣе предвидѣлъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ или отдаленномъ будущемъ, то или другое учрежденіе, тотъ или другой законъ окажется не соотвѣтствующимъ ни духу времени, ни потребностямъ государства, и что поэтому измѣненія и дополненія въ изданномъ имъ сводѣ будутъ необходимы и неизбѣжны. Право вводить измѣненія или дополненія въ существующемъ законодательствѣ Солонъ, по мнѣнію Шеманна, предоставилъ народному собранію. Но чтобы предохранить государство отъ слишкомъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ измѣненій въ изданномъ имъ сводѣ, чтобы придать ему больше устойчивости, Солонъ на ряду съ другими государственными учрежденіями ввелъ въ Афинахъ институтъ номотетовъ. Только коммисія номотетовъ имѣла право рѣшать принципіально вопросъ, слѣдуетъ или нѣтъ отмѣнять какой нибудь изъ дѣйствующихъ законовъ и замѣнять его новымъ. Резюмируя затѣмъ въ краткихъ словахъ мнѣніе Шеманна относительно той власти, какое получило народное собраніе въ Афинахъ по конституціи Солона, слѣдуетъ, что это собраніе, кромѣ права выбора государственныхъ сановниковъ и контрольной власти надъ ними получило сверхъ того еще очень важныя права законодательнаго характера, говоря проще, оно получило право тѣмъ или другимъ нутемъ издавать и отмѣнять законы. То же собраніе принимало участіе съ рѣшающимъ голосомъ и въ рѣшеніи то-

кущихъ государственныхъ вопросовъ, какъ напр. въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ и т. п. [3]).

Переходя затѣмъ къ изложенію нашего мнѣнія о власти народнаго собранія по уложенію Солона, мы прежде всего поставимъ общій вопросъ, какой характеръ могъ имѣть тотъ государственный строй, какой дало аѳинскому государству это уложеніе, имѣлъ ли онъ характеръ демократическій или аристократическій (другіе называютъ его олигархическимъ). Если по мысли и плану этого законодателя народное собраніе получило власть издавать и отмѣнять законы, другими словами, если народное собраніе въ Афинахъ уже тогда сдѣлано было законодательнымъ, то очевидно этотъ строй долженъ быть признанъ демократическимъ, такъ какъ при этомъ условіи вся государственная власть переходила въ руки народнаго собранія, т. е. народа въвиду того, что ни тогда, ни послѣ, въ Афинахъ, не было такого правительственнаго учрежденія, которое, имѣя право налагать veto на рѣшеніе народнаго собранія, могло бы въ то же время взамѣнъ этого рѣшенія издавать свое постановленіе, а потому по существу оно было бы тогда всевластнымъ, державнымъ. Полагаемъ, что Солонъ народному собранію законодательной власти не предоставилъ и составленная имъ конституція отнюдь не имѣла демократическаго характера. Что ко времени появленія Солона въ роли законодателя демократія не была въ Афинахъ, чѣмъ то неслыханнымъ и неизвѣстнымъ ссылаются на исторію Ахаи, но демократія утвердилась тамъ при исключительныхъ условіяхъ. Выступленіе Солона на поприще законодателя было дѣломъ эвпатридовъ, правда, вы-

---

[1]) Die Verfassungs Gesch. Ath. u. Grote's Hist. of. Greece 53—55.

Что же касается способа какимъ избирались вышеупомянутые нами номоѳеты, то Шеманнъ приписывая учрежденіе этой коммисіи Солону, не соглашается съ тѣми изъ древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ, которые говорятъ, что выборъ этотъ уже при Солонѣ происходилъ по жребію. Подобно Гроту Шеманнъ жеребьевый способъ выбора должностныхъ лицъ считаетъ пріемомъ получавшимъ мѣсто только во время развитія крайней демократіи.

нужденнымъ обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе никто не можетъ оспаривать того, что порученіе составить для Аттики политическое уложеніе было возложено на Солона по выбору тогда всесильныхъ аристократовъ. Ясно, что выборъ могъ пасть только на лицо, пользовавшееся ихъ довѣріемъ, а довѣріе едвали могли они питать къ человѣку, отличавшемуся демократическимъ образомъ мыслей. Самъ Солонъ былъ тоже эвпатридомъ и считать его приверженцемъ народовластія нѣтъ никакого основанія. Не былъ онъ конечно ярымъ и неподвижнымъ аристократомъ. Какъ и другіе, изъ его сословія, онъ очень хорошо понималъ, что оставить политическіе порядки въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали при немъ, невозможно. Онъ не могъ не сознавать, что для Аѳинъ его времени необходимо не только улучшеніе экономическаго быта массы народа, но также обновленіе и преобразованіе государственнаго строя для того, чтобы обуздать произволъ и искоренить злоупотребленія правительственныхъ агентовъ и вмѣстѣ въ тѣмъ предоставить народу участіе и въ государственныхъ дѣлахъ. Но сфера этого участія не могла быть слишкомъ обширной, она должна была вращаться въ рамкахъ существующаго законодательства, безъ права измѣнять или издавать новыя органическія законоположенія. Отдать законодательную власть въ руки народнаго собранія, т. е. народа (хотя бы при посредствѣ коммисіи номоѳетовъ) это значило бы отдать въ сущности всю государственную власть въ руки народа. Великіе умы Греціи, жившіе гораздо позже Солона какъ напр. Аристотель, Платонъ и другіе далеко не были приверженцами демократіи. При всемъ своемъ объективизмѣ и безпристрастіи, Аристотель [1]), разбирая различныя формы правленія, демократію считаетъ самою сносною только изъ всѣхъ худшихъ формъ политическаго устройства, Платонъ [2]) самою лучшею формою такого устройства считаетъ аристократію.

Съ увѣренностію можно сказать, что Солонъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ демократомъ не былъ и о введеніи

---

[1]) Arist. Polit. VI—2.

[2]) Plato Rep. IX—438 ἡ μὲν ἀριστοκρατία ἀρίστη ἡ δὲ τυραννὶς κακίστη·

въ политическій строй афинскаго государства широкихъ демократическихъ учрежденій и не думалъ. Въ доказательство мы можемъ сослаться на его стихотворенія, между которыми есть одинъ дистихъ, составляющій, такъ сказать, политическое profession de foi этого законодателя. Въ этомъ дистихѣ Солонъ говоритъ:[1]) »тогда народъ лучше всего повинуется своимъ властямъ, когда его ни слишкомъ распускаютъ, ни притѣсняютъ«. Выраженіе πιεζόμενος было бы здѣсь совершенно лишне, если бы народное собраніе на основаніи конституціи Солона было бы дѣйствительно облечено законодательною властію. Опасаться притѣсненій со стороны эвпатридовъ народу не было бы тогда никакого основанія, на оборотъ, въ случаѣ надобности онъ самъ могъ бы выместить свою злобу противъ аристократовъ юридически легальнымъ способомъ.

Между тѣми же стихотвореніями есть одинъ отрывокъ, въ которомъ Солонъ довольно ясно, хотя только въ общихъ выраженіяхъ, высказывается относительно тѣхъ правъ, какими надѣлилъ онъ какъ массу народа, такъ и привиллегированные его классы. Вотъ текстъ этого стихотворенія: [2])

δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα τόσον κράτος, ὅσσον ἐπαρκεῖ,
τιμῆς οὔτ' ἀφελὼν, οὔτ' ἐπορεξάμενος·
οἱ δ'εἶχον δύναμιν καὶ χρήμασιν ἦσαν ἀγητοὶ,
καὶ τοῖς ἐφρασάμην μηδὲν ἀειχὲς ἔχειν.
ἔστην δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφοτέροισι,
νικᾶν δ' οὐκ εἴασ οὐδετέρους ἀδίκως.

Отсюда мы видимъ, что Солонъ далъ народу столько силы (власти), сколько было нужно, ни слишкомъ много ни слиш-

[1]) δῆμος δ'ωδ'ἂν ἄριστα σύν ἡγεμόνεσσιν ἕποιτο μήτε λίην ἀνεθεὶς μήτε πιεζόμενος (Bergk—Sol VI).

[2]) Народу далъ я столько правъ (силы), сколько было нужно для того, чтобы не лишить его всякаго значенія ни надѣлить его (политическими правами) черезъ мѣру. Озаботился я также и о томъ, чтобы не было обидно знатнымъ и богатымъ. Покрывая могучимъ щитомъ обѣ стороны, я не допустилъ, чтобы одни были отданы на произволъ другихъ.

комъ мало. Надѣленіе народа слишкомъ большими правами могло бы совершиться только съ ущербомъ для высшихъ привилигерованныхъ классовъ, но давать въ обиду этихъ послѣднихъ онъ не думалъ, такъ такъ о тѣхъ, которые выдавались своимъ общественнымъ положеніемъ (οἳ δ'ἒ.Χον δύναμιν) или богатствомъ (Χρήμασιν ἦσαν ἀγητόι) Солонъ позаботился, чтобы они не были обижены его реформами. А это неминуемо было бы въ томъ случаѣ, если бы Солонъ первенствующую роль и законодательную власть предоставилъ народному собранію.

Наконецъ скажемъ, что обычай издавать законы (конечно здѣсь не можетъ быть рѣчи объ обыкновенныхъ текущихъ государственныхъ дѣлахъ) черезъ подачу голосовъ въ народномъ собраніи принадлежитъ къ болѣе позднимъ. Ни до Солона и долгое время послѣ Солона изданіе законовъ не совершалось такимъ путемъ. Оно обыкновенно поручалось одному лицу, пользовавшемуся въ государствѣ особеннымъ довѣріемъ и авторитетомъ. Въ тойже Аттикѣ мы видимъ, что важныя государственныя реформы послѣ Солона совершаются не столько чрезъ голосованіе въ народномъ собраніи, а по волѣ Клисфена, успѣвшаго при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ занять первенствующее положеніе въ государствѣ.

На основаніи всего вышесказаннаго мы приходимъ къ тому заключенію, что народное собраніе въ Афинахъ по конституціи Солона не было собраніемъ законодательнымъ. Но мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія Грота, что это собраніе, не имѣя законодательной инициіативы, имѣло только право избирать и контролировать агентовъ правительственной власти. Война за Саламинъ была рѣшена народнымъ собраніемъ, а не объявлена просто по волѣ правительства. Мы имѣемъ полное право допустить, что и впредь важныя государственныя дѣла и общіе государственные вопросы въ силу конституціи Солона обсуждались и окончательно рѣшались въ народномъ собраніи. Къ такимъ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ народнаго собранія, принадлежали: вопросъ о войнѣ и мирѣ, важныя государственныя работы напр. проложеніе дорогъ, сооруженіе общегосударственныхъ храмовъ, измѣненія въ религіозномъ культѣ, подати, налоги и т. п.

Относительно устава, выработаннаго Солономъ для народнаго собранія, извѣстно весьма немного. Ораторы приписываютъ Солону относящееся сюда постановленіе, по которому до открытія засѣданія народнаго собранія дѣлалось обязательнымъ совершеніе религіознаго обряда извѣстнаго подъ именемъ очищенія [1]) (καθάρσιον). Очищеніе это состояло въ томъ, что закалывали поросенка, съ которымъ совершался торжественный ходъ вокругъ собранія подъ предводительствомъ жреца называвшагося περιστίαρχος, который кровью жертвы окроплялъ скамьи. При этомъ сожигался фиміамъ и читалась молитва. Тотъ же Солонъ ввелъ обычай, чтобы глашатай до открытія засѣданія, послѣ молитвы о ниспосланіи всякихъ благъ городу и народному собранію, предавалъ проклятію того, кто изъ своекорыстныхъ видовъ будетъ дурно рядить общественныя дѣла [2]). Затѣмъ первоприсутствующіе сенаторы (такъ называемые πρόεδροι [3]) послѣ прочтенія проэкта, разсмотрѣннаго и одобреннаго въ Сенатѣ (προβούλευμα), спрашивали слѣдуетъ ли этотъ проэктъ подвергнуть новому обсужденію въ народномъ собраніи или же онъ прямо можетъ быть пущенъ на голоса. Относительно порядка, въ какомъ ораторы [4]) должны были являться на трибуны, Со-

---

[1]) Aeschin. in Timarch. 48, 49. Объясненіе схоліаста къ этому мѣсту рѣчи Эсхина и Гарпократіона къ слову καθάρσιον. Этотъ обрядъ совершался не только при открытіи народнаго собранія, но и другихъ общественныхъ собраній напр. передъ началомъ драматическихъ представленій. Ἔθος ἦν ἀθήνησι καθαίρειν τὴν ἐκκλησίαν καὶ τὰ θέατρα καὶ ὅλως τὰς τοῦ δήμου ξυνόδους μικροῖς πάνυ χοριδίοις, ἅπερ ὠνόμαζον καθάρσια. τοῦτο δὲ ἐποίουν οἱ λεγόμενοι περιστίαρχοι. Hargocrat. in v.καθάρσιον. Подробный ритуалъ этой церемоніи см. Demosth. de Corona et falsa legat. 393. Эсхинъ введеніе этого обряда приписываетъ Солону. Съ одинаковымъ правомъ можно отнести его къ болѣе глубокой древности, если вспомнимъ, что ни въ частной ни въ общественной жизни грекъ не предпринималъ ничего сколько нибудь важнаго, не совершивши жертвы или молитвы.

[2]) Aesch. ibid. Demosth. ibid.

[3]) Скорѣе пританы, такъ какъ званіе Πρόεδροι принадлежитъ къ боѣе поздимъ.

[4]) По словамъ нѣкоторыхъ Солонъ постановилъ, чтобы ежегодно избирать 10 ораторовъ для защиты правит. проектовъ рѣчь in Timarch.). Но это едва ли вѣрно.

лонъ издалъ законъ, чтобы соблюдался порядокъ по старшинству лѣтъ [1]). Что же касается голосованія [2]), то Солонъ постановилъ, чтобы впредь оно происходило черезъ поднятіе рукъ (χειροτονία въ тѣсномъ смыслѣ). Вотъ почти и все что изъ подробно разработаннаго устава народнаго собранія временъ Демосфена можно приписать Солону.

Послѣ народнаго собранія первое мѣсто между высшими правительственными учрежденіями въ Афинахъ принадлежало Сенату, иначе называемому предварительному совѣту (βουλή προβουλευτικόν). Относительно происхожденія этого сената всѣ почти ученые того мнѣнія, что онъ былъ созданъ непосредственно Солономъ. Но, кажется, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что Солонъ нашелъ въ Афинахъ на ряду съ архонтами и ареопагомъ еще и высшій административный Совѣтъ, состоявшій, разумѣется, исключительно изъ эвпатридовъ, Совѣтъ, который вѣдалъ текущія дѣла государства. Впрочемъ даже если и допустить, что этотъ Совѣтъ въ томъ или другомъ видѣ существовалъ и до Солона, то реформы произведенныя этимъ законодателемъ въ уставѣ этого Совѣта были столь велики, что нѣтъ ничего удивительнаго, если и учрежденіе его стали соединять съ именемъ Солона. Сенатъ этотъ состоялъ изъ 400 человѣкъ [3]) (при Клисѳенѣ изъ 500). Членами могли быть только граждане первыхъ трехъ классовъ по выбору. Граждане четвертаго класса, такъ называемые ѳеты, въ выборахъ участвовали, но сами избираемы быть не могли. Выбранные кандидаты предварительно подвергались докимазіи (испытанію) въ политической и семейной нравственности [4]) и въ случаѣ если кто нибудь изъ нихъ оказался виновнымъ въ томъ, что не помогалъ страждущему

---

[1]) Законъ этотъ, въ особенности въ позднѣйшее время, часто подвергался нарушеніямъ.

[2]) Aesch. in Timar. I. C. καὶ μετὰ ταῦτα и in Ctesiph. 383—3.

[3]) Plut. XIX. [4]) Lys.

отечеству [1]), служилъ тирану [2]) или не почитаетъ родителей [3]), въ число сенаторовъ не допускался. При вступленіи въ должность они произносили клятву, установленную Солономъ, но она въ цѣльномъ видѣ до насъ не дошла, а есть только отрывки, сохранившіеся у Лизія [4]), Демосфена [5]) и Ксенофонта [6]) да и то такіе, что редакцію ихъ приписывать Солону едва ли можно, несмотря на то, что Демосфенъ ясно говоритъ: ἄχυρον... ὁ Σόλων.. προσέγραψεν Jn Timocr. 746, 10—14).

Власть этого Сената, сфера его дѣятельности и административной компетентности была велика. Мы думаемъ, едва ли будемъ очень далеки отъ истины, если скажемъ, что въ Афинахъ этотъ Сенатъ впослѣдствіи олицетворялъ собою то, что теперь называютъ правительствомъ. Государственное его значеніе было особенно велико въ виду тѣхъ отношеній, въ какихъ находился онъ къ народному собранію. Сенатъ предварительно обсуждалъ тѣ вопросы [7]) и тѣ проэкты или предложенія, которые должны были поступить въ народное собраніе, первоприсутствующіе изъ его среды руководили преніями на этомъ собраніи, тому же Сенату, какъ высшему органу исполнительной власти въ государствѣ, поручалось въ большинствѣ случаевъ исполненіе или наблюденіе за исполненіемъ постановленій этого собранія.

Относительно устава, даннаго Солономъ этому Сенату, почти ничего неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться съ Шеманномъ [8]) въ томъ, что тотъ уставъ Сената, какой дѣйствовалъ въ Афинахъ въ позднѣйшее время, неособенно разнился отъ того, который былъ выработанъ Солономъ. Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что уже при Солонѣ Сенатъ раздѣ-

---

[1]) idem in Phil. 870--75. [2]) idem—pro Mantit. [3]) idem—in Phil. 884. Уже самый характеръ этихъ условій въ родѣ—службы тиранну и неоказаніе помощи страждущему отечеству даютъ основаніе считать ихъ принадлежащими глубокой древности, а именно Солону.

[4]) in Phil. 869.

[5]) Demosth. in Neaer. 1346 in Timocr. 745, 9—16.

[6]) Memor. 1—5.

[7]) Plut. Sol. Cap. 19. Demosth. in Androt. и объясненіе схоліаста этой рѣчи in v. προβούλευμα.

[8]) Die Verf. gesch. Ath. nach. G. Grotes... 68.

лялся на десять отдѣленій, которыя завѣдывали дѣлами по очереди. Къ тому же времени можно отнести пританіи и пританов [1]).

Кромѣ учрежденнаго Солономъ совѣта четырехсотъ, въ Афинахъ существовалъ еще особый совѣтъ такъ называемый совѣтъ ареопага или, какъ его обыкновенно называютъ, ареопагъ. Между древними писателями есть такіе [2]) (въ томъ числѣ и Цицеронъ) [3]), которые учрежденіе этого Сената приписываютъ Солону. Но уже Плутархъ [4]) оспариваетъ это мнѣніе, ссылаясь на извѣстную амнистію Солона, въ которой между прочимъ было сказано, что она не распространяется на тѣхъ осужденныхъ, которые были судимы ареопагомъ, а амнистія эта была объявлена Солономъ вскорѣ послѣ избранія его въ архонты. Что мнѣніе, будто бы ареопагъ Афинскій былъ учрежденъ Солономъ, ошибочно, это обстоятельно выяснено Мерзіусомъ [5]); а такъ какъ въ настоящее время нельзя найти ученаго, который бы раздѣ-

---

[1]) Такъ назывались сенаторы, находившіеся, но принадлежащей имъ очереди, у дѣлъ; назывались они пританами (первоприсутствующими, старшими), потому что имъ принадлежало предсѣдательство и главная роль въ общихъ засѣданіяхъ Сената и въ народномъ собраніи.

[2]) Что нѣкоторые писатели учрежденіе ареопага приписываютъ Солону, это можно объяснить тѣмъ, что до Солона ареопагъ назывался просто βουλή и только когда былъ созданъ новый совѣтъ (четырехсотъ), прежній въ отличіе отъ новаго былъ названъ Совѣтомъ въ Ареопагѣ. Происхожденію такого мнѣнія, быть можетъ, содѣйствовало и то, что Драконъ въ своемъ законодательствѣ будто бы объ ареопагѣ не упомянулъ вовсе.

[3]) Quamvis enim Themistocles jure laudetur et sit nomen ejus illustrius, citeturque Salamis clarissimae testis victoriae, quae anteponatur consilio Solonis, ei, quo primum constituit areopagitas. De off. 1.

Аристотель не говоритъ категорически, что Солонъ учредилъ ареопагъ, но и не утверждаетъ что онъ существовалъ до Солона.

[4]) Plut. Sol. XIX. Въ новѣйшее время Филиппи оспариваетъ достовѣрность этого заявленія Плутарха и кажется готовъ склониться на сторону тѣхъ, которые учрежденіе ареопага приписываютъ Солону. Das Amnestiegesetz des Solon.... Rhein. Mus. XXIX—1—12.

[5]) Meurs. Areopag. 2025.

лялъ взглядъ Цицерона на происхожденіе ареопага, а потому распространяться здѣсь въ опровержевіе этого мнѣнія мы считаемъ лишнимъ.

Существованіе этого совѣта относится къ глубокой древности. Вѣроятнѣе всего, что онъ получилъ начало отъ того совѣта старѣйшинъ, который окружалъ героическихъ царей, но въ то время онъ далеко не имѣлъ характера сколько нибудь опредѣленнаго, законченнаго государственнаго учрежденія, такимъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, вѣроятнѣе всего послѣ упразденія царской власти. Изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Аттикѣ, ареопагъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ, по крайней мѣрѣ до того времени, когда государственный строй Аттики подъ вліяніемъ Эфіальта и Перикла окончательно получилъ характеръ демократическій и когда, слѣдовательно, тѣ учрежденія, которыя такъ или иначе могли служить противовѣсомъ радикальнымъ тенденціямъ, направленнымъ къ политическому усиленію въ государствѣ массы народа, не могли со стороны этого нослѣдняго вызывать къ себѣ особенныхъ симпатій. Но даже въ самый разгаръ процвѣтанія демократіи въ Аѳинахъ многіе серьезные умы со скорбью смотрѣли на умаленіе власти и значенія этого нѣкогда великаго совѣта.

Издавая конституціонные законы, Солонъ обратилъ особенное вниманіе на ареопагъ. По волѣ этого законодателя, ареопагъ сдѣлался не только судилищемъ (какимъ онъ былъ до этого времени) для важныхъ уголовныхъ преступленій, но, что гораздо важнѣе, онъ получилъ весьма важныя права политическаго характера и такимъ образомъ ареопагъ являлся палатой судебной и въ тоже время конституціонной. Изъ области судебной вѣдѣнію ареопага, какъ объ этомъ только что было упомянуто нами, подлежали болѣе важныя уголовныя преступленія, а именно: преднамѣренное убійство и пораненіе, поджогъ и отравленіе, [1]), кромѣ того нѣкоторыя религіозныя преступленія [2]).

[1]) Demosth. in Aristocr. 19—25 νόμος δικάζειν δὲ τὴν βούλην τὴν ἐν ἀρείῳ πάγῳ φόνου καὶ τραύματος ἐκπρονοίας καὶ πυρκαιᾶς καὶ φαρμάκων, ἐάν τις ἀποκτείνῃ δούς. См. также Lept. 505—8 599.

[2]) Plut. Sol. 22. Diog. Sol. 55. Valer. Max. lib. 2—1. Pollux. VIII—42.

Въ политическомъ же отношеніи ареопагъ представлялъ собою высшее государственное учрежденіе, которому былъ порученъ верховный надзоръ за соблюденіемъ законовъ всѣми органами правительственной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденіе за частною жизнью и дѣятельностію гражданъ съ правомъ въ случаѣ если онъ найдетъ въ ней что нибудь предосудительнаго, подвергать виновныхъ наказанію [1]). Подъ его верховнымъ наблюденіемъ находились и дѣла, относящіяся къ воспитанію юношества [2]).

Въ какомъ отношеніи, на основаніи конституціи Солона, ареопагъ находился къ народному собранію, то хотя непосредственныхъ на этотъ счетъ указаній нѣтъ, тѣмъ не менѣе тѣ свѣденія, какія даетъ намъ Филохаръ о номофилактахъ, могутъ послужить источникомъ и для выясненія этого вопроса. Какъ извѣстно, институтъ номофилактовъ въ Афинахъ явился тогда, когда Эфіальтъ ослабилъ значеніе ареопага, оставилъ за нимъ исключительно характеръ судебной палаты по извѣстнымъ уголовнымъ преступленіямъ и лишилъ его всей той власти, какою онъ пользовался доселѣ въ дѣлахъ чисто политическихъ, передавъ ее вышеупомянутымъ номафилактамъ. Это даетъ намъ право заключить, что тѣ функціи, какія реформа Эфіальта возло-

---

[1]) Jsocrat Areopag. 14—16.

[2]) Philoch. Athen. libr. Harpocr. v. νομοφύλυκες—ἀρχῆτις παρ ἀθηναίοις... φιλόχορος ἐντῷ ἑβδόμῃ ἄλλα τέτοια διεξῆλθε περὶ αὐτῶν. Объ этомъ болѣе точныя извѣстія въ риторич. слов. за словомъ Фотія. Здѣсь же приведемъ выписку изъ Thes. Graecaeling. Henr Steph.; hi (νομυφύλακες) Athenis... cogentes magistratus omnia recte atque ordine et ex praescripto legum agere. Jn concionibus vero cum προέδροις considere soliti, intercessuri siquis rogationem promulgationemve quampiam ferret aut contra ins titata patriae, aut quae ex republ. ex dignitate ejus non videretur. Pollux (8, 94).

Самое важное значеніе имѣетъ здѣсь слѣдующая глосса изъ Филохора, находящаяся въ словарѣ патріарха Фотія: νομοφύλακες... τὰς δὲ ἀρχὰς ἠνάγκαζυν τοῖς νόμοις χρῆσθαι· καὶ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ ἐν τῇ βοολῇ μετὰ τῶν προέδρων ἐκάθηντο, κωλύοντες τὰ ἀσύμφορα τῇ πόλει πράττειν. ἑπτὰ δὲ ἦσαν· καὶ κατέστησαν, ὡς Φιλόχωρον, ὅτε Ἐφιάλτης μόνη κατέλιπε τῇ ἐξ Ἀρείου πάγον βουλῇ τά ὑπὲρ τοῦ σώματος. Ed. Ricard- Porsonus. № 674.

жила на номофилактовъ, прежде принадлежали ареопагу. Основываясь на относящихся сюда словахъ Филохара, мы можемъ сказать, что члены ареопага присутствовали на общихъ засѣданіяхъ Сената, а также и на засѣданіяхъ народнаго собранія (занимая мѣсто возлѣ первоприсутствующихъ сенаторовъ, т. е. пританов) и въ случаѣ если обсуждалось какое нибудь предложеніе [1]), которое они находили для государства вреднымъ или противнымъ духу существующихъ учрежденій, они могли потребовать взять назадъ этотъ проектъ и не пускать его на голоса; въ случаѣ же если по той или другой причинѣ голосованіе состоялось и самый проектъ былъ принятъ, опи могли такое рѣшеніе отмѣнить и постановленіе народнаго собранія объявить недѣйствительнымъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ политическихъ дѣлахъ Уложеніе Солона дало ареопагу обширную власть и что онъ по духу этого уложенія имѣлъ характеръ первенствующаго государственнаго учрежденія (или какъ его называетъ Гротъ [2]) главнымъ и первенствующимъ учрежденіемъ) и мы думаемъ, едва ли будетъ съ нашей стороны большой натяжкой, если скажемъ, что, по конституціи Солона, ареопагъ въ Афинахъ до нѣкоторой степени представлялъ собою то, чѣмъ въ настоящее время въ конституціонныхъ европейскихъ государствахъ является вторая палата (палата лордовъ, сенатъ и т. п.).

Говоря объ ареопагѣ, мы не можемъ не затронуть здѣсь одинъ вопросъ, который, какъ кажется, обходится всѣми писавшими о законодательствѣ Солона. Какъ извѣстно, Солонъ распредѣленіе государттвенныхъ правъ и обязанностей между гражданами поставилъ прежде всего въ зависимость отъ ценза и съ этой цѣлію раздѣлилъ гражданъ на классы. Но вѣдь имуще-

---

[1]) Здѣсь можетъ быть только рѣчь о предложеніяхъ, или постановленіяхъ, относящихся къ текущимъ государственнымъ дѣламъ, такъ какъ касаться самаго законодательства, вводить какія нибудь перемѣны въ существующемъ кодексѣ народное собраніе, какъ мы старались доказать это въ своемъ мѣстѣ, не имѣло права.

[1]) Von der Zeit des Kleisthenes an hören die Areopagiten auf die hauptsächliste und hervorragende Gewalt im Staate zu sein. Перев. Мейснера II—443.

ственное положеніе представляетъ собою элементъ неустойчивый, оно не можетъ, оставаться всегда однимъ и тѣмъ же; одни бѣднѣютъ а другіе богатѣютъ; а такъ какъ отъ имущественнаго достатка зависѣло и политическое положеніе въ государствѣ, то, конечно, Солонъ не могъ не возложить на кого нибудь обязанность наблюдать и провѣрять имущественное положеніе афинскихъ гражданъ. А такъ какъ у Сената какъ у органа по преимуществу административнаго цензорскихъ функцій никогда не было, то вѣроятнѣе всего, что эта обязанность была возложена на членовъ такого правительственнаго учрежденія, которое между прочимъ было призвано наблюдать за занятіями и образомъ жизни гражданъ. Такимъ учрежденіемъ въ Афинахъ былъ ареопагъ, а потому мы рѣшаемся сказать, что на ареопагѣ кромѣ другихъ обязанностей лежала еще обязанность отъ времени до времени провѣрять имущественное положеніе всѣхъ жителей Аттики, пользующихся политическими правами, такъ какъ едва можно допустить, чтобы подобнаго рода перепись была поручена мѣстнымъ властямъ каждой филы.

Что же касается состава самаго ареопага, то извѣстно, что членами его по праву дѣлались всѣ бывшіе архонты, если только дѣятельность ихъ въ этомъ званіи народнымъ собраніемъ признавалась безупречною. Званіе члена ареопага было пожизненно, число же членовъ было неограничено. Самъ Солонъ, по сложеніи съ себя званія архонта, сдѣлался членомъ ареопага.

Въ тѣсной связи съ конституціонными реформами Солона стоитъ одинъ законъ, будьто-бы имъ изданный, законъ, который подъ угрозой атиміи (т. е. лишенія всѣхъ гражданскихъ правъ) требовалъ, чтобы въ случаѣ, если въ государствѣ произойдетъ какая нибудь междоусобная война, вооруженное столкновеніе политескихъ партій, каждый гражданинъ немедленно принималъ сторону одной изъ борющихся сторонъ; говоря точнѣе, законъ этотъ отнюдь нетребовалъ, чтобы граждане непремѣнно стали въ защиту существующаго законнаго правительства, а только

того, чтобы они не оставались пассивными зрителями происходящей на ихъ глазахъ борьбы и приняли въ ней активное участіе, все равно, въ пользу ли существующихъ властей или ихъ противниковъ. Этотъ законъ мы находимъ у Плутарха [1]) и у Аула Геллія [2]). Въ новѣйшее время изъ всѣхъ выдающихся историковъ, писавшихъ о законодательствѣ Солона, объ этомъ законѣ особенно распространяется Гротъ [3]). Этотъ ученый въ подлинности разбираемаго закона не сомнѣвается и находитъ его весьма цѣлесообразнымъ, потому что, при этомъ условіи междоусобная война не могла бы принять широкихъ размѣровъ; начинать ее не рѣшился бы заурядный честолюбецъ, какъ это часто бывало въ томъ случаѣ, когда большинство гражданъ во время революціонныхъ движеній оставалось пассивными зрителями. Въ этомъ случаѣ- намъ кажется едва ли можно согласиться съ Гротомъ. Мы никакъ не можемъ себѣ придставить, чтобы Солонъ могъ издать подобный законъ. Другое дѣло, если бы въ немъ шла рѣчь о непремѣнной обязанности всѣхъ гражданъ стать при первой необходимости на защиту существующаго правительства, существующаго порядка вещей. Издать же законъ подобнаго рода—значитъ заранѣе лишить правительство подобающаго ему авторитета и необходимой ему силы, это значитъ сдѣлать государственную власть яблокомъ нескончаемыхъ раздоровъ, предметомъ вѣчной борьбы честолюбцевъ, говоря проще, такой законъ узаконялъ бы всякіе государственные перевороты, даже больше, онъ представлялъ бы собою отрицаніе всякаго правительства, узаконялъ бы вѣчную анархію. Это законъ, подобнаго которому

---

[1]) Plut. Sol. XX. τῶν δ'ἄλλων αὐτοῦ νόμων ἴδιος μὲν μάλιστα και παράδοξος ὁ κελεύων ἄτιμον εἶναί τὸν ἐν στάσει μηδετέρας μερίδος γενόμενον. βούλεται δ', ὡς ἔοικε, μὴ ἀπαθῶς μηδ ἀναισθήτως ἔχειν πρὸς τὸ καινόν....

[2]) Noctes Atticae II—XII. За это, будьто бы, назначалась конфискація имущества и изгнаніе. По другимъ извѣстіямъ такая безучастность влекла за собою смертную казнь. Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аттику, по поводу этого закона, говоритъ слѣдующее: Ego vero Solonis, popularis tui, ut puto etiam mei, legem negligam, qui capite sanxit, si qui in seditione non alterius utrius partis fuisset. X—ep. I.

[3]) 112—113. Фостель Куланжъ разбираемый законъ тоже признаетъ дѣйствительнымъ, а не выдуманнымъ Плутархомъ или кѣмъ нибудь другимъ.

нельзя найти ни въ одномъ, когда нибудь существовавшемъ законодательствѣ. Нецѣлесообразность его столь очевидна, что мы никакъ не можетъ допустить, чтобы Солонъ могъ издать [1]) что нибудь подобное.

Разсмотрѣніемъ устава, даннаго Солономъ ареопагу, мы покончимъ обзоръ конституціонныхъ реформъ этого законодателя. Вникая въ сущность этихъ реформъ, мы не можемъ не видѣть, что они были составлены разумно и искусно приноровлены къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ приходилось вводить ихъ въ жизнь. Солонъ засталъ въ Афинахъ господство родовыхъ аристократовъ, говоря проще, строгую олигархію; но господство это, освященное религіей и временемъ, было уже непрочно, оно уже пошатнулось. Аристократія безвозвратно потеряла тотъ ореолъ святости и неприкосновенности, какимъ она была окружена доселѣ, она перестала внушать къ себѣ ту безсознательную и рабскую преданность, какую она внушала къ себѣ прежде. Правительство, состоявшее изъ лицъ, набранныхъ изъ изъ ея среды, перестало внушать къ себѣ довѣріе; съ потерей довѣрія оно не могло наводить на массы тотъ священный страхъ, который помогалъ до сихъ поръ аристократамъ распоряжаться въ государствѣ безконтрольно. Въ это время масса афинскаго народа вышла, видимо, изъ политическаго дѣтства. Она начала ясно сознавать свое положеніе, которое было печально въ экономическомъ и унизительно въ политическомъ отношеніи. Недовольство народа существующимъ порядкомъ вещей росло все больше и больше. Это недовольство не могло не

---

[1]) Въ подлинности такого постановленія мы сомнѣваемся тѣмъ болѣе, что въ уголовномъ уложеніи Солона покушеніе на ниспроверженіе существующаго государственнаго строя принадлежало къ числу преступленій именуемыхъ общимъ названіемъ τυραννίς и дѣла такого рода принадлежали къ юрисдикціи архонта Базилевса. Законъ этотъ послѣ Солона былъ забытъ, но во время осады Афинъ Лизандромъ былъ возобновленъ по предложенію Патроклида. Andocid. d. Myster. 38.

вызвать ненависти и озлобленія на правящіе классы, въ которыхъ народъ видѣлъ причину всѣхъ своихъ бѣдъ. Аристократы, видя, что такое настроеніе массы можетъ повлечь для нихъ гибельныя послѣдствія, во время уступили и тѣмъ предотвратили иначе неизбѣжную катастрофу. Они признали необходимость реформъ и совершеніе ихъ было возложено на Солона евпатрида по происхожденію и пользовавшагося расположеніемъ какъ аристократовъ, такъ и простаго народа. Выступивъ на поприще законодателя, Солонъ, какъ объ этомъ подробно говорилось въ своемъ мѣстѣ, прежде все счелъ необходимымъ издать нѣсколько постановленій, которыя избавили бы народъ отъ обременявшихъ его экономическихъ тягостей. Но сознавая, что экономическія льготы недостаточны для того, чтобы обезпечить государству сколько нибудь продолжительный миръ и спокойствіе, Солонъ рѣшилъ провести цѣлый рядъ реформъ государственныхъ и тѣмъ направить политическую жизнь Аттики на путь болѣе нормальный и справедливый. До сихъ поръ властью и значеніемъ въ государствѣ пользовалась только родовая аристократія. Далекій отъ мысли вводить въ своемъ отечествѣ полное политическое равенство, Солонъ сдѣлалъ только то, что увеличилъ классъ людей, имѣющихъ право на власть и облегчилъ условія, при которыхъ впредь возможно было достиженіе власти. Необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія политическаго значенія и власти въ государствѣ былъ сдѣланъ цензъ (имущественный), который легъ въ основаніе его дѣленія афинскихъ гражданъ на классы. Низшій классъ не получилъ права на занятіе какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, тѣмъ не менѣе и граждане этого класса не были лишены всякаго политическаго значенія: имъ было предоставлено участіе въ народномъ собраніи и въ выборѣ должностныхъ лицъ. Народному собранію законодательная власть и законодательная инйціатива предоставлена не была. Изданные Солономъ органическіе законы ни народное собраніе, ни другое правительственное учрежденіе не имѣло права ни отмѣнять, ни измѣнять [1]). Законодательная компетентность этого собранія не

---

[2]) Съ увѣренностію можно утверждать, что Солонъ обязалъ Афи-

должна была выходить изъ рамокъ государственнаго уложенія, изданнаго Солономъ, компетентность эта могла распространяться на текущія дѣла государства и общества, но даже и здѣсь власть собранія была ограничена сенатомъ и ареопагомъ: всякое предложеніе, каждый проектъ, имѣвшій обсуждаться въ народномъ собраніи, подвергался предварительно, такъ сказать, двойной цензурѣ, а именно сената и ареопага. А такъ какъ ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ, архонтами же могли быть граждане перваго класса, т. е. самые богатые и зажиточные, отсюда слѣдуетъ, что по смыслу конституціи Солона первенствующая роль въ государствѣ была предоставлена аристократіи, съ той разницей, что новая, созданная имъ аристократія, не была такою замкнутою, какою была прежняя родовая. Доступъ въ ея ряды теперь былъ открытъ каждому, кому счастіе и трудъ далъ возможность пріобрѣсть настолько значительное состояніе, чтобы имѣть право на причисленіе къ первому классу. Переносить теперь центръ политической тяжести въ массу народа Солонъ, какъ это онъ высказалъ въ одномъ изъ стихотвореній, находилъ несправедливымъ и несвоевременнымъ, онъ видимо хотѣлъ удовлетворить всѣ классы своихъ соотечественниковъ, предоставивъ каждому подобающую ему долю участія въ государственныхъ дѣлахъ.

Солонъ надѣялся, что его конституція надолго упрочитъ въ государствѣ порядокъ, спокойствіе и предотвратитъ всякіе политическіе перевороты. Какъ извѣстно, надежды его не оправдались и созданная имъ конституція просуществовала сравнительно не долго. Но такой исходъ былъ не избѣженъ. Какъ ни умѣренны были политическія реформы Солона, тѣмъ не менѣе они въ исторіи Аттики составляютъ цѣлую эпоху, они произвели радикальную перемѣну въ существовашемъ до сихъ поръ государственномъ строѣ. Эти реформы такъ или иначе ввели въ политическій бытъ Аттики начало народовластія, а это начало, разъ поставленное, хотя бы въ размѣрахъ незна-

---

нянъ оставлять его законодательство ненарушимымъ въ теченіе извѣстнаго времени.

чительныхъ, неминуемо должно было проложить себѣ путь болѣе широкій [1]) въ особенности въ такомъ государствѣ, какъ Аттика, съ такою незначительною територіей. Заслуга конституціи Солона заключается прежде всего въ томъ, что она указала путь, по которому долженъ былъ совершенствоваться государственный строй Аттики, она въ значительной долѣ способствовала тому, что далнѣйшія измѣненія въ политическомъ быту афинской общины совершались почти всегда сравнительно мирно, чего далеко нельзя сказать о другихъ греческихъ общинахъ.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь слова Аристотеля о конституціи Солона. Правда, въ нихъ онъ не называетъ ясно имени Солона, тѣмъ не менѣе, читая нижеприведенныя нами мѣста изъ его политики, можно думать, что онъ, говоря эти слова, имѣлъ въ виду тѣ политическіе порядки, какіе ввелъ въ политическій бытъ Аттики Солонъ. Такъ напр., о самой лучшей олигархіи и самой лучшей демократіи, Аристотель говоритъ: Наилучшая форма демократіи—земледѣльческая. Не имѣя большой собственности, такой народъ не пользуется большимъ досугомъ, потому и не можетъ собираться часто. Нуждаясь въ необходимомъ, онъ проводитъ свое время въ тру-

[1]) Въ объясненіе почему богатый классъ не могъ долго сохранить доставшуюся ему власть и долженъ былъ уступить ее народу, Ф. Куланжъ приводитъ слѣдующія соображенія: Богатый классъ сохранилъ господство свое не такъ долго, какъ хранила его древняя родовая знать. Да права его на власть не имѣли такого вѣса. Онъ не носилъ того священнаго характера, какимъ былъ облеченъ древній эвпатридъ; онъ властвовалъ не въ силу вѣрованій и не по волѣ боговъ. Въ немъ не было ничего, что захватывало бы совѣсть и вынуждало человѣка къ покорности. Человѣкъ преклоняется только предъ тѣмъ, что онъ считаетъ за право или что, по его мнѣнію, стоитъ несравненно выше его. Онъ долго могъ гнуться передъ религіознымъ превосходствомъ эвпатрида, творившаго молитву и державшаго въ рукахъ боговъ. Но богатство не внушало ему благоговѣнія. Передъ богатствомъ чувствуется обыкновенно не уваженіе, а зависть. Политическое неравенство, возникавшее изъ разности достатковъ, скоро показалось несправедливостью, и люди постарались чтобы оно исчезло. Притомъ, разъ наступившій рядъ переворотовъ не долженъ былъ останавливаться. La Cite antique—Фюстель-де-Куланжъ. Перев. Коршъ. 436.

дахъ и не вмѣшивается въ интересы, чуждые его текущей жизни; напротивъ, гораздо болѣе онъ желаетъ себѣ работы, чѣмъ политической дѣятельности. Потому что масса всегда стремится больше къ прибыли, чѣмъ къ почестямъ. Если же народъ имѣетъ еще къ тому право выбирать правительственныя лица и требовать отъ нихъ отчетности, то это вполнѣ можетъ удовлетворить его честолюбіе. Итакъ, по смыслу разбираемой демократіи, слѣдуетъ, чтобы всѣ члены ея пользовались правомъ избирать правительственныхъ лицъ, требовать отъ нихъ отчетности и засѣдать въ судѣ, а высшую правительственную власть должно предоставить выборнымъ, притомъ или на основаніи ценза такъ, чтобы болѣе значительныя должности были обложены наибольшимъ цензомъ, или, не ставя ни одну должность (власть) въ зависимость отъ ценза, избирать на каждую по способности. Политическое устройство, организованное на такихъ началахъ, необходимо есть хорошее политическое устройство. (Polit. VII—2).

Нѣсколько дальше въ той же главѣ Аристотель объ олигархіи выражается такимъ образомъ. Самая лучшая олигархія это та, которая всего ближе подходитъ къ такъ называемой республикѣ (πολιτεία). Здѣсь цензъ долженъ быть раздѣленъ на два вида: на меньшій и большій. Меньшій для тѣхъ, которые хотятъ занять необходимыя правительственныя должности, а большій какъ условіе для высшей правительственной власти. Теперь спрашивается къ какой формѣ правленія по Аристотелю слѣдуетъ отнести тотъ государственный строй, какой установила въ Аттикѣ конституція Солона?

Въ VI книгѣ тойже Политики, разбирая основные принципы каждаго политическаго устройства, Аристотель замѣчаетъ: личное достоинство есть основной элементъ аристократіи [1]), богатство

---

[1]) Здѣсь подъ аристократіей нужно понимать не привилигированный классъ гражданъ, а извѣстную форму правленія, которую Аристотель опредѣляетъ такимъ образомъ: аристократіей по всему праву должно быть названо то политическое устройство, гдѣ правительственная власть находится въ рукахъ просто найлучшихъ людей (VI—4).

есть основной элементъ олигархіи а свобода—демократіи[2]). Если бы общее сужденіе о конституціи Солона пришлось бы сдѣлать на основаніи только что приведенной нами выписки, то эта конституція должна была бы быть названа олигархическою. Но достаточно поверхностнаго знакомства съ политическими реформами Солона, чтобы заключить, что созданный емъ политическій строй не можетъ быть признанъ олигархическимъ. Самымъ вѣрнымъ опредѣленіемъ этого строя должно быть признано то, которое находится во второй книгѣ цитируемаго нами сочиненія Аристотеля. Въ этой книгѣ между прочимъ сказано: Солонъ былъ дѣльнымъ (σπουδαῖος) законодателемъ, соединивъ въ своей конституціи всѣ три начала: олигархическій и демократическій; ибо ареопагъ представляетъ собою начало олигархическое, выборъ правительственныхъ лицъ—аристократическое, а народные суды—демократическое. Эта характеристика, думаемъ, должна быть признана самою точною, опредѣляя же политическій строй соз-

---

[2]) Въ политической наукѣ въ настоящее время добродѣтель гражданъ считается необходимымъ условіемъ для прочности демократической республики—Аристотель въ этомъ случаѣ думаетъ совсѣмъ иначе. Нельзя не признать страннымъ и своеобразнымъ, когда онъ говоритъ слѣдующее: всѣ тиранническіе мѣры могутъ быть полезны для демократіи, таковы напр. распущенность жизни рабовъ а также женщинъ и дѣтей и вообще позволеніе каждому жить какъ ему угодно, тогда увеличится число приверженцевъ этого устройства, потому что большинству пріятнѣе жить распущенно чѣмъ регулярно.

Что же касается того, кому должна принадлежать правительственная власть большинству или людямъ наилучшимъ, то этотъ вопросъ Аристотель рѣшаетъ такимъ образомъ: „что правительственная власть скорѣе должна принадлежать большинству чѣмъ людямъ наилучшимъ, которыхъ всегда бываетъ меньшинство, то хотя въ этомъ мнѣніи и можетъ быть нѣкоторое затрудненіе, но истина, все же, на его сторонѣ. Потому что многіе, хотя каждый въ отдѣльности и не вполнѣ совершенный человѣкъ, вмѣстѣ конечно могутъ быть лучше тѣхъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности хорошъ, подобно тому какъ пиръ въ складчину конечно можетъ быть лучше пира, устраиваемаго иждивеніемъ одного. Несправедливо также разсуждаютъ и тѣ которые въ своихъ притязаніяхъ на власть ссылаются на богатство такъ какъ большинство въ совокупности богаче отдѣльныхъ лицъ. (Polit. III—6). Всѣ выписки изъ Аристотеля сдѣланы по переводу Скворцова.

данный Солономъ проще и яснѣе, кажется, справедливѣе всего будетъ назвать его аристократической (тимократической) республикой.

Судебныя реформы Солона.

Въ числѣ функцій, отправленіе которыхъ принадлежитъ къ державнымъ правамъ всякаго государства, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ отправленіе правосудія. При помощи правосудія государство получаетъ возможность защищать общество отъ преступленій и гарантировать оному пользованіе тѣми правами, какія принадлежатъ каждому на основаніи существующихъ законовъ. Для отправленія этой великой обязанности государственная власть располагаетъ органами, призванными вѣдать ту или другую часть фактовъ изъ жизни какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ, регулированіе которыхъ принадлежитъ суду.

Судъ, какъ отдѣльная и самостоятельная сфера государственной дѣятельности въ Афинахъ является очень рано. Непотерявшій своего значенія въ настоящее время, вопросъ объ отдѣленіи суда отъ администраціи въ Аттикѣ былъ рѣшенъ въ значительной степени еще до Солона.

Пересоздавая государственный строй Аттики, Солонъ, какъ объ этомъ упомянуто было въ своемъ мѣстѣ, не оставилъ безъ вниманія и учрежденій, вѣдавшихъ отправленіе правосудія. По словамъ древнихъ писателей, реформы Солона кореннымъ образомъ измѣнили тотъ порядокъ, по которому до него творился въ Афинахъ судъ и расправа. Реформы эти захватывали собою не только принципіальныя основы судоустройства, но они внесли не мало перемѣнъ и въ процессуальную процедуру, такъ какъ судопроизводство въ уставахъ Солона получило новыя начала сравнительно съ тѣми, какія дѣйствовали въ афинскихъ судахъ доселѣ. Къ сожалѣнію о судопроизводствѣ въ Афинахъ какъ до Солона, такъ и о судебныхъ уставахъ самаго Солона

извѣстно весьма немного. Афинское судопроизводство въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершалось раньше эпохи десяти ораторовъ, покрыто непроницаемымъ мракомъ; относительно этого вопроса наука располагаетъ достаточными данными, относящимися никакъ не ранѣе какъ ко временамъ Демосфена, Эсхина и другихъ ораторовъ. А потому, говоря о судебныхъ реформахъ Солона, мы считаемъ необходимымъ заявить, что здѣсь можетъ быть только рѣчь о тѣхъ началахъ, на которыхъ этимъ законодателемъ было устроено въ Афинахъ судоустройство.

Между судебными реформами Солона въ политическомъ отношеніи самою важною является введеніе суда присяжныхъ. Между древними писателями почти всѣ, говоря о законодательной дѣятельности Солона, упоминаютъ также и о томъ, что къ участію въ судѣ имъ было призвано общество въ лицѣ его представителей, называвшихся геліастами (присяжными). Этимъ геліастамъ Солонъ предоставилъ значительную часть судебной власти, а архонты, которые до сихъ поръ окончательно и безапеляціонно рѣшали всѣ дѣла, подлежавшія ихъ юрисдикціи, сохранили за собою только распорядительную часть въ процессахъ, самый же приговоръ произносили не они, а присяжные. Что народъ по судебнымъ уставамъ Солона получилъ участіе въ судѣ, доказательство этому мы находимъ между прочимъ у Аристотели и Плутарха. Такъ, упоминая о законодательствѣ Солона, Аристотель говоритъ [1]) что—δικαστήρια ποιήσας ἐκ πάντων—участіе въ судѣ принимали всѣ, и что суды въ конституціонныхъ реформахъ Солона представляютъ собою начало демократическое. Нѣсколько подробнѣе о томъ же предметѣ говоритъ Плутархъ. По его словамъ народъ афинскій кромѣ участія

[1]) Это мѣсто политики цитировалось нами прежде. Филологическая критика въ настоящее время пришла къ тому заключенію, что та глава политики Аристотеля, въ которой идетъ рѣчь о Солонѣ, составлена какимъ нибудь другимъ ученымъ и не можетъ быть признана подлинною частью упоминаемаго здѣсь сочиненія. Не отрицая основательности этого мнѣнія, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что документальное значеніе этой главы этимъ обстоятельствомъ нисколько не умаляется, потому что, какъ замѣтилъ Шеманнъ, она все таки обнаруживаетъ слѣды глубокой древности.

въ народномъ собраніи получилъ еще право δικάζειν (судить), прибавляя при этомъ, что это право въ началѣ не представляло собою ничего особенно важнаго, но впослѣдствіи значеніе народа въ судебныхъ дѣлахъ сдѣлалось весьма великимъ, такъ какъ юридическая практика мало по малу привела къ тому [1]), что почти всѣ тяжбы, всѣ процессы какъ уголовные, такъ и гражданскіе стали рѣшаться исключительно присяжными, такъ какъ Солонъ позволилъ тяжущимся переносить въ суды геліастовъ даже и тѣ дѣла, которыя могли разбирать и рѣшать суды (правительственные).

Что на основаніи судебныхъ уставовъ Солона архонты потеряли свою судебную власть и получили въ свое вѣденіе только распорядительную часть во всѣхъ процессахъ, подлежавшихъ ихъ юрисдикціи, доказательство этому мы находимъ у Свиды [2]), который о судебной компетентности архонтовъ говоритъ, что они (прежде) имѣли власть рѣшать тяжбы безаппеляціонно,

---

[1]) Plut. Sol. XVIII.... θῆτες, οἷς οὐδεμίαν ἄρχειν ἔδωκεν ἀρχὴν, ἀλλὰ τῷ συνεκκλησιάζειν καὶ δικάζειν μόνον μετεῖχόν τῆς πολιτείας. ὃ καθ' ἀρχας μὲν οὐδέν, ὕστερον δὲ παμμεγεθες ἐφάνη· τὰ γὰρ πλεῖστα τῶν διαφόρων ἐνέπιπτον εἰς τούς δικαστάς. καί γὰρ ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε κρίνειν, ὁμοίως καί περὶ ἐκείνων εἰς τὸ δικαστήριον ἐφέσεις ἔδωκε τοῖς βουλομένοις.

Нѣкоторые ученые слова Плутарха—καὶ τοῖς φεύγουσι δίκην ἐπικαλεῖσθαι τὸν δῆμον, ὥσπερ ὁ Σύλων τοὺς δικαστὰς, ἔδωκε (Compar. Publ. c. Sol. II) понимаютъ въ томъ смыслѣ, что Солонъ далъ право аппелировать на рѣшенія архонтовъ въ судъ присяжныхъ и такимъ образомъ судъ присяжныхъ представлялъ собою высшую судебную палату. Гротъ не допускаетъ, чтобы архонтъ былъ когда нибудь такимъ судьею, приговоръ котораго могъ бы быть обжалованъ. Кажется что въ этомъ случаѣ можно согласиться съ Гротомъ. Если дикастеріи дѣйствительно выступали въ качествѣ аппеляціонныхъ инстанцій, то вѣроятнѣе всего, что въ нихъ обжаловывались приговоры другихъ судей, но только не архонтовъ.

Тотъ же Плутархъ, говоря о судахъ присяжныхъ, прибавляетъ, что Солонъ нарочно многіе законы издалъ неясно чтобы увеличить значеніе дикастерій. Λέγεται δέ καὶ τούς νόμους ἀσαφέστερον γράψας καί πολλάς ἀντιλήψεις ἔχοντας αὐξῆσαι τήν τῶν δικαστηρίων ἰσχύν. Sol. XVIII.

[2]) Приведемъ здѣсь въ латинскомъ переводѣ важную для насъ выписку—Archon.... Hi liberam habebant potestatem lites dijudicandi, ita ut ab eorum sententia ad aliud judicium provocare non liceret. Post leges vero a Solone latas nihil aliud ipsis relictum fuit, quam ut litigantes examinarent. s. arch.

послѣ же Солона ихъ юрисдикція заключалась только въ распорядительной части процессовъ.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ Гротъ оспариваетъ мнѣніе тѣхъ, которые учрежденіе суда присяжныхъ въ Афинахъ приписываютъ Солону, приводя въ подтвержденіе своего взгляда слѣдующія соображенія. Во первыхъ слова Геродота о Клисфенѣ, о которомъ у него читаемъ, что онъ засталъ афинскій народъ лишеннымъ всего (ὡς γὰρ δὴ τὸν δῆμον, πρότερον ἀπωσμένον πάντων V—69), а это никоимъ образомъ, по мнѣнію Грота, не можетъ свидѣтельствовать о томъ, чтобы Солонъ надѣлилъ афинскій народъ государственною властію вообще, въ частности же чтобы онъ предоставилъ ему столь большое значеніе въ отправленіи правосудія. Еще меньше можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Солонъ не могъ предоставить народу столь великую роль въ системѣ государственнаго управленія, если вспомнимъ то забитое и загнанное положеніе, говоритъ Гротъ, въ какомъ находилась масса народа передъ реформами этого законодателя. Но въ этомъ случаѣ мнѣніе Грота является въ значительной степени одностороннимъ. Вѣдь тотъ же Солонъ не нашелъ не возможнымъ предоставить народу право контроля и суда надъ архонтами, т. е. высшими государственными сановниками, тѣмъ менѣе онъ могъ найти препятствій для того, чтобы предоставить народу болѣе или менѣе важное участіе и въ судѣ по дѣламъ гражданскимъ, если нашелъ цѣлесообразнымъ отдать въ его руки дѣла государственныя. Ссылка Грота на то, что законодатель едва ли могъ предоставить отправленіе столь великой функціи какъ отправленіе правосудія массѣ народа, получившей только что эмансипацію, едва ли можетъ быть признана особенно убѣдительною, если обратимся къ аналогичнымъ примѣрамъ, имѣвшимъ мѣсто у насъ въ Россіи въ недавнее время. Великій нашъ законодатель Александръ II, предоставляя обществу право участія въ отправленіи правосудія черезъ введеніе института присяжныхъ засѣдателей, не лишилъ этого права массу только что освобожденныхъ имъ рабовъ.

Что же касается приводимыхъ Гротомъ словъ Геродота,

то онѣ указываютъ только [1]), что въ скоромъ времени различныя обстоятельства привели къ тому, что предоставленныя народу права тѣмъ или другимъ путемъ были у него отняты, или лучше сказать, правящіе классы съумѣли обратить ихъ въ мертвую букву.

Итакъ на основаніи всего вышеизложеннаго мы находимъ возможнымъ признать достовѣрнымъ, что Солонъ, оставивъ за Ареопагомъ рѣшающую власть по всѣмъ тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, которыя подлежали его юрисдикціи, для другихъ болѣе важныхъ какъ государственныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ учредилъ судъ присяжныхъ, въ которомъ архонтамъ была представлена только власть распорядительная: они производили слѣдствіе, руководили судебными преніями, предсѣдательствовали въ судебномъ присутствіи и наконецъ наблюдали за приведеніемъ въ исполненіе состоявшихся приговоровъ, поручая отъ себя оное чиновникамъ, называвшимся общимъ именемъ οἱ ἕνδεκα (когда былъ учрежденъ институтъ этихъ чиновниковъ—неизвѣстно).

Процедура, введенная Солономъ въ учрежденные имъ суды присяжныхъ намъ неизвѣстна. Древніе писатели упоминаютъ только о клятвѣ, установленной Солономъ для лицъ поступающихъ въ присяжные засѣдатели. Но текстъ этой клятвы, въ томъ видѣ какъ она сохранилась у Демосфена, принадлежитъ по всей вѣроятности позднѣйшему времени [2]). Что же касается

---

[1]) Текстъ цитируемаго здѣсь мѣста изъ книги Геродота допускаетъ поправки. Мы въ этомъ случаѣ придерживаемся толкованія Шеманна который черезъ замѣну интерпункціи даетъ разбираемой здѣсь фразѣ Геродота тотъ смыслъ, что народъ вопреки (законамъ Солона) былъ лишенъ всего. Die Verf. Gesch. nach Grote. 34.

[2]) Demosth. in Timocr. 746—ψηφιοῦμαι κατὰ τοὺς νόμους и т. д. Уже изъ того, что здѣсь упоминается сенатъ пятисотъ, видно что клятва эта не могла бытл издана Солономъ. Свида о клятвѣ присяжныхъ отзывается такъ: ἄρδητος τὸπος ἐστὶν, ἐν ῷ ποντες ἀθηναῖοι ὄμνυον τὸν ὅρκον τόν ἡλιαστικὸν. Замѣтимъ здѣсь, что долгое время въ названіи народное собраніе (ἐκκλησία) смѣшивалось съ судомъ присяжныхъ (ἡλιαία), а это по нашэму мнѣнію происходитъ отъ того, что суды присяжныхъ нѣкоторые считали и не безъ основанія отдѣленіями или коммисіями народнаго собранія.

состава дикастерій (судовъ присяж.) можно сказать только то, что присяжные назначались по выборамъ, а не по жребію, какъ это вошло въ обычай впослѣдствіи [1]).—Относительно компетентности афинскихъ присяжныхъ можемъ замѣтить здѣсь, что ихъ власть была гораздо больше той, какою пользуются суды присяжныхъ въ настоящее время. Въ Афинахъ они не только рѣшали вопросъ о фактѣ, но и составляли приговоры, опредѣляли размѣръ наказанія и т. п. Въ случаѣ если какое нибудь преступленіе, какое нибудь дѣло не было предусмотрѣно законами, присяжные постановляли рѣшеніе [2]). слѣдуя голосу совѣсти. Если вѣрить Плутарху, Солонъ предоставилъ присяжнымъ даже право толкованія законовъ [3]), въ случаѣ если текстъ котораго нибудь изъ нихъ, будучи не яснымъ, возбуждалъ недоразумѣнія или сомнѣнія.

Послѣ судовъ присяжныхъ перейдемъ къ архонтамъ, которые по уставамъ Солона находились въ близкомъ отношеніи со вновь созданными судами. Какъ извѣстно, со времени отмѣны царской власти архонты представляли изъ себя высшихъ государственныхъ сановниковъ, управлявшихъ почти всѣми государственными дѣлами [4]). Впослѣдствіи ихъ власть и значеніе

---

[1]) Какъ велико должно было быть число присяжныхъ по суд. уст. Солона—неизвѣстно. Поллюксъ говоритъ, что одна тысяча (χίλιοι δὲ κατὰ μὲν τὸν Σόλωνα τὰς εισαγγέλυας ἔκρινον)—но цифра эта сильно преувеличена.

[2]) Περὶ μὲν ὧν νόμοι εἰσί, κατὰ τούς νόμους ψηφιεῖσθαυ, περὶ ὧν δὲ μὴ εισί, γνῴμῃ τῇ δικαιοτάτῃ Domosth. De Cor. 226—57 Aeschin de. fals legat. 188, 1—2.

[3]) μὴ δυναμένους γὰρ ὑπὸ τῶν νόμων διαλυθῆναι περὶ ὧν διεφέρεντο συνέβαινεν ἀεὶ δεῖσθαιδικαστῶν καὶ πᾶν ἄγειν ἀμφισβήτημα πρὸς ἐκείνους, τρόπον τινὰ τῶν νόμων κυριοίς ὄντας. Sol. XVIII.

[4]) Thuc. 1—126 τότε δὲ τά πολλὰ τῶν πολιτικῶν οἱ ἐννέα ἄρχοντες ἔπρασσον.

У римлянъ тому, что по гречески называется ἡγεμονία δικαστηρίου соотвѣтствуетъ jurisdictio. У грековъ сановникъ, которому принадлежала jurisdictio, долженъ былъ присутствовать при всѣхъ фазахъ, подлежавшаго его разбирательству процесса, между тѣмъ какъ у римлянъ въ судахъ присяжныхъ по частнымъ дѣламъ, за исключеніемъ causae centumvirales, чиновникъ облеченный jurisdictio никогда не присутствовалъ и только изрѣдка въ дѣлахъ уголовныхъ.

стало ослабѣвать. Солонъ, кажется, отнялъ у нихъ нѣкоторую часть административной (исполнительной) власти, передавъ ее сенату (четырехсотъ), а еще больше ограничилъ ихъ власть судебную. Прежде въ качествѣ судей архонты окончательно рѣшали всѣ тѣ дѣла, которыя подлежали ихъ юрисдикціи; теперь же они только въ сравнительно немногихъ случаяхъ выступали въ качествѣ самостоятельныхъ судей, имѣющихъ право беззапеляціонно постановлять приговоры. Со времени Солона судебная власть (рѣшающая) перешла въ суды присяжныхъ, въ которыхъ архонтамъ принадлежала распорядительная часть, такъ называемая ἡγεμονία δικαστηρίου. Это руководительство обнимало четыре части процесса: вызовъ въ судъ и предъявленіе обвиненія (πρόσκλησις), судебное слѣдствіе (ἀνάκρισις), предсѣдательство на судѣ и наконецъ приведеніе въ исполненіе состоявшагося приговора.

Какъ извѣстно, архонтовъ было девять. Являлись ли они когда нибудь совмѣстно in corpore судебной инстанціей, сказать трудно. Со времени Солона каждый изъ нихъ получилъ въ свое вѣдѣніе извѣстную сферу гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, которыя они направляли въ судъ тѣмъ или другимъ порядкомъ.

Дѣла, подлежавшія разбирательству суда подъ предсѣдательствомъ архонтовъ, распредѣлены были между ними слѣдующимъ образомъ:

Первый архонтъ (называвшійся архонтомъ эпонимомъ или просто архонтомъ) вѣдалъ процессами, возбуждавшимися различными семейными отношеніями или личнымъ положеніемъ. Такъ напр. если было доказано, что извѣстный человѣкъ есть рабъ и дѣло шло о томъ, кому принадлежитъ этотъ рабъ, то разборъ этого спора бралъ на себя архонтъ эпонимъ. Тотъ же архонтъ имѣлъ попеченіе о дѣлахъ вдовъ и сиротъ и рѣшалъ споры о наслѣдствѣ [1]). Къ нему относились дѣла супружескія,

---

[1]) Demosth. Macart. 1076—14. Pol. VIII—89. Въ дѣлахъ по поводу сиротъ, наслѣдницъ (ἐπικλήρων), вдовъ и нѣкоторыхъ другихъ архонтъ самостоятельно могъ произносить приговоры и налагать наказанія, какъ это видно изъ цитируемаго здѣсь мѣста рѣчи Демосфена.

а именно жалобы по поводу ἀπολείψεως, προικός, σίτου и κακώσεως, за исключеніемъ дѣлъ о прелюбодѣяніи (μοιχίας) если жалоба была направлена не противъ супруга, нарушившаго вѣрность, а противъ обольстителя. Ему также жаловались родители на дурное обращеніе съ ними дѣтей. Тотъ-же архонтъ бралъ на себя заботу о дѣлахъ семействъ, если они приходили въ разстройство вслѣдствіе расточительства, нерядѣнія или сумашествія лица, заправлявшаго хозяйствомъ (сюда принадлежали дѣла по поводу παρανοίας, κατεδηδοκέναι τὰ πατρῷα, ἀργίας). Онъ также разсматривалъ и направлялъ жалобы по поводу злоупотребленія опекунскою властію надъ сиротами и вдовствующими женщинами (κακώσεις ὀρφανῶν, χηρευουσῶν γυναικῶν, ἐπιτροπῆς и т. п.). Кромѣ другихъ тотъ же рархонтъ разбиралъ процессы противъ хореговъ, какія могли возникнуть вслѣдствіе неправильной постановки хора (διαδικασίαι χορηγῶν) напр. если хорегъ принималъ въ число хористовъ кого нибудь, неимѣвшаго правъ афинскаго гражданина [1]).

Юрисдикціи втораго архонта (архонта базилевса) принадлежали почти исключительно дѣла религіозныя [2]). Онъ разслѣдовалъ и направлялъ процессы по обвиненію въ безбожіи. Рѣшилъ споры о томъ, кому въ извѣстномъ родѣ принадлежитъ жреческое достоинство, кому изъ жрецовъ принадлежитъ γέρα. Ему также подлежали и нѣкоторыя чисто уголовныя преступленія, которыя афинское законодательство разсматривало не какъ общественныя или политическія, а какъ правонарушенія религіозныя.

Третьимъ архонтомъ по порядку былъ архонтъ полемархъ. Уже одно названіе показываетъ, что на обязанности этого архонта должны были лежать прежде всего дѣла военныя. Что нѣкогда въ древности архонтъ полемархъ былъ облеченъ военною властью, доказательствомъ этому можетъ служить одна

---

[1]) Дѣла подобнаго рода, конечно, могли возникать въ Афинахъ послѣ Солона.

[2]) О юрисдикціи архонтовъ см. Meier und Schömann—Der Attische prozess.

глосса въ риторическомъ словарѣ, въ которой читаемъ слѣдующее: *ναύκραροι οἱ τὰς ναῦς παρασκευάζοντες καὶ τριηραρχοῦντες καὶ τῷ πολεμάρχῳ ὑποτεταγμένοι*. Отсюда видно, что древніе навкрары находились въ такомъ же отношеніи къ полемарху, въ какомъ позднѣйшіе тріерархи стояли къ стратегамъ [1]). Но извѣстно, что впослѣдствіи участіе этого архонта на войнѣ и вообще въ военныхъ дѣлахъ ограничивалось только приношеніемъ спеціально военныхъ жертвъ, устройствомъ похоронъ павшихъ въ сраженіи и т. п. Еще во время первой персидской войны полемархъ Каллимахъ [2]) подаетъ голосъ на равнѣ со стратегами и потомъ беретъ на себя командованіе правымъ крыломъ (сраженіе при Марафонѣ). Геродотъ же по этому поводу говоритъ [3]) что «въ древности» (*παλαιόν*) полемархи были равны стратегамъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что уже за долго до Геродота полемархъ былъ низведенъ на степень военнаго жреца [4]).

Въ качествѣ судебнаго сановника архонту полемарху принадлежала юрисдикція по дѣламъ иностранцевъ, жившихъ въ Афинахъ. Почему иностранцы подпали подъ власть этого архонта, это объясняютъ такимъ образомъ. Какъ уже замѣтилъ Цицеронъ [5]), на иностранцевъ въ древности смотрѣли какъ на враговъ, доказательствомъ чему можетъ служить то, что чужакъ и врагъ называются однимъ и тѣмъ же именемъ, это въ свою очередь произошло оттого, что иностранныя государства представлялись такими, съ которыми приходится имѣть вѣчно враждебныя отношенія. Впослѣдствіи, когда международныя отношенія сдѣлались мягче, какъ будьто въ воспоминаніе о древности, явился законъ, по которому попеченіе о дѣлахъ чужеземцевъ было возложено на лицо, призванное вѣдать дѣла военныя. Такимъ въ Афинахъ былъ нѣкогда полемархъ. Его юрисдикція

---

[1]) Англійское изданіе 283—20. D. Att. proz. 47.

[2]) Herod. VI—109 и 111.

[3]) ibid. τὸ παλαιὸν γὰρ 'Αθηναῖοι ὁμόψηφον τὸν πολέμαρχον ἐποιεῦντο τοῖσι συρατηγοῖσι.

[4]) Pollux VIII—91.

[5]) Cic. de offic.

въ этомъ случаѣ представляетъ значительное сходство съ римской jurisdictio inter peregrinos et inter peregrinos et cives.

Каждый изъ вышеупомянутыхъ архонтовъ имѣлъ при себѣ ближайшихъ помощниковъ, которые назывались паредрами [1]) (засѣдатели). Паредровъ выбиралъ себѣ самъ архонтъ изъ среды своихъ родственниковъ или пріятелей. Опредѣленнаго круга обязанноетей у нихъ не было.

Остальные шесть архонтовъ составляли одну коллегію и назывались ѳесмотетами [2]). О ихъ власти и ихъ юрисдикціи извѣстно меньше. Изъ дѣлъ, подлежавшихъ ихъ разбирательству, укажемъ жалобы на ξενίας и δωροξενίας, ψευδογραφῆς и βουλευσεως[3]) Упомянемъ здѣсь еще о жалобахъ [4]) на ψευδοκλιτείας, ἑταιρήσεως, ὕβρεως и пр.

Передъ вступленіемъ въ должность архонты подвергались докимазіи (censura morum, испытаніе нравственности), введеніе которой приписываютъ Солону, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ Демосфена [5]): ούγάρ ᾤετο δεῖν Σόλων. ... μὴ δοκιμασθέντας κυρίους εἶναι. Что этой докимазіи подвергались всѣ архонты, доказательство находимъ у Лизія (orat. in Evandr.) и у Свиды (υ. δοκιμασθείς). Испытаніе это происходило передъ сенатомъ и передъ судомъ. Вѣроятнѣе всего, что Солонъ установилъ только докимазію передъ сенатомъ, докимазія же и передъ судомъ введена была впослѣдствіи. Отъ лица, находящагося въ должности архонта, законъ требовалъ самаго безукоризнен-

---

[1]) πάρεδροι δ' ὀνομάζονται, οὓς αἱροῦνται ἄρχων, καὶ βασιλεὺς καὶ πολέμαρχος, δύο ἕκαστος, οὓς βούλεται. Pollux VIII—92. По словамъ Поллюкса только первые три архонта имѣли при себѣ паредровъ; по извѣстіямъ другихъ паредры находились и при прочихъ шести архонтахъ.

[2]) Названіе ѳесмотета нерѣдко прилагается и первымъ тремъ архонтамъ.

[3]) Подъ βουλεύσεως здѣсь нужно разумѣть жалобу на неправильное внесеніе въ книгу государственныхъ должниковъ. Иногда βούλευσις означаетъ хитрость или коварство, послѣдствіемъ чего была смерть - такое преступленіе подлежало разбирательству базилевса.

[4]) Подробнѣе объ этомъ d. Attische prozess.

[5]) Dem. Lept. 484—14.

наго поведенія, такъ напр. архонтъ, показавшійся публично въ пьяномъ видѣ, присуждался къ смертной казни [1]).

На ряду съ судами присяжныхъ, судомъ ареопага въ Афинахъ существовало еще много другихъ судебныхъ учрежденій [2]) и судебныхъ должностей. Упомянемъ здѣсь о сельскихъ судьяхъ, діететахъ и навтодикахъ. Сельскіе судьи (κατὰ δήμους δικασταί) судили въ селахъ менѣе важные гражданскіе иски на сумму не выше десяти драхмъ и разбирали жалобы на обиды и оскорбленія (αἰκίας, βιαίων) не имѣвшія особеннаго значенія. Такихъ судей сначала было тридцать, а впослѣдствіи число ихъ было увеличено до сорока. Къ какому времени относится учрежденіе такого института сельскихъ судей—неизвѣстно. По мнѣнію нѣкоторыхъ они существовали еще задолго до Солона. Намъ кажется, что учрежденіе этого института можно приписывать Солону. Есть основаніе думать, что до реформъ этого законодателя масса сельскихъ обывателей, находясь въ полной зависимости отъ эвпатридовъ, подлежала и судебной юрисдикціи этихъ послѣднихъ по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ второстепенной важности. Солонъ, распространяя политическія права и обязанности между всѣми гражданами Аттики, освободилъ сельскихъ обывателей отъ судебной опеки эвпатридовъ и предоставилъ этимъ обывателямъ право выбирать изъ своей среды собственныхъ судей, которые и вѣдали всѣ тяжбы, не превышавшія своею цѣною десяти драхмъ. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого мнѣнія на происхожденіе τῶν κατὰ δήμους δικαστῶν можетъ служить схоліастъ [3]) Облаковъ Аристофана, который учрежденіе института демарховъ приписываетъ Солону.

---

[1]) Diog. Laert. Sol. τῷ ἄρχοντι ἂν μεθύων ληφθῇ, θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν.

[2]) При всей многочисленности судебныхъ учрежденій афинскій судебный аппаратъ представляетъ довольно стройный характеръ и онъ былъ въ значительной степени свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, какіе присущи были римской системѣ уголовнаго судопроизводства, а именно отъ крайне произвольной классификаціи преступленій и случайнаго характера уголовныхъ судовъ, которыхъ поэтому въ Римѣ было очень много.

[3]) У этого схоліаста мы находимъ слѣдующее извлеченіе изъ Димитрія Фалерійскаго· καὶ δημάρχους οἱ περὶ Σόλωνα καθίσταντο ἐν πολλῇ, σπουδῇ ἵνα οἱ κατὰ δῆμον διδῶσι καὶ λαμβάνωσι τὰ δίκαια παρ' ἀλλήλων.

Діететы (нѣчто въ родѣ третейскихъ или мировыхъ судей) были государственные и полюбовные. Введеніе въ Афинахъ института діететовъ относятъ обыкновенно ко времени архонта Эвклида, когда была произведена ревизія законодательства. Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ рѣчь Лизія противъ Архибіада, въ которой законъ о діететахъ упоминается какъ недавно изданный. Текстъ этого закона неизвѣстенъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ болѣе точно опредѣлялъ кругъ власти и компетентности этихъ судей, самое же учрежденіе института этихъ судей можно отнести къ временамъ болѣе древнимъ. Обычай рѣшать споры при посредствѣ полюбовныхъ судей былъ извѣстенъ въ Греціи еще за долго до Солона; очень можетъ быть что Солонъ придалъ государственный характеръ этимъ судьямъ, преобразивъ ихъ изъ вѣдомоства случайнаго въ вѣдомство постоянное.

Столь же трудно сказать что нибудь опредѣленное и о навтодикахъ. О нихъ упоминаетъ Лизій. Отъ него мы узнаемъ, что имъ подавались жалобы на купцевъ, ведущихъ заграничную торговлю. Позднѣйшіе же грамматики надѣляютъ этихъ судей весьма важнымъ правомъ[1]) принимать и направлять жалобы на иностранцевъ, неправильно присвоившихъ себѣ право гражданства. Можно допустить, что Солонъ, желая дать торговлѣ широкое развитіе и привлечь въ Афины иностранныхъ купцовъ, призналъ необходимымъ, для разрѣшенія всякихъ споровъ и недоразумѣній чисто коммерческаго характера съ пребывающими въ Аттикѣ иностранными купцами, учредить институтъ особыхъ судей, которые назывались навтодиками.

Въ заключеніе скажемъ, что между правительственными учрежденіями, существовавшими въ Афинахъ до Солона и послѣ Солона, не было ни прокурорскаго надзора, ни института судебныхъ слѣдователей; не было также полиціи (въ особенности высшей или тайной). Полицейскіе обязанности исполняли сами граждане, къ чему правительство поощряло наградами. Обязанности которыя теперь исполняются лицами прокурорскаго надзора исполнялись частью судьями а частью гражданами. (Выясненіемъ этого вопроса наука обязана Беку).

[1]) Такъ напр. у патріарха, Фотія при словѣ ναυτοδίχαυ читаемъ: ἐὰν δέ τις ἐξ ἀμφοῖν ξένοιν γεγονως φρατίζῃ, διώ κειν δεὶ τῷ βουλομένῳ ὀῆ (ναυτοδίαη) δίχαι εἰσίν.

УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ СОЛОНА.

Въ веденіи къ законодательной дѣятельности Солопа мы указали на то, что изданный имъ Сводъ законовъ захватывалъ собою почти всѣ стороны частной и общественной жизни афинскихъ гражданъ. Этотъ сводъ регулировалъ не мало такихъ явленій, которыхъ въ настоящее время не касается ни одно законодательство, предоставляя въ этомъ случаѣ полную свободу дѣйствовать каждому по своему благоусмотрѣнію, лишь бы эта свобода не нарушала частныхъ интересовъ другихъ членовъ государства. Не говоря уже о томъ, что, такъ какъ античный міръ никогда не зналъ отдѣленія религіи отъ государетва, въ Кодексѣ Солона было не мало статей, имѣющихъ преимущественно религіозный характеръ, въ томъ же кодексѣ были постановленія которыя точно опредѣляли размѣръ приданнаго, какое могло быть выдано выходящей замужъ дѣвицѣ, регулировали самыя интимныя обстоятельства семейной жизни, налагали запретъ на чрезмѣрное проявленіе скорбныхъ чувствъ при похоронахъ и т. п. Отчего греческій законодатель чувствовалъ себя въ правѣ подвергать столь широкому контролю частную жизнь гражданъ, объясненіемъ этому можетъ служить то, что античный міръ надѣлялъ государство неограниченною властію надъ отдѣльными членами общины, результатомъ чего было сравнительно слабое развитіе свободы гражданской при существованіи самыхъ свободныхъ учрежденій политическихъ. Древнее государство брало на себя слишкомъ великую задачу. По словамъ Аристотеля цѣль человѣческаго общежитія состоитъ не просто въ томъ чтобы жить и обезпечить каждому принадлежащія ему права, а гораздо болѣе въ томъ, чтобы жить счастливо (τὸ εὖ ζῆν), а это налагало

на правительство также и обязанность имѣть попеченіе о счастіи и добродѣтели гражданъ.

Свою задачу государство можетъ выполнить прежде всего при помощи законовъ. Первичные кодексы всѣхъ народовъ обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на неправду уголовную, а именно на правонарушенія противъ личности и собственности. Правонарушенія такого рода составляли содержаніе и перваго афинскаго кодекса, изданнаго Дракономъ. Въ этомъ кодексѣ первое мѣсто занимали законоположенія объ убійствѣ. Издавая новое уложеніе, Солонъ перенесъ въ него (говоря точнѣе оставилъ въ силѣ) почти цѣликомъ все, что постановлено было Дракономъ объ убійствѣ и убійцахъ. Въ этомъ случаѣ между древними писателями разногласія нѣтъ. Такъ говоритъ Плутархъ [1]), тожс самое заявляетъ и Демосфенъ [2]),—Не скоро уголовное наказаніе получило характеръ наказанія за преступленіе противъ общества, противъ государства. Долгое время государство черезъ посредство своихъ судей преслѣдовало только вредъ, а потому допускало композицію т. е. соглашеніе между тяжущимися сторонами съ уплатой пени, часть которой шла обиженному, а часть общественнымъ властямъ, при посредствѣ которыхъ устроилась эта композиція.—Что нѣчто въ родѣ композиціи существовало и въ древней Греціи во времена Гомера, доказательствомъ можетъ служить одна судебная сцена, изображенная на щитѣ Ахиллеса, о пенѣ за убійство [3]). Впослѣдствіи, съ

---

[1]) Sol. 17.

[2]) Demosth. in Aristocr.: ὁ μὲν νόμος ἐστὶν οὗτος Δράκοντος, καί οἱ ἄλλοι δέ, ὅσους ἐκ τῶν φονικῶν νόμων παρεγραψάμην. 636. 10—12.

[3]) И. XVIII—497. Споръ произошелъ изъ за убійства. За это убійство рѣшено было, чтобы учинившій оное уплатилъ денежную пеню. На судѣ, изображенномъ на щитѣ, судъ долженъ былъ рѣшить дѣйствительно ли условленная сумма была уплочена или нѣтъ, такъ какъ одна тяжущаяся сторона утверждала, что требуемая сумма уплочена сполна, другая же сторона жаловалась, что она ничего не получила. Описывая подробно и живо ту обстановку, при которой происходило разбирательство этого спора, Гомеръ упоминаетъ между прочимъ о томъ, что посрединѣ передъ судьями лежитъ два таланта золотомъ. Не всѣ ученые согласны въ томъ, какое назначеніе имѣла эта сумма. Мэнъ думаетъ, что

большимъ развитіемъ идеи государства и его власти, преслѣдованіе убійства является дѣломъ публичнымъ, оно входитъ въ кругъ правъ и обязанностей государственной власти, которая, налагая наказаніе преступнику, приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніе всему обществу, всему государству.

Наказанія за убійство въ афинскомъ уголовномъ кодексѣ были: смертная казнь [1]) или вѣчное изгнаніе [2]), при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ назначилась и конфискація имущества осужденнаго. Такое наказаніе налагалось за убійство умышленное и преднамѣренное. Убійство неумышленное, совершенное по неосторожности [3]), не влекло за собою уголовнаго наказанія;

это золото предназначалось судьямъ или тому изъ судей, кто лучше другихъ рѣшитъ происшедшій споръ и видитъ большую аналогію между описываемой здѣсь сценой и разсказанной у Гая legis actio sacramenti. Иначе объ этомъ думаетъ Шеманнъ. По мнѣнію этого ученаго, золото, бывшее на судѣ, должно было достаться тому изъ тяжущихся лицъ, кто докажетъ правоту своего заявленія, и оно въ этомъ случаѣ соотвѣтствуетъ позднѣйшей παρακαταβολή. Мэнъ—295. Шеманнъ - Antiq. i pub. 73.

[1]) Разъ постановленный смертный приговоръ не подлежалъ отмѣнѣ. Помилованіе, въ томъ видѣ какъ оно практикуется въ Европѣ, въ Афинахъ было неизвѣстно. Между правительственными сановниками и учрежденіями не было такихъ, которые имѣли бы право миловать или смягчать участь осужденныхъ. Эліанъ приводитъ одинъ случай изъ судебной практики, когда была предана суду ареопага по обвиненію въ отравленіи беременная женщина (у Эліана сказано τινὰ φαρμακίδα). Судъ призналъ ее виновною и присудилъ къ смертной казни. Въ виду исключительнаго положенія осужденной, сдѣлано было только то, что казнь была отсрочена и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе послѣ того какъ осужденная разрѣшилась отъ бремени—οὐ πρῶτον αὐτὴν ἀπέκτειναν, πρὶν ἤ ἀπεκύησεν. Aelian. Var. Hist. lib. V. cap. XVIII.

[2]) Въ случаѣ же, если бы присужденный къ вѣчному изгнанію самовольно возвратился въ Аттику, то такого каждый могъ убить безнаказанно или же связать и отдать его въ руки ѳесмотетовъ.

[3]) Болѣе или менѣе обстоятельныхъ извѣстій о законахъ каравшихъ за убійство достаточно можно найти у Демосфена, Лизія, Эсхина и у другихъ древнихъ ораторовъ и писателей. Ограничимся здѣсь одной выпиской изъ Демосфена in Mid. 528—5. οἱ φονικοί τοὺς μὲν ἐκ προνοίας ἀποκτιννῦντας θανάτῳ καὶ ἀειφυγίᾳ καὶ δημεύσει τῶν ὑπαργόντων· τοὺς δ' ἀκουσίως αἰδέσως καὶ φιλανθρωπίας πολλῆν ἠξίωσαν.

чо родственникамъ убитаго въ извѣстныхъ случаяхъ предоставлялось право искать денежнаго удовлетворенія [1]). Не подлежало судебному наказанію также и убійство обольстителя жены (а также и любовницы). Постановленіе это Плутархъ [2]) приписываетъ Солону; вѣроятнѣе всего оно принадлежитъ Дракону. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Павзаній [3]) и съ нимъ согласно большинство ученыхъ. За подстрекательство къ убійству назначалось изгнаніе.

Говоря о законахъ каравшихъ за убійство, нельзя не упомянуть здѣсь объ отцеубійствѣ. Цицеронъ говоритъ [4]), что преступленіе этого рода не было предусмотрѣно въ афинскомъ уголовномъ уложеніи и не было оно предусмотрѣно потому, что Солонъ не допускалъ возможности, чтобы когда нибудь могъ найтись человѣкъ, способный на столь страшное преступленіе. Согласиться съ Цицерономъ въ этомъ случаѣ едва ли можно. Этому противурѣчитъ во первыхъ свидѣтельство Лукіана, который говоритъ, что отцеубійство въ Афинахъ подлежало разбирательству Ареопага, а во вторыхъ извѣстный мифъ объ Орестѣ, убившемъ мать свою Клитемнестру, не могъ не навести Солона

---

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ примиреніе съ освобожденіемъ отъ судебнаго преслѣдованія допускалось даже и въ случаѣ убійства преднамѣреннаго. Для этого необходимо было заручиться согласіемъ *всѣхъ* родственниковъ покойнаго. Но таковое мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ.— Законы, приписываемые Солону ораторами, собраны у Германа Шеллинга въ диссертаціи цитированной нами раньше. Богатъ свѣдѣніями о всемъ относящемся къ Аттикѣ сборникъ Гроновія (Thesaurus), въ которомъ между прочимъ находятся статьи Антонія, Тизія (Thisius), Сигонія, Постеллія и Мерзія (Joannus Meursius) въ особенности важное значеніе имѣетъ статья послѣдняго Themis Attica.

Аристотель разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ изъ судебной практики въ Афинахъ. Однажды какая то женщина въ извѣстныхъ видахъ дала мужчинѣ напиться φίλτρον; отъ этого напитка онъ умеръ. Когда на судѣ было доказано, что она это сдѣлала отнюдь не имѣя намѣренія его отравить, была оправдана. Arist. Ethic. Magn. 1—XVII.

[2]) Plut. Sol. 23.

[3]) Pausan. Baeotie. 36.

[4]) Cic. pro Sex. Rosc. Amer. Въ этой рѣчи описанъ также и тотъ способъ, какимъ въ Римѣ казнили отцеубійцъ; ихъ зашивали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, пѣтухомъ, ехидной и обезьной и бросали въ воду Объ этомъ Digest. 48. 9. 9. Seneca de clem 1. 23.

на мысль, что и отцеубійство между людьми возможно. Если же въ уголовномъ кодексѣ не было спеціальной статьи объ отцеубійцахъ, такъ это главнымъ образомъ могло произойти потому, что этотъ кодексъ имѣлъ общій характеръ и не входилъ въ подробную регламентацію иквалификацію преступленій и предоставлялъ судебнымъ присутствіямъ полную свободу въ назначеніи наказаній.

Дѣтоубійство не считалось преступленіемъ, влекущимъ за собою уголовное преступленіе. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ Секстъ Эмпирикъ и Гермогенъ. Другой, болѣе авторитетный авторъ Діонисій Галикарнасскій [1]) значительно ограничиваетъ предѣлы отцовской власти, утверждая, что Солонъ, равно какъ Питтакъ и Харондъ, постановилъ: самое большее, что отецъ могъ сдѣлать своимъ дѣтямъ это отказаться отъ нихъ, не признавать своими и лишить наслѣдства. Не смотря на такое категорическое заявленіе, мы думаемъ, что къ свидѣтельству Гермогена и Секста Эмпирика [2]) можно относиться съ довѣріемъ, хотя отчасти. Правда, въ Афинахъ patria potestas никогда не имѣла юридически такихъ великихъ размѣровъ, какими этотъ институтъ пользовался въ Римѣ. Но это можно сказать только о сыновьяхъ взрослыхъ, а еще болѣе о тѣхъ, которые вышли изъ непосредственной родительской опеки и жили самостоятельпо. Что же касается малолѣтнихъ, то отецъ надъ ихъ жизнью пользовался неграниченною властію и убійство отцомъ своего сына считалось скорѣе грѣхомъ передъ богами, чѣмъ общимъ уголовнымъ преступленіемъ, преслѣдованіе котораго должно было взять на себя государство. Такой взлядъ былъ господствующимъ

---

[1]) Dionys. Halicarn. Antiquit. Rom. Lib. II—XXVI—15. οὐ μὲν γὰρ τάς ἑλληνκὰις καταστησάμενοι πολιτείας βραχύν τινα κομυδῆ χρόνον ἔταξαν ἄρχεσθαι τοὺς παῖδας ὑπὸ τῶν πατέρων.... ὡς ἐκ τῆς Σόλωνος καὶ Πιττακοῦ καὶ χαρώνδου νομοθεσίας ἔμαθον.... τιμωρὶας τε κατὰ τῶν παίδων ἔταξαν ἐὰν ἀπειθῶσυ τοῖς πατρασιν οὐβαρείας, ἐξελὰσαι τῆς οἰκὶας ἐπιτρέψαντες αὐτοὺς, καὶ χρήματα μὴ καταλιπεῖν, παραιτὲρω δὲ οὐδέν. Діонисій этого находитъ недостаточнымъ... εἰσὶ δ'οὐχ ἱκαναί κατασχεῖν ἄνοιαν νεότητος καὶ αὐθάδειαν τρόπων, οὐ δ' εἰς τό σῶφρον ἀγαγειν.

[1]) Sext. Empir. Pyrrh. Hyp. lib. III—XXIV—καὶ ὁ Σὸλων ἀθηναῖος περὶ τῶν ἀκρὶτων νόμον ἔθετο, καθ'ὃν φονεύειν ἑκάστῳ ἑαστοῦ παῖδα ἐπέτρεψε.

почти во всей Греціи. Мы не говоримъ уже о томъ, что плодоизгнаніе никогда не считалось не только тяжкимъ преступленіемъ, но даже не видѣли въ немъ поступка особенно безнравственнаго. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, общественная нравственность грековъ стояла ниже сравнительно съ теперешнимъ временемъ, если даже такой великій умъ какъ Аристотель [1]) не только не клеймитъ такое дѣяніе позоромъ, но находитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже цѣлесообразнымъ (въ случаѣ бѣдности родителей или многосемейности). Мы думаемъ, что нужно прежде всего имѣть въ виду это преступное дѣяніе, когда Сопатеръ [2]) и Гермогенъ говоритъ, что мать могла убивать дѣтей безнаказанно [3]).

Послѣ законовъ, наказывавшихъ преступленія противъ личности, въ древнихъ уголовныхъ кодексахъ первое мѣсто занимали преступленія противъ собственности. О наказаніяхъ за кражу, назначенныхъ Солономъ, сохранились довольно обстоятельныя извѣстія у Демосфена въ его рѣчи противъ Тимократа, изъ которой приведемъ слѣдующую важную для насъ выдержку: καί τοι γ'ὁ Σόλων—νόμον εἰσήνεγκε· εἰ μέν τις μεθ' ἡμέραν ὑπὲρ πεντήκοντα δραχμὰς κλέπτοι, ἀπαγωγὴν πρὸς ἕνδεκα εἶναι· εἰ δέ τις νύκτωρ ὅ, τιουν κλέπτοι, τοῦτον ἐξεῖναι καὶ ἀποκτεῖναι καί τρῶσαι διώκοντα καὶ ἀπαγαγεῖν τοῖς ἕνδεκ', εἰ βούλοιτο. Τῷ δ' ἁλόντι, ὧν αἱ ἀπαγωγαί εἰσιν, οὐκ, ἐγγυητὰς καταστήσαντι, ἔκτισιν εἶναι τῶν κλεμμάτων, ἀλλὰ θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν. Καὶ εἴ τις γ' ἐκ Λυκείου ἢ ἐκ Κυνοσάργους ἱμάτιον, ἢ Ληκύθιον, ἢ ἄλλο τι φαυλότατον, ἢ τῶν σκευῶν τι τῶν ἐκ τῶν γυμνασίων ὑφέλοιτο, ἢ ἐκ τῶν λιμένων ὑπὲρ δέκα δραχμὰς, καὶ τούτοις θάνατον ἐνομοθέτησεν εἶναι τὴν ζημίαν. Εἰ δέ τις ἰδίαν δίκην κλοπῆς ἁλῴη, ὑπάρχειν μὲν αὐτῷ διπλάσιον ἀποτίσαι τὸ τιμηθέν· προστιμῆσαι δ' ἐξεῖναι τῷ δικαστηρίῳ πρὸς τῷ ἀργυρίῳ δεσμὸν τῷ κλέπτῃ πενθ' ἡμέρας καὶ νύκτας ἴσας, ὅπως ὁρῷεν ἅπαντες αὐτὸν δεδεμένον—735.

---

[1]) Политика—въ одной изъ послѣднихъ главъ.

[2]) Div Quaest. ἐξεῖναι καὶ μητράσιν ἀκρίτους ἀναιρεῖν παῖδας.

[3]) Дѣти не имѣли права жаловаться въ судъ на родителей, какъ бы дурно эти послѣдніе ни обращались съ ними. Можно было дѣтямъ только, въ случаѣ сумашествія отца, просить судъ признать его сумашедшимъ и лишить его права впредь заправлять имуществомъ.

Отсюда мы видимъ, что уголовное уложеніе Солона назначало смертную казнь для преступниковъ виновныхъ въ кражѣ на сумму болѣе пятидесяти драхмъ, если кража была совершена днемъ и туже казнь назначало за всякую кражу, какъ бы незначительна она ни была, совершенную ночью; причемъ въ послѣднемъ случаѣ пострадавшему можно было вора убить или изувѣчить на мѣстѣ, не доводя дѣла до суда [1]). Туже смертную казнь назначалъ законъ за кражу, хотя бы и самую ничтожную [2]), дневную или ночную, если она была совершена въ ликеѣ, академіи или киносаргѣ, равно какъ и за кражу, стоимостью болѣе десяти драхмъ, въ гавани. Если дѣло о кражѣ разбиралось частнымъ гражданскимъ путемъ, то виновный присуждался къ уплатѣ суммы, равнявшейся двойной стоимости похищеннаго. Сверхъ того судъ могъ приказать связать такого преступника и связаннаго держать на показъ всѣмъ въ теченіи пяти сутокъ.

Если у другихъ древнихъ писателей находимъ разногласія относительно размѣровъ наказанія, назначеннаго Солономъ за кражу, то это, по всей вѣроятности, произошло отъ того, что частныя постановленія, направленныя противъ отдѣльнаго вида преступленія, обобщали и возводили на степень одного общаго закона. Такъ напр. Діогенъ Лаэртій [3]) говоритъ, что въ Афинахъ за всякую кражу назначалась смертная казнь. Очевидно, что этотъ писатель въ данномъ случаѣ приписываетъ Солону

---

[1]) Въ этомъ случаѣ мы находимъ сходство съ тѣми наказаніями, какія назначали XII римскихъ таблицъ, но квалификація кражи была иная. Эти таблицы различаютъ два рода кражи: furtum manifestum и furtum nec manifestum. Явнымъ воромъ признавался тотъ, кто былъ схваченъ въ домѣ во время кражи или когда уходилъ съ поличнымъ. Такой воръ, если онъ былъ рабъ, присуждался къ смерти, если свободнорожденный—въ рабство протерпѣвшему. Тайный воръ, который былъ схваченъ при другихъ обстоятельствахъ, присуждался къ денежному наказанію, на сумму равняющуюся двойной стоимости украденнаго. Впослѣдствіи въ Римѣ смертная казнь за воровство была замѣнена пенею въ размѣрѣ четверной стоимости украденнаго.—Ночнаго вора можно было убить, хотя бы онъ бѣжалъ, дневнаго же, когда защищался оружіемъ. Cic. pro Mil. II.

[2]) Отсюда произошло выраженіе βολίτου δίκην—Слов. Свиды.

[3]) Diog. Laert. Sol.

то, что преданіе обыкновенно соединяло съ именемъ Дракона. Тоже самое говоритъ и Исократъ. По словамъ этого оратора, афинскій законодатель не дѣлалъ никакаго различія между кражей, при какихъ обстоятельствахъ и на какую сумму она ни была совершена, и назначалъ смертную казнь всѣмъ виновнымъ въ этомъ преступленіи. По словамъ Авла Геллія [1]) уголовное уложеніе Солона налагало на всѣхъ, улпченныхъ въ этомъ преступленіи, денежную пеню въ размѣрѣ двойной стоимости похищенной вещи. Въ данномъ случаѣ Авлъ Геллій приписываетъ Солону законъ, котораго въ его время, на практикѣ, придерживалась афинская юстиція подъ вліяніемъ Рима.

Поддѣлка монеты приравнивалась къ тяжкой государственной кражѣ и наказывалась смертію [2]).

Изъ наказаній за преступленія противъ нравственности упомянемъ здѣсь о тѣхъ, которыя преслѣдовали прелюбодѣяніе и мужеложство. Законоположенія этого рода мы находимъ у Лизія, Эсхина, Демосфена и Плутарха; есть также отрывочныя извѣстія о томъ же и у другихъ писателей. Лизій въ рѣчи своей объ убійствѣ Эратосфена приводитъ слѣдующій законъ [3]): νόμος. ἀκόυετε, ῷ ἄνδρες, ὅτι κελέυεν, ἐάν τις ἄνθρωπον ἐλεύθερον ἤ παῖδα αἰσχύνῃ βίᾳ, διπλῆν τὴν βλάβην ὀφείλειν· ἐὰν δὲ γυναῖκας, ἐφ' αἶσπερ ἀποκτείνειν ἔξεστι, εντοιςαὐτοῖς ἐνέχεσθαι. Отсюда видно, что за противуестественное преступленіе, совер-

---

[1]) Noct. att. Solon ... in sua lege in fures non, ut Draco antea, mortis sed dupli poena vindicandum existimavit. XI—CXVIII.

[2]) Demosth. in Timocr.

[3]) Хотя приведенная нами выдержка во всѣхъ изданіяхъ носитъ заглавіе „законъ", но текстъ очень ясно показываетъ, что это не подлинный, документальный законъ, а только извлеченіе изъ онаго.

Присуждались ли къ смертной казни преступники, недостигшіе совершеннолѣтія, сказать трудно. Эліанъ приводитъ одинъ случай изъ судебной практики, когда былъ казненъ мальчикъ за присвоеніе себѣ золотаго листа, упавшаго со статуи Артемиды, ὅτι ἐκ τοῦ τῆς ἀρτέμιδος στεφάνου πέταλον χρυσοῦν ἐκπεσὸν ἀνείλετο παιδίον... διὰ ταῦτα ἀπέκτειναν αὐτὸν ὡς θεοσύλην, οὐ δόντες συγγνώμην τῇ ἡλικίᾳ—Var. Hist. XVI.—Данныхъ для того, чтобы можно было отвергнуть принципіально сообщеніе Эліана, кажется, нѣтъ.

шенное насильно на мальчикѣ или свободно рожденномъ гражданинѣ, назначалось двойное наказаніе. Въ чемъ состояло это наказаніе вдвое изъ рѣчи не видно.

Полагаютъ, что прежде ораторъ упоминалъ о законѣ, каравшемъ тоже преступленіе, учиненное на рабѣ, и наказаніе въ этомъ случаѣ составляло половину того штрафа, какой налагался въ томъ случаѣ, когда жертвою преступленія дѣлалось свободно рожденное лице. Такой-же двойной штрафъ налагался и за насильное обезчещеніе женщины; а какъ великъ былъ этотъ штрафъ мы узнаемъ изъ Плутарха, по словамъ котораго виновный въ этомъ преступленіи подвергался денежной пенѣ въ размѣрѣ ста драхмъ. Что же касается выраженія, находящагося у Лизія въ вышеприведенномъ нами законѣ ἐφ' αἵσπερ ἀποκτείνειν ἔξεστι—то Маркландъ и Рейске вставляютъ сюда слово πείσαντας, а Шеллингъ οὐχ. Мы полагаемъ, что текстъ этого отрывка можетъ быть признанъ яснымъ и безъ этихъ поправокъ (изъ нихъ οὐχ. совершенно не подходяща), если вспомнимъ извѣстное постановленіе Дракона, удержанное за тѣмъ и въ кодексѣ Солона, по которому освобождался отъ судебнаго преслѣдованія убійца обольстителя своей жены, если онъ былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія. Отсюда слѣдуетъ, что афинскій законодатель, предоставляя обиженному мужу право убить безнаказанно человѣка, оскорбившаго его супружескую честь, а еще болѣе его жены, присуждалъ преступника къ весьма ничтожному наказанію, если такое дѣло разбиралось судебнымъ порядкомъ. Плутархъ, видимо, поражался легкостью наказанія и называетъ этотъ законъ крайне несообраннымъ. Если законъ изнасилованіе наказывалъ денежной пенею, то конечно трудно допустить, чтобы простое обольщеніе наказывалъ гораздо строже; по словамъ нѣкоторыхъ, за простое обольщеніе назначался или денежный штрафъ, значительно превышавшій тотъ, какой налагался въ томъ случаѣ, когда преступленіе сопровождалось насиліемъ или смертная казнь. Ксенофонтъ и Исократъ находятъ это вполнѣ цѣлесообразнымъ и согласнымъ со справедливостію.—Но законодатель, сообразующійся съ фактическими условіями жизненныхъ явленій, не поставитъ для себя основаніемъ положенія отвлеченной морали, а обратитъ вниманіе на

реальное значеніе факта, давшаго поводъ къ назначенію наказанія—Ксенофонтъ и Исократъ простое обольщеніе считаютъ болѣе тяжкимъ преступленіемъ, потому что въ этомъ случаѣ обольститель губитъ и портитъ душу женщины, давшей себя искусить обольстителю. Мы не думаемъ, чтобы Солонъ могъ руководиться такими соображеніями. Столь же невѣрно по нашему мнѣнію извѣстіе Эсхина [1]), что за сводничество назначена была смертная казнь. Въ этомъ случаѣ болѣе довѣрія заслуживаетъ Плутархъ [2]), который говоритъ, что за это преступленіе назначалась денежная пеня въ размѣрѣ двадцати драхмъ. Что Эсхинъ въ этомъ случаѣ неточенъ, доказательствомъ можетъ служить до нѣкоторой степени то, что по словамъ тогоже Эсхина [3]), отецъ склонившій сына или дочь къ гнусному пороку терялъ только право на старости лѣтъ требовать себѣ отъ сына пропитанія или пристанища. Похоронить такого отца сынъ всетаки былъ обязанъ.

По словамъ нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ были и другія наказанія за обольщеніе, а именно: ослѣпленіе [4]) и наложеніе клеймъ. Извѣстіе о второмъ наказаніи мы находимъ у Гермогена [5]), причемъ Сопатеръ [6]) прибавляетъ, что врачу подъ страхомъ уголовнаго преступленія запрещалось лечить такія клейма.

Похищеніе и обезчещеніе дѣвушки могло не повлечь за собою наказанія по суду, если похитившій изъявлялъ согласіе

---

[1]) Aesch. in Timocr. καὶ τίνα ἕτερον νόμον ἔθηκε φύλακα τῶν ἡμετέρων παίδων; τόν τῆς προαγωγείας...... καὶ τοὺς προαγωγούς γράψεσθαι κελεύει. κἂν ἁλῶσι θανάτῳζημιοῦν 176—3.

[2]) Plut. Sol. XXIII— κἂν προαγωγεύῃ, δραχμὰς εἴκοσι..

[3]) Aesch. in Timocr. 39. Отсюда мы узнаемъ, что склоненный къ гнусному дѣянію преслѣдованію за ἑταιρήσεως не подвергался, преслѣдовался ὁ μισθώσας и ὁ μισθωσάμενος.

[4]) Auct. problem. rhet. cap. LIII. νόμος ἐκέλευε τὸν μοιχὸν καταλαμβανόμενον τυφλοῦσθαι ἀκρίτως. Законъ оставлялъ безнаказанно если обиженный мужъ ослѣпилъ обольстителя.

[5]) ἔξεστι στίζειν τοὺς μοιχούς. Hermog. Part. Sect. XIII.

[6]) ἰατρὸς τὰ τῶν μοιχῶν στίγματα ἰώμενος κρίνεται. ibid. Какъ ослѣпленіе, такъ и наложеніе клеймъ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что законъ не преслѣдовалъ мужа, такимъ образомъ отомстившаго обольстителю. Въ уголовномъ уложеніи такого наказанія не было.

вступить въ бракъ съ оскорбленной имъ дѣвушкой, по словамъ другихъ, если виновный былъ холостой, то онъ обязанъ былъ это сдѣлать.

Какъ видно изъ вышеразсказаннаго нами, афинское уголовное право прежде всего наказывало обольстителя, но оно не оставляло безъ наказанія и женщину давшую себя обольстить.—Но видимо законъ относился къ ней не такъ строго, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что позволяя пострадавшему мужу убить на мѣстѣ обольстителя, законъ не давалъ такого права мужу [1]) поступить такъ со своей женой. Онъ долженъ былъ обратиться съ жалобой въ судъ и въ случаѣ если виновность жены была доказана, то послѣдствія этого были слѣдующія [2]). Бракъ расторгался и онъ не могъ потомъ возобновиться, если бы мужъ простилъ виновную. Жена теряла свое приданое, которое поступало въ руки мужа. Такая женщина не могла наряжаться какъ наряжались другія честныя женщины, она не могла участвовать въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ и празднествахъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она могла быть продана въ рабство. Положительно это можно сказать о дѣвушкахъ: виновную въ прелюбодѣяніи отецъ или опекунъ (братъ), законъ позволялъ продать въ рабство.

Если уголовное уложеніе можетъ служить хотя до нѣкоторой степени показателемъ общественной нравственности, то можно заключить, что уже тогда въ Афинахъ повторялся часто гнусный и противуестественный порокъ—мужеложство. Преступленіе это было предусмотрѣно въ кодексѣ Солона; наказаніемъ была потеря всѣхъ политическихъ правъ [3]). Такой человѣкъ

---

[1]) Liban. Tom. I. Declam. XXIII. τὴν γυναῖκα ἂν ἀφαίρηταί τις... γράφον... κτεῖναι δὲ οὐκ ἔδωκεν.

[2]) По словамъ Филострата обиженному мужу позволялось войти въ соглашеніе съ обольстителемъ и уступить ему свою жену на всегда Philostr. Hermocr. soph. Lib. II. Но это не относится ко временамъ Солона.

[3]) Aesch. in Tim. 45. Demosth. iu Androt. 602. Laert. Sol. 7. Гораздо строже къ этому преступленію относились въ Римѣ. Это можно заключить между прочимъ и изъ того, что солдатъ, убившій военнаго трибуна за то, что былъ имъ обезчестенъ гнуснымъ образомъ, былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія (случай этотъ былъ въ войскѣ Марія). Cic. pro Mil. II.

не имѣлъ права быть выбраннымъ на какую бы то ни было должность, засѣдать въ народномъ собраніи или въ судѣ присяжныхъ, входить въ храмы и т. п.

Сношенія съ публичными женщинами [1]) не считались дѣяніями безчестными и не влекли за собою никакого преслѣдованія.

Разобранный нами видъ преступленій въ афинскомъ уложеніи относился къ категоріи преступныхъ дѣяній, опредѣляемой общимъ названіемъ ὕβρις (оскорбленіе, насиліе). Преступленія подобнаго рода имѣли слѣдующія подраздѣленія: ἡ ὕβρις δι' αἰσχρουργίας (преступленія противъ цѣломудрія женщинъ и мужчинъ) ἡ—διὰ πληγῶν (побои и истязанія) и наконецъ ἡ διὰ λόγων (оскорбленіе словами). Какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, такъ и въ этомъ случаѣ пострадавшему предоставлялось право искать удовлетворенія общимъ уголовнымъ порядкомъ или частнымъ, гражданскимъ. Въ послѣднемъ случаѣ это преступленіе, подавшее поводъ къ судебному иску, подлежало разбирательству въ порядкѣ, въ какомъ разбирались всѣ жалобы на αἰκίαι, [2]) и влекло за собою денежный штрафъ.

О преступленіяхъ противъ цѣломудрія мы говорили выше. Оскорбленіе дѣйствіемъ и истязаніе наказывалось различно. Гераклидъ Понтикъ [3]) говоритъ, что законъ угрожалъ отсѣченіемъ руки тому, кто нанесъ побои своему отцу. Тоже самое говоритъ и Квинтиліянъ [4]). За нанесеніе побоевъ архонту налагался денежный штрафъ въ размѣрѣ десяти тысячъ драхмъ [5]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ оскорбленіе архонта дѣйствіемъ влекло за собою атимію (потерю политическихъ правъ).

---

[1]) Женщины, занимавшіяся этимъ печальнымъ ремесломъ, часто находились въ лучшихъ не столь унизительныхъ условіяхъ сравнительно съ теперешнимъ временемъ въ томъ отношеніи, что нерѣдко они помѣщались при храмахъ Афродиты и являлись не просто личностями, удовлетворяющими за деньги требованіямъ уличнаго темперамента, а служительницами богини любви. Устройство одного такого храма πανδήμου ἀφροδίτης приписываютъ и Солону.

[2]) Platner Proc. bei den Attik. II—193. Schöman der Att. proc. 324.

[3]) Heracl. Pont. alleg. Hom,—οἱ νομοθέται τοὺς πατροτύπτας χειροκοποῦσι.

[4]) Quint. Declam. 372 qui patrem pulsaverit manus ei incidantur.

[5]) Sopater Div. Quaest. Размѣръ штрафа сильно преувеличенъ.

Защищалъ ли афинскій законъ личность раба отъ побоевъ, въ настоящее время думаютъ объ этомъ различно. Въ прежде приведенномъ нами законѣ [1]) изъ рѣчи Демосфена, говорится между прочимъ—ἐάντις ὑβρίσῃ εἴς τινα... ἢ τῶν δούλων. Аналогическое извѣстіе находимъ и у Атенея. который говоритъ, что Афиняне, заботясь объ участи рабовъ, издали законъ, который угрожалъ судебнымъ преслѣдованіемъ за оскорбленіе причиненное рабу. Мейеръ [2]) оба эти извѣстія объясняетъ такимъ образомъ, что здѣсь подъ γραφὴ ὕβρεως нужно понимать только преступленіе противъ цѣломудрія, ссылаясь между прочимъ на слова Аристотеля, что ἐλευθέρους τύπτειν ὕβριν и дѣлая изъ нихъ то заключеніе, что нанесеніе побоевъ рабу не составляло преступленія, относившагося въ уголовномъ уложеніи ко ὕβρις.

Шеллингъ не соглашается съ Мейеромъ и доказываетъ [3]), что нанесеніе побоевъ рабу могло составлять общее преступленіе, противъ котораго возбуждался процессъ въ уголовномъ порядкѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей Демосфенъ приводитъ слѣдующій разсказъ [4]). Нѣкто Никостратъ послалъ однажды въ садъ нѣкоего Аполлодора мальчика (свободнорожденнаго) нарвать тамъ цвѣтовъ. Сдѣлалъ онъ это съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ, если Аполлодоръ приметъ этого мальчика за обыкновеннаго раба и подвергнетъ его побоямъ, можно было начать процессъ противъ Аполлодора по γραφὴ ὕβρεως. Изъ этого Мейеръ дѣлаетъ то заключеніе, что если бы мальчикъ посланный Никостратомъ въ садъ Аполлодора дѣйствительно былъ бы рабомъ, то нанесеніе ему побоевъ не могло бы послужить поводомъ къ жалобѣ уголовнымъ порядкомъ. Шеллингъ объясняетъ этотъ случай нѣсколько иначе, говоря, что Аполлодоръ, принявши мальчика за раба, могъ думать, что некому будетъ (заступиться) и

---

[1]) Demosth. in Mid. 529.

[2]) Deipnosoph. VI. 267... ἀθηναῖοι γὰρ καὶ τῆς τῶν δούλων προνοοῦντες τύχης ἐνομοθέτησαν καὶ ὑπὲρ δούλων γραφὰς ὕβρεως εἶναι.

[3]) Der Att. proc. 324.

[4]) Schelling—Leges Sol. ap. ortt. at 85.

[5]) Demosth. in Nicostr. 1251.

начинать уголовную тяжбу изъ за человѣка самаго низкаго званія. Со стороны Шеллинга тутъ, очевидно, натяжка. Если бы дѣйствительно нанесеніе побоевъ рабу могло послужить поводомъ къ уголовному преслѣдованію, то Аполлодоръ не могъ не опасаться, что за раба заступится его господинъ и подастъ въ судъ соотвѣтствующую жалобу.

Разногласіе между Мейеромъ и Шеллингомъ по вопросу о томъ, наказывало ли афинское уголовное уложеніе нанесеніе побоевъ рабамъ или нѣтъ, по нашему мнѣнію, можно устранить такимъ образомъ. Нанесеніе удара свободно рожденному безспорно считалось дѣяніемъ преступнымъ, за которое виновный въономъ подлежалъ судебному наказанію въ уголовномъ или гражданскомъ порядкѣ. Нанесеніе удара рабу не могло считаться преступленіемъ противъ личности, такъ какъ за рабомъ законъ не признавалъ никакихъ гражданскихъ правъ. Но законъ бралъ подъ свою защиту и раба въ томъ случаѣ [1]), если оскорбленіе причиненное рабу сопровождалось тяжкими послѣдствіями напр. увѣчіемъ и т. п.

Демосфенъ говоритъ, что нужно обращать вниманіе не на то [2]), *кто* пострадалъ, а на то, *что* кто протерпѣлъ. Слова эти составляютъ личное мнѣніе Демосфена, а не текстъ закона, на основаніи котораго можно было бы дѣлать какое нибудь заключеніе. Но слѣдующая выдержка изъ тойже рѣчи: »*καὶ τοσαύτῃ δ' ἐχρήσατο ὑπερβολῇ, ὥστε κἂν ἐις δοῦλον ὑβρίζῃ τις, ὁμοίως ἔδωκεν ὑπὲρ τούτου γραφήν*« во всякомъ случаѣ даетъ право утверждать, что законъ въ Афинахъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказывалъ оскорбленіе дѣйствіемъ и причиненное рабу.

---

[1]) Разумѣется, судебное преслѣдованіе могло начаться только тогда, когда дѣяніе такое было совершенно постороннимъ лицомъ, а не господиномъ раба.

[2]) Demosth. in Mid. 529—2. οὐ γάρ, ὅστις ὁ πασχων ᾤετο δεῖν σκοπεῖν, ἀλλὰ τὸ πράγμα ὁποῖόν τι τὸ γιγνόμενον.

[3]) ibid.

По словамъ Плутарха [1]) уложеніе Солона опредѣляло удовлетвореніе даже пострадавшему отъ четвероногаго животнаго (βλάβης τετραπόδων νόμος) напр. собака, укусившая кого либо, должна была быть привязана къ цѣпи въ три локтя и выдана потерпѣвшему.

Что же касается оскорбленія словами, то оно въ уложеніи Солона считалось проступкомъ незначительнымъ, въ судѣ по γραφή ὕβρεως разбиралось чрезвычайно рѣдко. Такой проступокъ влекъ за собою денежный штрафъ [2]) въ томъ только случаѣ, если оскорбленіе нанесено было въ общественномъ мѣстѣ, храмѣ, въ судѣ и т. п. Размѣръ штрафа составлялъ пять драхмъ, изъ которыхъ три шли въ пользу оскорбленнаго, а двѣ въ пользу общественной казны. Исключеніе было сдѣлано, насколько извѣстно, въ двухъ случаяхъ. Такъ за оскорбленіе сыномъ своего отца законъ [3]) угрожалъ лишеніемъ наслѣдства. Выдѣлялось также и наказаніе за оскорбленіе словами должностныхъ лицъ. По словамъ Демосфена такое преступленіе наказывалось чрезвычайно строго [4]), такъ какъ оно влекло за собою атимію (потерю политическихъ правъ), причемъ законъ не дѣлалъ различія въ какомъ мѣстѣ было нанесено такое оскорбленіе. У Лизія [5]) есть отрывокъ одного закона, относящагося сюда, въ которомъ сказано »ἐάν τις ἀρχὴν ἐν συνεδρίῳ λοιδορῇ« изъ чего можно предполагать, что законъ при наказаніи за оскорбленіе должностныхъ лицъ обращалъ вниманіе *гдѣ* было нанесено оскорбленіе. Тейлоръ для того чтобы устранить разногласіе между Демосфеномъ и Лизіемъ предлагаетъ въ упомянутомъ отрывкѣ выраженіе ἀρχήν переводить не словомъ »должностное лицо«, а

---

[1]) Plut. Sol. 24. Xenoph. Hist. Gr. 20. lib II.

[2]) ibid. XXI—прибавляя при этомъ, что нигдѣ не умѣть сдерживать свой гнѣвъ неприлично и не пристойно—сдерживать его вездѣ трудно, а нѣкоторымъ даже невозможно.

[3]) Sopat. in Hermog. и Libanii Declam 1—37 ἰσχυρος εἶ... ἀλλὰ οὐκ ἰσχυρότερος τοῦ νόμου, ὅς κεῖται πάλλαι πατράσιν ἀδικουμένοις βοηθῶν. οὗτος ἐκβάλλει σε τῆς.

[4]) in Mid. 524.

[5]) Lys. pro milite 320.

въ смыслѣ »вообще«. Платнеръ [1]) и Шеллингъ [2]) оспариваютъ толкованіе этого слова предложенное Тейлоромъ и доказываютъ, что здѣсь подъ ἀρχήν нужно понимать должностное лицо. Слѣдуя толкованію этого слова предложенному этими учеными, мы тѣмъ не менѣе допускаемъ, что афинскій законодатель наказывалъ за оскорбленіе должностныхъ лицъ (высшихъ) гдѣ бы оно ни было нанесено, причемъ совершенное въ присутственномъ мѣстѣ (συνεδρίῳ) влекло за собою тяжкое наказаніе въ видѣ атиміи, совершенное же при другой обстановкѣ наказывалось, по всей вѣроятности, денежнымъ штрафомъ. Если же Демосфенъ говоритъ, что афинскій законъ не дѣлалъ никакого различія въ какомъ бы мѣстѣ ни было нанесено сановнику оскорбленіе, мы думаемъ, что онъ здѣсь не правъ и что въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся у него съ неточнымъ обобщеніемъ, какія у него попадаются довольно часто.

Говоря объ оскорбленіяхъ живыхъ, перейдемъ къ законамъ Солона, имѣвшихъ цѣлью поддерживать уваженіе къ памяти людей умершихъ. По словамъ Демосфена [3]) и Плутарха [4]) въ числѣ законовъ Солона находился одинъ, который запрещалъ поносить мертвыхъ. Вѣроятнѣе всего, что это постановленіе Солона скорѣе имѣло характеръ религіознаго наставленія, чѣмъ формальнаго закона, нарушеніе котораго могло бы повлечь за собою преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ: по крайней мѣрѣ ни Плутархъ ни Демосфенъ ничего не говорятъ о наказаніи, какое могло постигнуть виновнаго въ нарушеніи этого закона. Но за то въ другихъ случаяхъ законъ неисполненіе религіозныхъ обязанностей по отношенію къ покойнымъ наказывалъ очень строго. За оставленіе непогребеннымъ трупа отца налагалась смертная казнь. Такъ покрайней мѣрѣ говоритъ Сопатеръ [5]) и сло-

---

[1]) Platn. Proc. bei Attik. II—189.

[2]) Leg. Sol. ap. or. at. 131.

[3]) Demosth. in Lept. 19.

[4]) Plut. Sol. 21.

[5]) По словамъ Сиріана за это преступленіе назначалось изгнаніе и лишеніе наслѣдства νόμος, τὸν μὴ θάψαντα τὸν αὑτοῦ πατέρα τῆς ἐλαύνεσθαι и пр. Syrian. in Hermog. 34.

вамъ его въ этомъ случаѣ можно повѣрить, если вспомнимъ, какъ строго отнеслись въ Афинахъ во время Пелопонесской войны къ полководцамъ, которые одержали морскую побѣду, но непозаботились похоронить павшихъ въ сраженіи. Уложеніе Солона налагало наказаніе и за повреждение памятниковъ и могилъ умершихъ [1]).

Говоря о законахъ, преслѣдовавшихъ неуваженіе къ покойнымъ, проявлявшееся въ томъ или другомъ видѣ, упомянемъ здѣсь, что Солонъ издалъ также законъ, который въ общихъ чертахъ опредѣлялъ способъ, какимъ слѣдовало хоронить мертвыхъ. Законъ этотъ между прочимъ говоритъ: [2]) »умершаго положить внутри (дома), какъ угодно, выносить покойника на слѣдующій день послѣ его выставленія, передъ восходомъ солнца; во время выноса мужчинамъ идти впереди, женщинамъ позади и пр. На похоронахъ воиновъ павшихъ въ сраженіи, Солонъ постановилъ [3]), чтобы обязательно въ ихъ честь говорилась надгробная рѣчь.

Изъ постановленій Солона, относящихся къ области гражданскаго права, самое важное мѣсто занимаетъ законъ, установившій въ Афинахъ институтъ завѣщанія. Въ семнадцатомъ и восемьнадцатомъ столѣтіи среди юристовъ господствовало мнѣніе, что этотъ институтъ принадлежитъ къ области естественнаго права и что онъ есть явленіе. присущее всѣмъ сколько нибудь образованнымъ обществомъ. Сравнительное изученіе юридическаго быта разныхъ народовъ привело къ тому заключенію, что завѣщаніе есть явленіе сравнительно позднѣйшее и своимъ

---

1) Cic. de leg. Lib. II—22. De sepulc hris autem, nihil est apud Solonem ampelius, quam ne quis deleat, neve alienum injerat. poenaque est, si quis bustum (nam id puto appelari τύμβον) aut monumeutum, aut columviolarit, fregerit.

2) Demosth. in Macart 1071, νόμος. τόν ἀποθανόντα προτίθεσθαι ἔνδον ὅπως ἂν βούληται. ἐκφέρειν δὲ ἀποθανόντα τῇ ὑστεραίᾳ, ᾗ ἂν προθῶνται, πρὶν ἥλιον ἐξέχειν. et cet.

3) Schol. in Thuc. II къ рѣчи Перикла въ честь павшихъ 35. Но дѣйствительно ли этотъ законъ принадлежитъ Солону, сказать трудно.

развитіемъ обязано главнымъ образомъ римскому праву [1]). Въ индійскомъ законодательствѣ нѣтъ ничего похожаго на завѣщаніе [2]); нѣтъ его также и въ Моисеевомъ законѣ. Casus omissi Моисееваго закона впослѣдствіи дополнило право раввиновъ, введеніемъ института завѣщанія въ его первоначальной формѣ, что обыкновенно приписываютъ вліянію римскаго владычества [3]). Безспорно мѣстнаго происхожденія является институтъ завѣщанія въ Афинахъ, введеніе котораго принадлежитъ Солону.

Завѣщаніе есть актъ, которымъ предписывается передача наслѣдства. Съ этимъ актомъ въ настоящее время соединяются слѣдующіе признаки: завѣщаніе получаетъ силу только послѣ смерти завѣщателя, оно тайное и обыкновенно неизвѣстно лицамъ заинтересованнымъ, оно отмѣняемо, такъ что всегда можетъ быть замѣнено новымъ актомъ завѣщанія. Но первоначальныя завѣщанія, въ томъ числѣ и введенное въ Афинахъ Солономъ, имѣли нѣсколько другой характеръ. Они получали силу тотчасъ послѣ составленія, они не были тайною и не подлежали отмѣненію [4]). Но самое важное, въ чемъ заключается рѣзкое различіе между формою завѣщанія, учрежденною въ Афинахъ Солономъ и тою, какая выработалась впослѣдствіи въ римскомъ правѣ, состоитъ въ томъ, что въ Афинахъ законъ до крайности съуживалъ предѣлы воли завѣщателя, давая ему право распоряжаться своимъ имуществомъ только въ единственномъ случаѣ, когда у завѣщателя небыло прямыхъ наслѣдниковъ [5]).

---

[1]) Менъ. Древнее право перев. Бѣлозерской VI.

[2]) Мѣсто наполняемое завѣщаніемъ, занято усыновленіями ibid. 152.

[3]) ibid. 155. Единственная форма завѣщанія, не принадлежащая ни эллинскому ни римскому праву и которая можетъ считаться туземною есть завѣщаніе (первичное) существующее въ Бенгаліи.

[4]) Мэнъ—ibid.

[5]) До введенія завѣщанія имущество умершаго бездѣтнымъ переходило въ распоряженіе рода, къ которому принидлежалъ покойный.

Женщина дѣлать завѣщаніе не имѣла права.

Извѣстія объ этомъ находимъ у Демосфена [1]), Изея [2]) и Плутарха [3]).

Завѣщаніе признавалось дѣйствительнымъ [4]) тогда, если оно было составлено наслѣдодателемъ добровольно, безъ всякаго внѣшняго давленія или насилія, въ здравомъ умѣ и т. п.

Лицамъ, сдѣлавшимся членами извѣстной семьи черезъ усыновленіе, законодательство Солона право составлять завѣщанія не давало [5]). Имущество усыновленнаго, оставшагося безъ дѣтей (сыновей), переходило въ семью усыновителя.

Наслѣдство достается или по завѣщанію или по закону (ab intestato). О завѣщаніи говорилось нами выше. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о переходѣ наслѣдства по закону. Если у наслѣдодателя были сыновья [6]) наслѣдство раздѣлялось между ними поровну; если были и дочери, братья при выходѣ сестеръ замужъ обязывались дать ей извѣстное приданое. Если у умершаго сыновей не было, а была только дочь, наслѣдство переходило къ одному изъ агнатовъ, съ обязательствомъ жениться на ней; съ согласія дочерей можно было распорядиться имуществомъ посредствомъ завѣщанія. Лицо, неимѣвшее прямыхъ наслѣдниковъ, ни дѣтей, ни внуковъ [7]), могло распоряжаться сво-

---

[1]) Demosth. in Steph., in Leoch., in Olymp. и проч.

[2]) Рѣчи Изея заключаютъ въ себѣ очень много извѣстій о наслѣдствахъ. Упомянемъ здѣсь о рѣчи περὶ τοῦ ἀγνίου κλήρου.

[3]) Plut. Sol. XXI.

[4]) Plut. ibid. Demosth. in Steph. B. 1133.

[5]) Demosth. in Leoch. pag. 1100 το δεῖς γε ποιηθεῖσιν ὑχ ἐξὸν διαθέσθαι... ἢ τελευτήσαντας ἀποδιδόναι τὴν κληρονομίαν τοῖς ἐξ ἀρχῆς οἰκείοις οὖσι τοῦ ποιησαμένον.

[6]) Сыновья, рожденные внѣ законнаго брака, по закону Солона права на наслѣдство не имѣли, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ одной изъ комедій Аристофана.

ἐρῶ δε δὴ καὶ τὸν Σόλωνος σοι νόμον·
νόθῳ δὲ μὴ εἶναι ἀγχιστεῖαν. Aristoph. av. 1659.

[7]) Бунзенъ, ссылаясь на Изея, выясняетъ, что наслѣдство въ прямой линіи могло переходить только до правнука и въ случаѣ если бы у наслѣдодателя остался изъ прямыхъ потомковъ только сынъ правнука

имъ имуществомъ по своему благоусмотрѣнію посредствомъ завѣщанія. Если же оставившій наслѣдство умеръ безъ завѣщанія, имущество переходило къ отцу умершаго. Если же отца въ живыхъ не было, наслѣдство переходило къ братьямъ единокровнымъ (а не единоутробнымъ). Затѣмъ къ дѣтямъ братьевъ. Если не было ни тѣхъ ни другихъ наслѣдниками дѣлались сестры и дѣти сестеръ. Если же умершій не оставилъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни племянниковъ наслѣдство переходило къ двоюроднымъ и внучатымъ съ отцовской стороны. Если же не было такихъ родственниковъ съ отцовской стороны наслѣдниками дѣлались родственники той же линіи со стороны матери [1]). (Demosth. adw. Macart. 1067. 51).

Введеніемъ института завѣщанія не ограничивались реформы Солона въ области семейнаго быта афинскихъ гражданъ. Законодательство Солона, видимо, стремилось освободить женщину, хотя отчасти, отъ ничѣмъ неограниченнаго гнета со стороны главы семьи. Съ этой цѣлью былъ изданъ законъ, отнимавшій у отца право продавать (не замужнихъ) дочерей и у братьевъ, тоже самое право относительно находившихся подъ ихъ опекой сестеръ [2]). Исключеніе было сдѣлано только въ

наслѣдство переходило не къ нему, а къ когнатамъ. Съ нимъ не согласенъ Ганзъ, который доказываетъ, что право на наслѣдство потомкамъ съ прямой линіи не было ограничено никакою степенью. Бунзенъ—de jure hereditario Atheniensium. Едуардъ Ганзъ—Das Erbecht in weltgeschichlicher Entwickelung. Schelling—XVII.

[1]) Между законами Солона о наслѣдствѣ и римскими разница проявляется между прочимъ въ томъ, что Солонъ допускаетъ родство по женщинамъ и даетъ право на наслѣдство, только ставитъ это родство на второмъ планѣ, отдавая преимущество родству по мужчинамъ. По римскому закону наслѣдовать могла (ab intestato) только единокровная сестра своему брату. Остальныя же какъ сестра отца (amita), дочь брата, какъ говоритъ Гай, nec in capiendis hereditatibus propinquorum legitimal sunt nec masculis propinquis adgnationis jure succendunt. Jnsstitut. II 535.

[2]) Мать (вдовствующая) по афинскимъ законамъ должна была находиться подъ опекой (властію) возмужавшихъ сыновей, οὐκοῦν ὁ μὲν νόμος

томъ случаѣ, если которая нибудь изъ дочерей или сестеръ оказалась виновною въ безнравственномъ поведеніи. Не могло отразиться благодѣтельно на положеніи женщины и предоставленіе ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ и права на наслѣдство.

Заботливость Солона о чистотѣ семейной жизни, по словамъ Плутарха, простиралась до того, что для того, чтобы браку придать болѣе чистоты и святости и чтобы онъ непоходилъ на наемъ или продажу, этотъ законодатель съузилъ до крайности размѣръ приданнаго невѣсты, ограничивъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ тремя платьями и нѣсколькими домашними вещами не особенно высокой цѣны. Въ этомъ случаѣ едва ли можно признать достовѣрнымъ извѣстіе Плутарха въ виду того, что Демосфенъ, говоря о приданномъ, установленномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ закономъ (in Mocart 1066—68), опредѣляетъ оное въ размѣрѣ гораздо большемъ противъ того, какое приводитъ Плутархъ.

Афинскій законодатель, ставя дѣвушку въ полную зависимость отъ главы семьи, не признавалъ за нею права въ вопросѣ располагать собою по своему желанію, если только въ родѣ были лица, которыя имѣли надъ нею право опеки. Законъ о помолвкѣ гласилъ слѣдующее: ἣν ἂν ἐγγυήσῃ ἐπὶ διχαίοις δάμαρτα εἶναι ἢ πατὴρ ἢ ἀδελφὸς ὁμοπάτιορ ἢ πάππος ὁ πρός πατρὸς, ἐκ ταύτης εἶναι παῖδας γρησίους. ἐὰν δε μηδεὶς ᾖ τούτων, ἐὰν μὲν ἐπὶχληρος τις ᾖ, τὸν χύριον ἔχειν, ἐὰν δὲ μὴ ᾖ, ὅτῳ ἂν ἐπιτρέψῃ, τοῦτον χύριον εἶναι [1]).

χελεύει τοὺς παῖδας ἡβήσαντας χυρίους τῆς μητρὸς εἶται. Demosth. in Steph. poster. 1135—5.

[1]) Demosth. in Steph. poster. 1134—17. Вторая половина приведеннаго здѣсь закона нѣсколько темна и объясняется различно. Разногласіе между комментаторами главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что слово ἐπίχληρος толкуется двоякимъ образомъ—по мнѣнію однихъ оно значитъ: дѣвушка, потерявшая отца, брата (единокров.) отца и дѣда, по мнѣнію другихъ ἐπίχληρος —женщина получившая наслѣдство. Мы въ этомъ случаѣ слѣдовали толкованію предложенному Рейскіемъ и отчасти одобренному Платнеромъ (Symbol. ad. j. A. 118). Съ ними не соглашается Шеллингъ, выражая сомнѣніе, чтобы афинск. законодательство когданибудь давало право дѣвушкѣ выходить замужъ за кого ей угодно (Leg. Sol. ap. or. 100). Но вѣдь бывали случаи когда у дѣвушки не было ни ка-

Изъ первой части этого закона видно, что бракъ признавался законнымъ (кромѣ другихъ условій), если помолвка дѣвушки была совершена отцомъ, братомъ отца (единокровнымъ) или дѣдомъ (со стороны отца). Если же никого изъ нихъ въ живыхъ не было, если при этомъ дѣвушка (или вдова) была ἐπίκληρος (т. е. наслѣдницей имущества, оставленнаго отцемъ или прежнимъ мужемъ) право (если необязанность, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) взять себѣ такую дѣвушку (или вдову) за жену принадлежало ближайшему родственнику, который въ тоже время дѣлался и владѣльцемъ оставшагося наслѣдства; если же и такого родственника не было, тогда женщина переходила во власть (и замужество) того, кого она себѣ изберетъ.

Въ рѣчи Демосфена противъ Макартата находимъ слѣдующій законъ изъ тойже области семейнаго права: τῶν ἐπικλήρων ὅσαι θητικὸν τελοῦσιν, ἐὰν μὴ βούληται ἔχειν ὁ ἐγγυτάτα γένους· ἐκδιδότω ἐπιδοὺς ὁ μὲν πεντακοσιομέδιμνος 500 δραχμάς, ὁ δ'ἱππεὺς 300 ὁ δὲ ζευγίτης 150 πρὸς οἷς αὐτῆς. ἐὰν δὲ πλείους ὦσιν ἐν τῷ αὐτῷ γένει· τῇ ἐπικλήρῳ πρὸς μέρος ἐπιδιδόναί ἕκαστον. ἐὰν δὲ γυναῖκες πλείους ὦσι μὴ ἐπάναγκες εἶναι πλέον ἢ μίαν ἐκδοῦναι τῷ γ'ενὶ, ἀλλὰ τὸν ἐγγύτατα δεῖ ἐκδιδόναι ἀ αὐτὸν ἔχειν. ἐὰν δὲ μὴ ἔχῃ ὁ ἐγγυτάτω γένους ἢ μὴ ἐκδῷ· ὁ ἄρχων ἐπαναγκαζέτω ἢ αὐτὸν ἔχειν ἢ ἐκδοῦναι. ἐαν δὲ μὴ ἐπαναγκάσῃ ὁ ἄρχων· ὀφελέτω χιλίας δραχμὰς ἱερὰς τῇ 'Ηρᾳ. ἀπογραφέτω δὲ τὸν μὴ ποιοῦντα ταῦτα ὁ βουλόμενος πρὸς τὸν ἄρχοντα. Многіе этотъ законъ объясняютъ такимъ образомъ, что въ немъ идетъ рѣчь о выдачѣ замужъ и о снабженіи приданнымъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ семействамъ низшаго класса афинскихъ гражданъ, т. е. ѳетовъ. Мы думаемъ, что такое толкованіе этого за-

---

кихъ родныхъ, тогда, конечно, она не могла не пользоваться полной свободой при выборѣ себѣ мужа. Самый текстъ этого закона (2 часть) Шеллингъ толкуетъ такимъ образомъ: Si horum nemo supersit, si quae igitur orba sit, ὁ κύριος (is, qui proximus est virginis cognatus et... cum illa κλήρου heres est) eam (uxorem) habeat; sin non habeat (h. e. si eam habere nolit) is, cui eam tradat (ἐπιτρέψῃ) дополн. словомъ ἔχειν—какъ это дѣлаетъ Бунзенъ а не ἑαυτὴν—какъ Рейске и Платнеръ) dominus bonorum (et simul maritus) esto.

кона невѣрно. По нашему мнѣнію, здѣсь идетъ рѣчь не только о дочеряхъ ѳетовъ но о дѣвушкахъ всѣхъ классовъ. Понимать первую половину этого закона въ такомъ смыслѣ, что родственникъ, не желавшій жениться на ѳессѣ, долженъ былъ дать ей приданное въ размѣрѣ 500 драхмъ, если онъ принадлежалъ къ пентакозіомедимнамъ, 300 драхмъ, если онъ принадлежалъ къ всадникамъ и т. д. нельзя. Во первыхъ трудно допустить (если принять въ соображеніе время, къ которому относится этотъ законъ), чтобы въ одномъ и томъ же родѣ одно семейство могло принадлежать къ самому высшему классу гражданъ, а другое къ самому низшему; во вторыхъ по словамъ Фотія [1]), приданное ѳессы, если ее не бралъ въ замужество ближайшій родственникъ, составляло пять минъ. Въ виду этого, намъ кажется, разбираемый законъ нужно толковать въ томъ смыслѣ, что въ немъ идетъ рѣчь о приданномъ, какое получала дѣвушка наслѣдница (ἐπίκληρος) (и при томъ потерявшая отца и пр.) въ такомъ случаѣ. когда она выходила замужъ не за ближайшаго родственника, а за кого нибудь другаго. Если взглядъ нашъ на сущность этого закона вѣренъ, то окажется необходимымъ объяснить его слѣдующимъ образомъ. Дѣвушка-наслѣдница изъ класса ѳетовъ, если ее не возьметъ замужъ ближайшій родственникъ, получаетъ отъ него приданное [2]) (какое не указано. Здѣсь по всей вѣроятности пропускъ; дальше законъ опредѣлялъ размѣръ приданнаго, на какое имѣли право дѣвушки изъ другихъ классовъ), дѣвушка изъ класса пентакозіомедимновъ получала пятьсотъ драхмъ, изъ класса всадниковъ триста, изъ класса зевгитовъ сто пятьдесятъ. Если же въ томъ же родѣ находилось нѣсколько такихъ дѣвицъ, каждой приданное давалось поровну; но отдѣльный родственникъ обязанъ былъ озаботиться только объ одной дѣвушкѣ-родственницѣ—жениться на ней или снабдить ее приданнымъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого за-

---

[1]) θῆσσαν ὠνόμαζον οἱ ἀττικοί τήν πενιχρὰν κόρην. ἣν ἐπάναχες ἦν τούς ἔγγιστα γένους ἢ λαμβάνειν πρὸς γάμον ἢ πέντε μνᾶς διδόναι Patr. Phot. Lex. № 92.

[2]) Это приданное принадлежало женѣ и послѣ ея смерти мужъ обязанъ былъ возвратить обратно тому семейству, изъ котораго было выдано оное. Bunsen. De Jure. hered. att. 43.

кона тѣми, кому слѣдуетъ—принадлежало архонту [1]), который виновнаго могъ подвергнуть штрафу въ тысячу драхмъ. Подавать жалобу архонту (за неисполненіе родственниками вышеупомянутой обязанности по отношенію къ родственнымъ дѣвушкамъ) имѣлъ право всякій.

Что же касается возраста, въ которомъ можно было вступать въ бракъ, то постановилъ ли Солонъ на этотъ счетъ что нибудь или нѣтъ, неизвѣстно. Цензоринъ [2]) говоритъ, будто бы Солонъ запретилъ мущинамъ жениться раньше 35 лѣтъ. Но это невѣрно. Ссылка на его стихотвореніе о седьмицахъ [3]) неубѣдительна—въ настоящее время критика отвергаетъ принадлежность этого стихотворенія Солону. Вѣроятнѣе всего, что тотъ возрастъ, какой указываютъ позднѣйшіе писатели [4]), считался позволительнымъ для вступленія въ бракъ и во времена Солона, а именно четырнадцать лѣтъ для юноши и двѣнадцать для дѣвочки [5]).

Римское законодательство [6]) запрещало между прочимъ

---

[1]) ἐὰν δὲ μὴ ἐπαναγκάσῃ ὁ ἄρχων ὀφελέτω χιλίας δραχμάς. Послѣднее выраженіе едва ли можно понимать въ томъ смыслѣ, что Архонтъ, если не заставилъ, обязанъ былъ заплатить тысячу драхмъ.

[2]) Censorinus de die natali XIV.

[3]) Въ этомъ стихотвореніи находится слѣдующій дистихъ:

πέμπτῃ δ'ὡρίου ἄνδρα γάμου μεμνημένον εἶναι

καὶ παίδων ζητεῖν εἰσοπίσω γενεήν. „на пятой седмицѣ пора мужчинѣ думать о женитьбѣ и о произведеніи на свѣтъ потомства". Стихотвореніе это сохранилъ Филонъ въ комментаріѣ Моисеевой книги Бытія.

[4]) Dio Cass. LIV δώδεκα γὰρ ταῖς κόραις ἐς τὴν τοῦ γάμου ὥραν ἔτι πλήρη νομίζεται. Macrobius lib. VII—Saturn. 7. Secundum jura publica duodecimus annus in foemina et quartusdecimus in puero definit pubertatis annos. Аристотель въ περὶ ζώων ἱστορίας между прочимъ говоритъ τὰ θήλεα θᾶττον τῶν ἀρρένων καὶ ἀκμὴν λαμβάνειν.

[5]) По словамъ Сиріана женщинѣ (вдовѣ) можно было выходить замужъ два раза. Выходъ замужъ въ третій разъ считался позорнымъ—νόμος τὴν τρὶς γαμηθεῖταν ἄτιμον εἶναι.

[6]) Caii Jnstitut. Lib. I—Tit. IV—§ 2. Jnter fratrem quoque et sororem, sive eodem patre ac matre nati fuerint, sive diversis matribus aut patribus, matrimonia esse non possunt. О восточныхъ народахъ въ древ-

браки между братомъ и сестрой все равно родились ли они отъ того же отца иматери или же отъ разныхъ матерей или разныхъ отцовъ. У афинянъ, по словамъ Филона [1]), Солонъ разрѣшилъ браки родныхъ братьевъ съ сестрами, но только между единокровными (ὁμοπάτριοι), а неедино утробными (ὁμομήτριοι). Тоже самое говоритъ и Корнелій Непотъ въ жизнеописаніи Кимона. Насколько это справедливо, сказать трудно [2]).

Полагая цѣлію супружескаго союза прежде всего потомство, Солонъ на случай, если эта цѣль не достигалась вслѣдствіе старости или супружескаго безсилія мужа, издалъ постановленіе [3]), по которому жена такого мужчины имѣла право получать брачное удовлетвореніе со стороны одного изъ ближайшихъ родственниковъ мужа.

Изъ органическихъ законовъ Солона, регулировавшихъ отношенія гражданъ въ дѣлахъ денежныхъ, первое мѣсто занимаетъ упомянутый нами прежде (см. Сейсахтія) законъ признав-

---

ности ходили разсказы, что тамъ дозволялись самые неестественные браки. Такъ напр. у Персовъ на вдовствующей матери могъ жениться сынъ Πέρσαι καὶ μάλιστα αὐτῶν οἱ σοφίαν ἀσκεῖν δοκοῦντες οἱ μάγοι γαμοῦσι τὰς μητέρας Sext. Empir Pyrrh. Hypothes. III—24 Тоже самое говорятъ о Мидійцахъ, Эфіопахъ и Индійцахъ. August. de Civit. Dei XVIII—2! объ арабахъ Страбонъ XVI. О томъ же упоминаетъ Геродотъ (III и IV), Платонъ De re• publ. V и Аристотель.

1) Philo Judaeus de Legib. Special.—ὁμὲν υὖν ἀθηναῖος Σόλων ὁμοπατρίους ἐφιεὶς ἄγεσθαι, τὰς ὁμομητρίους ἐκώλυσεν—при этомъ прибавляетъ, что у Лакедемонянъ на оборотъ разрѣшались браки между ὁμαγαστρίοις и запрещались между ὁμαπατρίοις. Такіе же браки разрѣшались въ Египтѣ. Sexst. Empir. Pyrrh. Hypoth. lib. III—24. ὁι αἰγύπτιοι τὰς ἀδελφὰς ἄγονται πρὸς γάμον.

2) Фокилидъ порицалъ подобнаго рода браки—μηδὲ κασιγνήτης ἐς ἀπότροπον ἐλθέμεν εὐνην. (Впрочемъ этотъ стихъ находится въ сборникѣ pseudophocylidea 182, неимѣющемъ ничего общаго съ Фокилидомъ). Во всякомъ случаѣ можно думать, что со стороны Филона здѣсь ошибка. Рѣчь Андокида прочивъ Алкивіада даетъ право думать что постановленія, узаконяющаго браки братьевъ съ сестрами, въ Афинахъ не было.

3) Plut. Sol. XXIII. достаточнымъ признавалось τρὶς ἑκάστου μηνός.

вавшій разъ на всегда недѣйствительными всѣ обязательства [1]), заключенныя подъ залогъ личной свободы гражданъ, чѣмъ на всегда былъ уничтоженъ существовавшій въ Афинахъ обычай давать въ займы »подъ залогъ тѣла заемщика«.

Что же касается $^0/_0$ на занятыя деньги, то они не были ограничены никакою нормою (см. Сейсахтія).

Изъ законоположеній Солона фискальнаго характера ораторы часто упоминаютъ объ ἀντίδοσις. Оно состояло въ слѣдующемъ. Если кто нибудь изъ гражданъ, на котораго была возложена какая нибудь первостепенная общественная повинность (литургія), находилъ, что ее слѣдовало бы поручить кому нибудь другому, который богаче его, то ему предоставлялось право потребовать у него обмѣнъ имущества и вызванный на такой обмѣнъ долженъ былъ или взять на себя литургію или же согласиться на предложенный обмѣнъ [2]). Въ настоящее время введеніе въ Афинахъ ἀντίδοσις относятъ къ времени болѣе позднему.

На первой изъ таблицъ Солона находился между прочимъ законъ разрѣшавшій вывозить за предѣлы Аттики только оливковое масло; на вывозъ всѣхъ остальныхъ продуктовъ налагался строгій запретъ. [3]) Нарушавшіе этотъ законъ подверга-

[1]) Объ этомъ законѣ упоминаетъ Екатерина II и признаетъ его нецѣлесообразнымъ. «Солонъ узаконилъ въ Афинахъ, чтобы не дѣлали больше лицеимства за гражданскіе долги. Сей законъ весьма хорошъ для обыкновенныхъ дѣлъ гражданскихъ; но мы имѣемъ причину ненаблюдать онаго въ дѣлахъ, до торговли касающихся: ибо купцы принуждены бываютъ ввѣрять великія суммы часто на очень короткое время, давать оныя и принимать обратно. Тако надлежитъ должнику исполняти всегда въ урочное время, что предполагаетъ уже лиценмство». Наказъ § 334.

[2]) Demosth. adv. Phaen. de permit.... Σόλωνι τῷ νομοθήσαντι τὸν περὶ τῶν ἀντιδόσεων νόμον. Platner. Proc. 11—106. Boekh. 794.

[3]) Plut. Sol. XXIV. По словамъ Демосфена и Ликурга за нарушеніе этого постановленія назначалось наказаніе гораздо выше того, какое указано Плутархомъ—τῶν νόμων τὰ ἔσχατα ἐπιτίμια προστεθηκότων, εἴ τις οἴκων ἀθήνῃσι ἄλλοπου σιτηγήσῃ ἢ εἰς τὸ ἀττικὸν ἐμπόριον. Demosth. in Phorm. 918; тоже самое говоритъ Ликургъ (in Leocr).

лись проклятію архонта (базилевса); если же тотъ почему нибудь не исполнялъ своей карательной обязанности, то долженъ былъ заплатить въ общественную казну сто драхмъ. Это постановленіе издано было съ тою цѣлію, чтобы поднять въ государствѣ ремесла и промышленность, такъ какъ страна помалопродородности своей почвы производила такъ мало, что произведеній ея не хватало [1]) для внутренняго употребленія.

Для тойже цѣли былъ изданъ законъ, по которому отецъ [2]) невыучившій сына какому нибудь ремеслу, лишался права требовать отъ него на старости пропитанія; не могли его требовать и отцы дѣтей, рожденныхъ внѣ законнаго брака.

Далекій отъ мысли считать занятіе ремесломъ чѣмъ то унизительнымъ и недостойнымъ свободнорожденнаго человѣка, Солонъ всячески старался поднять въ Афинахъ индустріальную производительность. Съ этою цѣлію между прочимъ, говорятъ, былъ изданъ законъ, который давалъ права гражданства тѣмъ переселенцамъ [3]), которые поселились въ Аттикѣ навсегда и занимались какимъ нибудь ремесломъ.

Было издано также нѣсколько постановленій, имѣвшихъ цѣлію помочь людямъ, занимающимся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Такъ напр. было поощряемо истребленіе волковъ. Эти

---

[1]) Во время Демосфена въ Аттику привозили хлѣбъ главнымъ образомъ изъ Понта и Византіи—Привозъ доходилъ до четырехъ мил. медимновъ Demosth. in Lept 467.

[2]) Plut. Sol. XXII и многіе другіе авторы. Подъ словомъ γονεῖς (родители) законъ понималъ по восходящей линій до прадѣда и прабабушки κελεύει ὁ νόμος τρέφειν τοὺς γονέας. γονεῖς δὲ εἰσὶ μήτηρ τε πατήρ, τεπάππος καὶ θήθη καὶ τούτου μήτηρτεπατήρ, ἐὰν ἔτι ζῶσιν. Jsaeus VII.

[3]) Аристотель, Платонъ и другіе философы считали не совмѣстнымъ съ званіемъ гражданина занятіе ремесломъ. Впослѣдствіи право гражданства въ Афинахъ давалось чрезвычайно трудно, и не смотря на слова Фукидида οἱ ἀθηναῖοι τὸ παλαιὸν εὐθὺς μετέδοσαν πολιτείας· ὕστερον οὐκετ διὰ τὸπλῆθος, Плутарха и другихъ, едва ли можно допустить, чтобы при Солонѣ такъ легко предоставлялось право гражданства переселенцамъ, поселившимся въ Аттикѣ.

животныя водились тогда въ Аттикѣ въ большомъ количествѣ и причиняли не мало вреда поселянамъ. Еще до Солона истребленіе волковъ въ Аттикѣ считалось дѣломъ священнымъ. Чтобы еще болѣе поощрить Афинянъ къ уничтоженію этой вредной породы, Солонъ постановилъ [1]) выдавать денеждую награду тому, кто представитъ голову волка или волчицы: за голову волка назначалась награда въ количествѣ пяти драхмъ, голова волчицы была оцѣнена дешевле; представившій таковую получалъ всего только одну драхму.

Изъ общественныхъ колодезей брать воду [2]) можно было только тѣмъ, жилища которыхъ отстояли отъ нихъ не болѣе какъ на пятьсотъ шаговъ; жившіе на дальнемъ отъ нихъ разстояніи должны были вырыть себѣ свой колодезь; но если роющіе не могли найти воду на извѣстной глубинѣ, то имъ позволялось брать воду у сосѣда (впрочемъ не болѣе двѣнадцати хой въ день). Законодательство Солона опредѣляло (по словамъ Плутарха съ большимъ знаніемъ дѣла) разстояніе, которое слѣдовало соблюдать при насажденіи нѣкоторыхъ деревьевъ, и при рытьи ямъ или канавъ. Кто на своемъ участкѣ сажалъ фиговыя или оливковыя деревья, тотъ долженъ былъ отступить отъ поля своего сосѣда на девять футовъ. Кто копалъ канаву, долженъ быть отступить отъ земли сосѣда на разстояніе, равняющееся глубинѣ канавы. (Объ этомъ постановленіи Солона упоминаетъ и Гай IV—ad leg. XII Tab.—XIII.).

Изъ постановленій Солона относительно религіознаго культа извѣстно только то, что онъ поставилъ цѣны жертвенныхъ животныхъ. По словамъ Максима Тирскаго [3]) законодательство Солона религіозныхъ вѣрованій афинянъ не касалось.

Чтобы поощрить афинянъ къ участію на состязаніяхъ, происходившихъ на олимпійскихъ и истмійскихъ играхъ, Солонъ постановилъ впредь выдавать изъ государственнаго казначейства значительныя денежныя награды [4]) тому, кто на нихъ одержитъ

---

[1]) Plut. Sol. XXIII.

[2]) ibid.

[4]) Maxim. Tyr. Dissert. XXXIX.

[3]) То высокое уваженіе, которымъ какъ въ Аттикѣ такъ и въ

побѣду; причемъ побѣдителю на олимпійскихъ играхъ онъ назначилъ пятьсотъ драхмъ, а одержавшему побѣду на истмійскихъ сто драхмъ.

По словамъ Діогена Лаэртія [1]) и Платона [2]) Солонъ установилъ способъ, по которому рапсоды должны были передавать поэмы Гомера. Съ этою цѣлью онъ издалъ постановленіе, чтобы эти поэмы впредь распѣвались ἐξ ὑποβολῆς и ἐξ ὑπολείψεως. Значеніе этихъ терминовъ въ настоящее время не выяснено. По мнѣнію Нитша ἐξ ὑποβολῆς означаетъ текстъ или достовѣрный списокъ пѣсенъ, котораго должны были придерживаться рапсоды; ἐξ ὑποχείψεως менѣе ясно. Бернгарди думаетъ, что подъ этимъ выраженіемъ нужно подразумѣвать правильные отдѣлы или пѣсни поэмъ, которыя нужно было пѣть цѣликомъ и которыя соотвѣтствовали подобнымъ же отдѣламъ соперниковъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Солонъ ввелъ измѣненіе и въ афинскомъ календарѣ. Основаніемъ греческаго время исчисленія служилъ лунный годъ. Солонъ замѣтилъ, что движеніе луны не совпадаетъ съ движеніемъ солнца, и что вторая половина тридцатаго дня каждаго мѣсяца собственно принадлежитъ слѣдующему мѣсяцу. Этотъ день онъ приказалъ называть ἕνη καὶ νέα

остальной Греціи пользовались эти побѣдители, вызвало у Ксенофана ѣдкое стихотвореніе, въ которомъ этотъ поэтъ и философъ упрекаетъ своихъ соплеменниковъ за то, что они людей одержавшихъ побѣду на состязаніяхъ въ кулачномъ бою, въ бѣгахъ въ запуски и тому подобныхъ не хитрыхъ искуствахъ, цѣнятъ выше и предпочтаютъ ихъ тѣмъ, которые обладаютъ настоящими знаніями и приносятъ обществу несомѣнную пользу:

ἀλλ' εἰ μὲν, ταχυτῆτι ποδῶν νίκην τις ἄροιτο
ἢ πενταθλεύων, ἔνθα Διός τέμενος.
. . . .
ἀστοῖσιν κ' εἴη κυδρότερος προσορᾶν. Bergk—Xenoph. 2. 1—22.

[1]) Diog. Laert. Sol. 57.

[2]) Plato Hipp. 228 См. Магаффи Ист. Греч. лит. Перев. Веселовской—26. Предположеніе Зенгебуша и Магаффи, что между этими двумя выраженіями существенной разницы нѣтъ, не лишено основанія.

(прежде онъ назывался ἔνη), слѣдующій затѣмъ день былъ названъ νουμηνία. Мѣсяцы поочередно стали со времени Солона заключать въ себѣ то тридцать, то двадцать девять дней. Мѣсяцы въ тридцать дней назывались πλήρεις, а въ двадцать девять дней κοῖλοι [1]). Начиная съ двадцатаго дня мѣсяца счетъ велся обратно, такимъ образомъ до двадцатаго дня считали по порядку съ прибавленіемъ ἱσταμένου μηνός, съ двадцать перваго счетъ велся въ обратномъ порядкѣ съ прибавленіемъ φθίνοντος μηνός. Солону приписываютъ также учрежденіе большаго года и годичныхъ цикловъ [2]).

---

[1]) Объ этомъ измѣненіи упоминаетъ Аристофанъ (Nebulae) и его подробно излагаетъ Плутархъ.

[2]) Sol. 25. Если послѣдній мѣсяцъ въ году былъ κοῖλος, его (мѣсяцъ) все-таки называли τριακάς.

[3]) Hermann—Lehrb. dr. alt. изд. II. § 45.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СОЛОНА.

(ОКОНЧАНІЕ).

Какъ отнеслись афиняне къ реформамъ Солона, извѣстно немного; во всякомъ случаѣ привиться могли они не скоро. Правда, по словамъ Плутарха, Солонъ издавалъ такіе законы, которые соотвѣтствовали бы времени и обстоятельствамъ. Самъ Солонъ далеко не считалъ свой кодексъ совершенствомъ законодательнаго искуства—мои законы, сказалъ онъ однажды, самые лучшіе изъ тѣхъ, какіе могли быть даны Аѳинянамъ въ мое время.—Думая, что своими реформами ему удалось примирить интересы всѣхъ, онъ надѣялся, что его законы будутъ прочны и что какихъ нибудь особенно важныхъ препятствій или помѣхъ при ихъ примѣненіи не будетъ. Но послѣдствія не оправдали ожиданій Солона. «Въ важныхъ дѣлалъ, по его собственному выраженію, угодить всѣмъ трудно» [1]), еще труднѣе угодить всѣмъ во время коренныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ: улучшая бытъ однихъ, реформы неминуемо затрогиваютъ интересы другихъ, а потому самыя справедливыя и гуманныя преобразованія всегда находятъ себѣ противниковъ, такъ какъ люди не особенно охотно отказываются отъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыми пользуются они въ ущербъ своимъ ближнимъ. Тоже самое случилось и съ реформами Солона. Правда на первыхъ порахъ, когда законы были только что обнародованы, у всѣхъ они находили одобреніе, всѣ отзывались о нихъ съ самыми восторженными похвалами. Въ осо-

---

[1]) Plut. Sol. XXV. ἔργμασι γὰρ ἐν μεγάλοις πᾶσιν ἁδεῖν χαλεπόν.

бенности же, по свидѣтельству Плутарха, Аѳинянамъ понравилась сейсахтія Солона [1]). Но такое настроеніе умовъ продолжалось не долго. Издавая законы, Солонъ руководствовался требованіями справедливости и общественной пользы [2]); дѣйствовать пристрастно въ пользу тѣхъ или другихъ было не въ его характерѣ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ концѣ концовъ недовольными оказались всѣ; знать или Эвпатриды за то, что у нихъ преобразованія Солона отняли различныя права и преимущества, исключительное пользованіе которыми доселѣ принадлежало имъ однимъ; не остался совершенно довольнымъ и простой народъ, такъ какъ онъ надѣялся получить больше, сравнительно съ тѣмъ, что получить ему удалось на самомъ дѣлѣ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго, что восторгъ, возбужденный реформами Солона, прошелъ скоро и его смѣнило всеобщее разочарованіе. Пока еще не были обнародованы законы, когда открывалось широкое поле различнымъ догадкамъ и самымъ несбыточнымъ надеждамъ, всѣ превозносили его, всѣ предъ нимъ заискивали. Не то было послѣ изданія законовъ; тогда сдѣлались недовольны всѣ, «всѣ», по собственному выраженію Солона, стали смотрѣть на него изъ подлобія, словно враги [3]). Самое затѣмъ приведеніе въ дѣйствіе его законовъ стало наталкиваться на различныя препятствія, на различныя трудности. Какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ законахъ Солона вскорѣ оказались различныя противурѣчія и недоразумѣнія, за разрѣшеніемъ которыхъ стали постоянно обращаться къ Солону. Чтобы разъ на всегда отдѣлаться отъ тѣхъ распросовъ, съ которыми постоянно приставали къ нему различныя лица, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ заставить наконецъ своихъ согражданъ привыкнуть къ его законамъ и сжиться съ ними, Солонь постановилъ на время покинуть Аѳины и подъ

---

1) Plut. XV.

2) Plat. XA.

3) χαῦνα μὲν τοτ' ἐφράσαντο, νῦνδέ μοι χολούμενοι
λοξὸν ὀφθαλμοῖς ὁρῶσιν πάντες. ὥστε δήιοι.

тѣмъ предлогомъ, что различныя, дѣла требуютъ его отсутствія, онъ испросилъ у Аѳинянъ разрѣшенія пробыть за предѣлами Аттики десять лѣтъ. Уѣзжая, онъ заставилъ народъ поклясться въ томъ, что за все это время онъ не нарушимо будетъ соблюдать изданные имъ законы. Такую же клятву далъ сенатъ; архонты сверхъ того, на площади должны были дать обѣтъ, которымъ каждый изъ нихъ въ случаѣ нарушенія Солоновыхъ законовъ, обязывался принести въ даръ Дельфійскому оракулу золотую статую въ свой ростъ [1]).

Не объ одномъ только Солонѣ составилось въ древности преданіе, что по окончаніи реформаторской дѣятельности,, законодатель отправился путешествовать. Извѣстенъ разсказъ о Ликургѣ и о Питтакѣ. Въ настоящее время исторической достовѣрности за разсказами о путешествіи Ликурга не признаетъ никто. Что же касается Солона, то хотя, какъ кажется, ни одинъ ученый не отвергаетъ факта путешествія этого законодателя, тѣмъ не менѣе есть разногласія по вопросу о времени, когда совершилъ онъ поѣздку въ чужіе края. Геродотъ и Плутархъ передаютъ, что Солонъ отправился въ путешествіе въ скоромъ времени послѣ изданія для Афинъ Свода Законовъ. Иначе думаетъ Діогенъ Лаэртій; по его словамъ Солонъ оставилъ Афины и отправился путешествовать послѣ узурпаціи Пизистрата, Мнѣніе Діогена раздѣляетъ Мерзій, съ нимъ соглашаются нѣкоторые изъ ученыхъ новѣйшаго времени какъ напр. Гюбнеръ (ad. Diog. p. 209). Ульрици (gesch. d. hell. Poesie 11—435). Дункеръ и другіе. Вотъ что говоритъ Дункеръ по этому поводу: Nachdem Pisistratus sich froch aller anstrengungen Solons in Athen zúm Tyrannen gemacht hatte, blieb Solon nach Plntarch, der hier dessen keine Quelle angiebt, in

---

[1]) Plut. Sol. XV. Что Солонъ, уѣзжая, взялъ у Аѳинянъ клятву свято соблюдать его законы въ продолженіи десяти лѣтъ, объ этомъ между прочимъ разсказываетъ и Геродотъ: καὶ Σόλων ἀνὴρ Ἀθηναῖος...... ὁρκίοισι γὰρ μεγάλοισι κατείχοντο δέκα ἔτεα χρήσεσθαι νόμοισι, τοὺς ἄν σφι Σόλων θῆται. Herod. 1—29. По словамъ автора Noctes Atticae такое обязательство дали Аѳиняне на сто лѣтъ. Придавать историческое значеніе этимъ извѣстіямъ нѣтъ ни какого основанія.

Äthen, was nach Solons Charakter unwarscheinlich ist. Glaublich ist, dass er es vorgezogen hatte, nicht unter der Tyrannis und einem Manne gegenüber zuleben der sein Werk zezstört, vielmehr musste er wünschen seine letzte Tage in Ruhe zu beschliessen. (II—528). Но такое предположеніе опровергается во первыхъ извѣстіями другихъ писателей древности, признаваемыхъ болѣе авторитетными чѣмъ Діогенъ Лаэртій, а во вторыхъ стихотвореніями самаго Солона, между которыми есть нѣсколько такихъ отрывковъ, которые даютъ право предполагать, что путешествіе, о которомъ идетъ рѣчь, было предпринято Солономъ до узурпаціи Пизистрата [1]).

Первою страною, которую посѣтилъ Солонъ въ это путешествіе, былъ Египетъ [2]). Тамъ ему удалось войти въ близкія отношенія съ двумя жрецами, Псенофисомъ изъ Геліополя и Сонкхисомъ изъ Саиса, за свою мудрость пользовавшимися между своими соотечественниками самою громкою извѣстностію. Отъ нихъ онъ познакомился между прочимъ съ разсказами о древнихъ греческихъ генеалогіяхъ, о войнѣ, которую Аѳиняне вели съ Египтомъ за девять тысячъ лѣтъ до этого времени; отъ нихъ онъ узналъ также исторію острова Атлантиды. Разсказъ о судьбѣ, какая постигла этотъ островъ, на Солона произвелъ столь сильное впечатлѣніе, что по возвращеніи своемъ въ Аѳины онъ взялся было за составленіе поэмы, въ которой онъ намѣревался воспѣть трагическую участь этого острова [3]).

---

[1]) Болѣе обстоятельный разсказъ о прибываніи Солона въ Египтѣ мы находимъ у Платона въ его діалогѣ, подъ заглавіемъ Тимей.

Къ этому то времени относится слѣдующій стихъ Солона:

Νείλου ἐπὶ προχοῇσι Κανωβίδος ἐγγύθεν ἀκτῆς. Plut Sol. 26.

[2]) Чтобы согласовать извѣстіе о путешествіи Солона, какое даетъ Геродотъ и какое находимъ у Діогена, Мерзій допускаетъ, что Солонъ предпринялъ два путешествія, одно до тиранніи Пизистрата, а другое послѣ. Съ нимъ, видимо, соглашаются Абихтъ и Штейнъ (ad Her. 1—29).

[3]) Объ этой поэмѣ мы поговоримъ подробнѣе во второй части нашего сочиненія. По словамъ Геродота, Солонъ изъ Египта заимствовалъ законъ, налагавшій на правительство обязанность наблюдать за образомъ жизни гражданъ и наказывать тѣхъ, жизнь которыхъ будетъ признана предосудительною. Что нѣчто подобное существовало въ Афинахъ, это

Изъ Египта, по разсказу Плутарха, Солонъ отправился въ Кипръ, гдѣ между прочимъ посѣтилъ городъ Эпею и царя ея Филокипра [1]). Городъ этотъ, по преданію, былъ основанъ Демофонтомъ, сыномъ Тезея [2]), и занималъ весьма невыгодное мѣстоположеніе. Близость живописной и плодородной равнины, окружавшей городъ, подала мысль Солону предложить Филокипру перенести городъ на новое, болѣе удобное, мѣсто. Какъ оказалось Филокипръ внялъ совѣту своего высокаго гостя, и чрезъ нѣсколько времени, благодаря энергіи Солона, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго происходили всѣ работы по постройкѣ и укрѣпленію города, былъ выстроенъ городъ совсѣмъ не похожій на прежнюю Эпею. Бытъ его жителей сталъ быстро улучшаться; а это обстоятельство привлекало къ нему переселенцевъ изъ сосѣднихъ общинъ. Въ благодарность за столь великую услугу, Филокипръ назвалъ этотъ городъ, по имени его великаго основателя, Солами.

Сколько нибудь обстоятельныхъ извѣстій объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Солона нѣтъ; но тѣмъ не менѣе самъ фактъ пребыванія Солона на Кипрѣ и основаніе города Солы не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ они подтверждаются стихотвореніями Солона, между которыми находится отрывокъ одного стихотворенія, сказаннаго имъ на прощаніи съ Филокипромъ [3]).

Изъ Кипра Солонъ направилъ свой путь въ малую Азію. Тогда то [4]) по своей вѣроятности онъ былъ и въ Милетѣ, гдѣ

кажется вѣрно—но искать происхожденіе этого закона въ Египтѣ нѣтъ никакого основанія. Геродотъ въ этомъ случаѣ повторяетъ то, что и о другихъ греческихъ учрежденіяхъ, желая видѣть въ нихъ заимствованіе изъ востока. Нѣтъ никакой необходимости приписывать изданіе этого закона Дракону (какъ это дѣлаютъ Бэръ и Штейнъ).—Вѣроятнѣе всего онъ былъ изданъ Солономъ.

[1]) Тезей, по преданію, вслѣдствіе различныхъ полическихъ причинъ долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ—и умеръ будьто бы на островѣ Кипрѣ.

[2]) У Статія царь этотъ называется Кипраноромъ.

[3]) Объ этомъ отрывкѣ у насъ рѣчь впереди.

[4]) Хотя Плутархъ не упоминаетъ о томъ, къ какому періоду жизни относится пребываніе Солона въ Милетѣ, (если оно было въ дѣйствительности), но безъ сомнѣнія, разсказываемая встрѣча съ Ѳалесомъ могла происходить тогда, когда Солонъ уже пріобрѣлъ большую извѣстность своею мудростію и своими законами.

посѣтилъ знаменитаго отца философіи Ѳалеса. Объ этой встрѣчѣ Плутархъ разсказываетъ слѣдующее: Узнавъ, что Ѳалесъ живетъ холостякомъ, Солонъ выразилъ свое удивленіе, что тотъ прожилъ столько времени, нисколько не думая о бракѣ и произведеніи на свѣтъ потомства. Ѳалесъ ничего не отвѣчалъ; а чтобы объяснить Солону тѣ причины, которыя заставили его избѣгать брака, онъ прибѣгъ къ небольшой хитрости, которая состояла въ слѣдующемъ. Уговоривъ одного своего знакомаго выдавать себя за иностранца, недавно прибывшаго изъ Аѳинъ, онъ пригласилъ его къ себѣ въ тотъ вечеръ, когда обѣщалъ быть и Солонъ. Когда Солону представили этого мнимаго иностранца и когда ему сказали, что его новый знакомый недавно возвратился изъ Аѳинъ, то онъ поинтересовался узнать у него, что новаго произошло въ его отсутствіе въ Аѳинахъ. Заранѣе приготовивъ отвѣтъ на такой вопросъ, мнимый иностранецъ отвѣтилъ: ничего особеннаго—«впрочемъ хоронили тамъ какого то молодаго человѣка и его провожалъ весь городъ, ибо онъ былъ, какъ мнѣ говорили, сынъ извѣстнаго человѣка, который считался первымъ между гражданами но добродѣтели; но его въ то время тамъ не было, говорили, что онъ путешествуетъ уже съ давняго времени». «Какой несчастный», сказалъ Солонъ, «какъ же звали?». «Я слышалъ его имя», отвѣчалъ тотъ, «но никакъ его не могу припомнить, знаю только то, что много говорили о его мудрости и справедливости». Съ каждымъ словомъ смущеніе Солона увеличивалось все болѣе и болѣе; наконецъ возбужденный до крайности, онъ самъ навелъ иностранца на имя, спросивъ его, не былъ ли умершій сыномъ Солона. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Солонъ началъ бить себя по головѣ и вообще велъ себя такъ, какъ ведутъ себя люди, которыхъ постигло большое горе. Тогда Ѳалесъ, взявъ его за руку, сказалъ: вотъ что, Солонъ, удерживаетъ меня отъ брака и отъ произведенія на свѣтъ потомства; тоже самое, что терзаетъ теперь тебя, самаго твердаго изъ всѣхъ людей [1]).

---

[1]) Не нужно особенно много проницательности, чтобы прійти къ тому заключенію, что весь этотъ разговоръ—ничто иное, какъ плодъ досужей фантазіи какого нибудь глубокомысленнаго холостяка (по всей

Находясь въ малой Азіи, Солонъ, по разсказамъ Геродота, Плутарха и другихъ писателей, ѣздилъ также въ Сарды, гдѣ посѣтилъ тогдашняго царя Лидійскаго—Креза Съ нимъ, говорятъ, онъ имѣлъ разговоръ о сущности счастія, разговоръ, которому впослѣдствіи суждено было спасти жизнь Крезу. Но уже въ древности, по словамъ Плутарха, были писатели, которые за этимъ разсказомъ не признавали фактической достовѣрности, въ виду того, что онъ противурѣчитъ хронологическимъ таблицамъ, «которые», какъ говоритъ тотъ же писатель, «тысячи людей стараются исправить, хотя и до сихъ поръ не въ состояніи устранить противурѣчія и привести ихъ въ согла-

---

вѣроятности пиѳагорейца), у котораго разсказъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Солона почерпнулъ Гермиппъ, а отъ этого послѣдняго Плутархъ. Plut. Sol. VI.

Не лишнимъ будетъ здѣсь привести разсужденія Плутарха по поводу того пессимистическаго взгляда на бракъ, какого, будто бы, придерживался Ѳалесъ.

„Впрочемъ нелѣпо и малодушно не желать пріобрѣтенія того, что необходимо, единственно изъ боязни потерять это. Иначе не слѣдовало бы любить богатство, славу, мудрость—изъ страха, что можно лишиться ихъ послѣ пріобрѣтенія. Ибо мы видимъ, что даже совершенство нравственное, самое, лучшее и самое великое благо, вслѣдствіе болѣзни и отравы можетъ быть утрачено. Самъ Ѳалесъ, не смотря на свое безбрачіе, все таки не избавился бы отъ этого страха, если бы онъ не отказался также и отъ своихъ друзей, родственниковъ и отъ своего отечества. Но онъ самъ усыновилъ, какъ говорятъ, Кабиста, сына своей сестры.

Ибо душѣ врождена потребность любить;—какъ она способна чувствовать, познавать и помнить, такъ-же способна и любить. У кого нѣтъ своего предмета любви, къ тому вкрадывается въ душу и какъ бы прироcтаетъ извнѣ предметъ для него чужой; эта потребность любви подобна дому или имѣнію, не имѣющимъ законныхъ наслѣдниковъ, въ которые входятъ и которыми завладѣваютъ чужіе, незаконные дѣти или слуги. Вмѣстѣ съ чувствомъ любви овладѣваетъ нами и забота о любимомъ и опасеніе за него. Такъ можно встрѣтить людей, выражающихся грубо о бракѣ и о семейной жизни, а потомъ они же, если случится заболѣть и умереть ихъ дѣтямъ, рожденнымъ внѣ брака, терзаются печалію по нимъ и предаются малодушной скорби,—а другихъ даже смерть собакъ и лошадей повергаетъ въ такую постыдную печаль, что жизнь имъ кажется отравленною. Иные напротивъ, даже потерявъ законныхъ дѣтей, не впадаютъ въ чрезмѣрное горе и въ малодушіе, но разумно проводятъ остальное время жизни.“. Plut. Sol. VII. (Выписки изъ Плутарха сдѣланы по переводу Герье).

сіе [1]). Что же касается новѣйшихъ ученыхъ, то и ихъ мнѣнія на счетъ достовѣрности разсказовъ о встрѣчѣ и о разговорѣ Солона съ Крезомъ, расходятся. Гротъ всѣ эти разсказы считаетъ вымышленными; самое большое, что онъ находитъ возможнымъ допустить въ этомъ случаѣ, такъ это то, что Солонъ былъ когда нибудь въ Сардахъ и видѣлъ тамъ Креза, когда тотъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ [2]). Клинтонъ пытается устранить хронологическія противурѣчія при помощи того соображенія, что Солонъ, оставивъ Аѳины въ 575 году до Р. Хр., посѣтилъ Сарды въ 570 г. и что въ нихъ тогда одновременно царствовалъ Крезъ съ отцомъ своимъ Аліатомъ; съ нимъ согласны Веселингъ и Бэръ [3]). Какъ ни шатко само по себѣ послѣднее предположеніе, но даже, признавъ за нимъ историческій характеръ, тѣмъ не менѣе достовѣрность разсказа о встрѣчѣ и разговорѣ Солона съ Крезомъ о счастіи является болѣе чѣмъ сомнительною. Тенденціозный характеръ, какимъ съ начала до конца запечатлѣна исторія объ этой встрѣчѣ, даетъ право предполагать, что фактической, исторической основы разсказъ этотъ не имѣетъ. Своимъ происхожденіемъ разсказъ этотъ по всей вѣроятности обязанъ какому нибудь древнему моралисту, который впослѣдствіи послужилъ Геродоту [4]) матеріаломъ для одного изъ самыхъ художественныхъ эпизодовъ его исторіи. Отъ Геродота разсказъ объ этой встрѣчѣ

---

[1]) οὔ μοι δοκῶ προήσεσθαι χρονικοῖς τισι λεγομένοις κανόσιν, οὕς μυρίοι διορθοῦντες ἄχρι σήμερον εἰς οὐδὲν αὑτοῖς ὁμολογούμενον δύνανται καταστῆσαι τὰς ἀντιλογίας. Plut Sol. c. XXVII.

[2]) Grote.—History of the Greece, нѣм. перев. Мейснера. Т. 11—116.

[3]) The difficulties are obviated by the subposition that Solon visited Lydia about B. C. 570, in the lifetime of Alyattes, during the joint reign of Croesus with his father. См. Fynes Clinton—The civil and literary Chronology of Greece.—Бруккеръ, Клавіе, Грауэртъ отвергаютъ пребываніе Солона у Креза. Обстоятельный разборъ сказанія о встрѣчѣ Солона съ Крезомъ можно найти въ диссертаціи Шуберта (de Croeso et Solone fabula). который всѣ разсказы объ этой встрѣчѣ считаетъ вымысломъ.

[4]) По мнѣнію Шуберта разсказъ этотъ выдуманъ самимъ Геродотомъ; по крайней мѣрѣ всѣ разсказы объ этомъ со всѣми варіяціями построены на разсказѣ Геродота.

заимствовали и Плутархъ, который разсказываетъ о ней слѣдующее: Говорятъ, что Солону, прибывшему въ Сарды, по приглашенію Креза, пришлось испытать то, что обыкновенно испытываетъ человѣкъ, живущій вдали отъ морскаго берега и въ первый разъ совершающій путь къ морю. Такой человѣкъ, встрѣчая то одну то другую рѣку, каждую принимаетъ за море [1]). Тоже самое случилось теперь съ Солономъ: проходя по дворцу и видя множество царедворцевъ, одѣтыхъ въ великолѣпныя платья и пышно расхаживающихъ въ толпѣ слугъ и тѣлохранителей, онъ каждаго принималъ за Креза, пока наконецъ не былъ приведенъ къ самому царю, который предсталъ передъ нимъ, навѣсивъ на себя все, что считалъ онъ самымъ великолѣпнымъ и завиднымъ изъ драгоцѣнныхъ камней, роскошныхъ одеждъ и изящныхъ золотыхъ вещей, съ тѣмъ, чтобы представить изъ себя зрѣлище, поражающее своимъ величіемъ и своимъ блескомъ. Когда же Солонъ, ставъ противъ него, при этомъ зрѣлищѣ не только не почувствовалъ и не сказалъ ничего такого, чего ожидалъ Крезъ, но далъ ясно замѣтить здравомыслящимъ людямъ свое презрѣніе къ этой безсмысленной роскоши, тогда царь приказалъ показать ему всѣ свои сокровищницы, хотя это было излишне, такъ какъ достаточно было одного вида Креза, чтобы составить о немъ ясное понятіе. Когда же Солонъ, осмотрѣвъ все, явился опять къ Крезу, тогда царь спросилъ его, видѣлъ ли онъ кого нибудь счастливѣе его. Солонъ отвѣтилъ, что видѣлъ и что такимъ былъ его согражданинъ Теллъ, при чемъ разсказалъ Крезу, что этотъ Теллъ былъ человѣкъ честный, провелъ жизнь, не испытывая никогда недостатка ни въ чемъ необходимомъ, оставилъ всѣми уважаемыхъ

---

[1]) Сравнивая разсказъ Плутарха о встрѣчѣ Солона съ Крезомъ о томъ же—Геродота, нельзя не замѣтить, что у Плутарха, по крайней мѣрѣ, эта часть изложена съ нѣкоторыми прикрасами, и добавленіями, которыхъ нѣтъ у Геродота.

По словамъ Цедрена, Солонъ какимъ то образомъ попалъ въ плѣнъ къ Крезу, и на вопросъ его, можетъ ли онъ найти человѣка счастливѣе его, Солонъ отвѣчалъ, что можетъ, и какъ на такого онъ указалъ на Діогена Киника и на другихъ. Вообще—Византійскіе историки разсказываютъ различныя небылицы о Солонѣ. Григорій Назіанзинскій напр. об-

дѣтей и умеръ славною смертью, сражаясь за отечество [1]). Хотя Солонъ и безъ того показался Крезу чудакомъ и невѣждою, такъ какъ онъ соразмѣрялъ счастіе не по количеству золота и серебра, а жизнь и смерть какого то простаго и неизвѣстнаго человѣка ставилъ выше столь великаго имущества и славы, тѣмъ не менѣе онъ спросилъ его еще разъ, знаетъ ли онъ кого нибудь послѣ Телла счастливѣе его—Креза. Солонъ опять отвѣчалъ, что знаетъ, и что такими были Клеобисъ и Битонъ, два брата, прославившіеся взаимною любовію и преданностію къ своей матери. Когда однажды волы запоздали, они надѣли на себя ярмо и привезли ее въ храмъ Геры, что обрадовало мать и прославило ее между гражданами [2]). Потомъ они ѣли и пили; но на другой день уже не встали, а оказались мертвыми, найдя себѣ послѣ столь великой славы смерть безъ скорби и печали. Тогда Крезъ уже въ гнѣвѣ воскликнулъ, неужели ты вовсе не причисляешь насъ къ счастливымъ людямъ. Солонъ, не желая ему ни льстить ни разсердить еще больше сказалъ «Царь Лидійскій, божество дало Гелленамъ все въ мѣру и мудрость наша дана намъ въ мѣру. Мудрость наша здравая и откровенная, но не царская и не блестящая, видя, что жизнь во всякое время подвержена разнообразнымъ перемѣнамъ, не позволяетъ гордиться существующими благами и удивляться человѣческому счастію, подверженному перемѣнамъ времени. Ибо будущность, которая ожидаетъ каждаго, разнообразна и неизвѣстна. Только того считаемъ мы счастливымъ, чье благоденствіе божество продлило до конца. Прославленіе же человѣка еще живущаго и выставленнаго на всѣ превратности жизни, стольже не надежно и неразумно, какъ провоз-

---

виняетъ его въ жадности и корыстолюбіи.—См. orat. adversus Julianum. 1. (изъ Мерзіуза).

[1]) Война эта, въ которой сражался Теллъ, у Геродота, указана: γενομένης γὰρ 'Αθηναίοισι μάχης πρὸς τοὺς ἀστυγείτονας ἐν ἐλευσῖνι... ibid.

[2]) Амміанъ по этому поводу говоритъ, что Солонъ за неумѣніе польстить былъ прогнанъ Крезомъ (Lib. XV—V). Само собою разумѣется, что знаніемъ этого обстоятельства Амміанъ обязанъ исключительно своей фантазіи.

глашеніе побѣдителемъ и вѣнчаніе борца еще сражающагося». Сказавъ это, Солонъ удалился, огорчивъ, но не образумивъ Креза [1]). Изъ этого разговора Крезъ пришелъ только къ тому заключенію, что Солонъ совершенный невѣжа, если онъ оставляя безъ всякаго вниманія имѣющіяся блага, приказываетъ ждать конца жизни.

Но не долго пришлось ждать Крезу, чтобы убѣдиться въ истинѣ словъ Солона. На него, по словамъ Геродота, обрушилась месть божества за то что онъ считалъ себя самымъ счастливымъ изъ всѣхъ людей. Недолго спустя послѣ отъѣзда Солона, погибъ его любимый сынъ Атисъ [2]), а вскорѣ затѣмъ ему самому пришлось потерять свое царство; потерялъ бы онъ также

---

[1]) Іоаннъ Цецесъ дополнилъ этотъ мифъ, пояснивши, что мать тогда была больна и отправиться пѣшкомъ не могла (νοσούσης τούτων τῆς μητρός). (Chil. 1. hist. 1.) Schubert—41.

[2]) Безвременная смерть Атиса была предсказана Киру во снѣ, причемъ было указано орудіе, отъ котораго суждено было погибнуть его любимцу. Во избѣжаніе этого несчастія, Крезъ немедленно женилъ своего сына, устранилъ его отъ всѣхъ занятій, при которыхъ приходится имѣть дѣло съ оружіемъ; равно велѣлъ вынести все оружіе, какое только находилось въ покояхъ занимаемыхъ Атисомъ. Но, какъ говоритъ Солонъ, что разъ предопредѣлили боги, того избѣгнуть нельзя. Въ это время прибылъ къ Крезу Адрастъ, сынъ царя Гордія—Мидянинъ. Этотъ Адрастъ убилъ по неосторожности своего брата, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить родину и искать защиты и покровительства у Креза, который, по своему великодушію, не отказалъ ему въ его просьбѣ. Вскорѣ послѣ этого отъ Мидянъ къ Крезу пришли послы съ просьбой помочь имъ убить кабана, который полямъ ихъ наноситъ страшныя опустошенія, для каковой цѣли они умоляли его устроить охоту, въ которой принялъ бы также участіе и Атисъ. Царь, вспомнивъ о роковомъ сновидѣніи, ни за что не соглашался отпустить своего сына. Но у Атиса явилось сильное желаніе позабавиться охотой за невидѣннымъ имъ еще звѣремъ, а потому онъ всячески сталъ упрашивать отца позволить ему принять участіе въ снаряжаемой облавѣ. Какіе доводы ни приводилъ Атисъ, Крезъ долго оставался непреклоннымъ; наконецъ все таки удалось склонить царя, указавъ на то, что сонъ предсказывалъ ему смерть отъ желѣзнаго оружія, но отнюдь не отъ клыковъ кабана. Но охота эта имѣла самыя гибельныя послѣдствія: стрѣла Адраста, пущенная имъ въ кабана, вслѣдствіе роковаго промаха, попала въ Атиса, отъ которой тотъ и умеръ на мѣстѣ. Herod. 1—34.

и жизнь, если бы въ эту роковую минуту, когда связанный лежалъ на кострѣ, не вспомнилъ онъ о Солонѣ и о его знаменательныхъ словахъ, къ которымъ онъ въ свое время отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ [1]).

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ объ этомъ происшествіи Плутархъ: Вскорѣ послѣ этого онъ сразился съ Киромъ и потерпѣвъ пораженіе, онъ потерялъ городъ, а самъ взятый въ плѣнъ, былъ осужденъ на сожженіе живымъ. На это зрѣлище сошлись смотрѣть всѣ Персы, присутствовалъ даже самъ Киръ. Когда же костеръ былъ приготовленъ, и его связаннаго заставили взойти на него, тогда Крезъ, возвысивъ голосъ, и на сколько хватило силы, закричалъ трижды, о Солонъ! Киръ, изумившись этому, послалъ спросить его: кто этотъ Солонъ, къ которому къ одному онъ взываетъ въ такомъ страшномъ несчастіи, богъ ли это какой нибудь, или человѣкъ". Крезъ, ничего не скрывая, отвѣтилъ: это былъ одинъ изъ греческихъ мудрецовъ, котораго я приглашалъ къ себѣ не за тѣмъ, чтобъ слушать его, или научиться тому, чего у меня не доставало, но чтобы онъ сдѣлался зрителемъ и возвратился свидѣтелемъ того богатства, потеря котораго причинила мнѣ большое бѣдствіе, чѣмъ обладаніе имъ дало мнѣ наслажденія. Ибо все мое благополучіе было только пустымъ звукомъ, а переворотъ въ немъ завершился для меня страшными бѣдствіями и неизбѣжною гибелью. И этотъ мужъ, предвидя по тогдашнимъ обстоятельствамъ теперешнее положеніе дѣлъ, совѣтовалъ мнѣ озираться на конецъ жизни и не впадать въ высокомѣріе, слишкомъ много полагаясь на эти скоропреходящіе призраки. Когда слова эти были переданы Киру, онъ, будучи мудрѣе Креза, и найдя, что совѣтъ Солона слишкомъ убѣдительно подтверждается въ предстоящемъ случаѣ, не только освободилъ Креза, но и держалъ его въ почетѣ, въ продолженіи всей его жизни. Plut. Sol. XXVIII. У Геродота этотъ фактъ переданъ нѣсколько иначе; между прочимъ у него читаемъ, что когда былъ зажженъ костеръ, Аполлонъ, сжалившись надъ несчастнымъ, ниспослалъ большой дождь, отъ котораго пламя сразу потухло. Весь этотъ разсказъ съ начала до конца (въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ приводится Геродотомъ) заключаетъ въ себѣ много чудеснаго, чтобы можно было признать его исторически достовѣрнымъ. Замѣтимъ здѣсь, что Бэръ (въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ отрывкамъ Ктезія—104) указалъ одно обстоятельство, опровергаемое тѣмъ, что извѣстно въ наукѣ о религіи древнихъ Персовъ: огонь у нихъ считался священнымъ предметомъ, а потому, говоритъ этотъ ученый, нельзя допустить, чтобы эта святая стихія была употреблена какъ орудіе казни. Дункеръ, основываясь главнымъ образомъ на Николаѣ Дамаскинѣ, исторію съ костромъ объясняетъ такимъ образомъ, что Крезъ, не желая пережить паденіе своего царства и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвратить гнѣвъ боговъ, въ которомъ онъ видѣлъ причину своего несчастія, рѣшился принести себя въ жертву богу Сандону и сжечь себя

Говорятъ также, что Солонъ, находясь въ Сардахъ, видѣлся съ баснописцемъ Эзопомъ, который находился при дворѣ Креза и пользовался тамъ большимъ уваженіемъ. Узнавъ, что царь, по извѣстнымъ причинамъ, оказалъ Солону пріемъ не особенно радушный, онъ предъ своимъ соплеменникомъ выразился такимъ образомъ, «что съ царями нужно разговоривать или какъ можно рѣже, или какъ можно угодливѣе». На это Солонъ ему возразилъ «Сохрани Богъ—или какъ можно рѣже, или какъ можно правдивѣе».

Ѣздилъ ли Солонъ еще куда нибудь, оставивъ Сарды, или нѣтъ, не извѣстно. Вѣроятнѣе всего, что посѣщеніемъ Сардъ онъ окончилъ свое путешествіе по чужимъ краямъ, и что оттуда онъ обратно направилъ свой путь въ Аѳины, куда и возвратился въ 565 г. до Р. Хр. [1]).

живымъ, какъ это сдѣлалъ Сарданапалъ до него и Гамилькаръ сынъ Ганона послѣ него. Киръ не находилъ повода удерживать Креза отъ такой геройской рѣшимости. Полившій ведромъ дождь (весь день, по словамъ Дамаскина, стояло небо пасмурное) показалъ Крезу, что боги не желаютъ такой жертвы и внушилъ Киру мысль освободить царственнаго плѣнника и обращаться съ нимъ милостиво. (II—540). —Курціусъ думаетъ, что эта исторія выдумана жрецами для прославленія благочестія Креза и славы и величія Аполлона (ист. Греціи 1—481).

Другой греческій историкъ Ксенофонтъ, бывшій, какъ извѣстно, большимъ почитателемъ Кира, о кострѣ не упоминаетъ ни слова, говоритъ, что Киръ, послѣ взятія Сардъ, приказалъ привести къ себѣ Креза, съ которымъ милостиво велъ продолжительный разговоръ. (Сугор. VII—2).

[1]) Эта хронологическая цифра, равно какъ и другія, принадлежитъ Клинтону.

О томъ, что происходило въ Аттикѣ въ отсутствіе Солона, ничего не извѣстно; немного также имѣется извѣстій и о тѣхъ событіяхъ, которыя происходили тамъ послѣ его возвращенія. По словамъ Плутарха, спокойствіе въ Аѳинахъ продолжалось не долго: прежніе раздоры и несогласія, которые, казалось, утихли, благодаря тѣмъ обширнымъ реформамъ, введеніемъ которыхъ Аттика была обязана Солону, появились снова. Не исчезли также и тѣ партіи, на которыя распадалось населеніе Аттики до вступленія Солона на поприще законодателя. Такихъ партій [1]) было три: партія Педіеевъ, во главѣ которой стоялъ Ликургъ, партія Параліевъ, которою руководилъ Мегаклъ, наконецъ вожакомъ третьей партіи, т. е. партіи Діакріевъ, былъ Пизистратъ, которому въ скоромъ времени суждено было играть весьма важную роль въ Аттикѣ. По своему происхожденію Пизистратъ былъ человѣкъ весьма знатнаго рода, такъ какъ онъ былъ [2]) прямымъ потомкомъ Кодра. Отецъ его назывался Гиппократомъ. О матери его ничего не извѣстно; не извѣстно даже ея имя: говорятъ только, что она была женщиною довольно легкаго поведенія. Разсказываютъ также, что своимъ лицемъ Пизистратъ чрезвычайно походилъ на изображеніе Діонисія, отъ чего къ его имени нѣкоторые писатели присоединяли эпитетъ Βάκις [3]). Еще до появленія на свѣтъ Пи-

---

[1]) О цѣляхъ и стремленіяхъ этихъ партій мы говорили выше.
[2]) Apollod. Lib. 1; Athenn. Lib. XII—Meurs.
[3]) Suidas. Βάκις—ἐπίθετον Πεισιστράτου.

зистрата, боги дали знать отцу, что сынъ его будетъ великимъ человѣкомъ, и что онъ займетъ весьма видное положеніе въ государствѣ. По разсказу Геродота, когда однажды Гиппократъ, присутствуя на Олимпійскихъ играхъ, приносилъ тамъ жертву, то случилось, что котлы, наполненные мясомъ и водою закипѣли безъ огня. Лакедемонянинъ Хилонъ, видѣвшій это необыкновенное явленіе, посовѣтовалъ Гиппократу не жениться;—если же у него уже есть жена, то развестись съ нею; если же у него есть и ребенокъ, то отказаться отъ него. Гиппократъ однако не думалъ слѣдовать совѣту своего пріятеля, и когда у него родился Пизистратъ, то оставилъ его при себѣ и далъ ему самое старательное воспитаніе. Еще въ дѣтствѣ Пизистратъ познакомился съ Солономъ, съ которымъ онъ находился въ родствѣ по матери, и въ скоромъ времени между ними завязалась самая горячая дружба. Природа щедро надѣлила Пизистрата многими качествами, доставившими ему любовь и расположеніе Аѳинянъ. Онъ отличался большею храбростію, обладалъ блестящимъ даромъ слова, а еще большимъ честолюбіемъ, для удовлетворенія котораго онъ не останавливался ни предъ чѣмъ. Хотя по своему происхожденію онъ принадлежалъ къ аристократамъ, но такъ какъ интересы и стремленія этой партіи не соотвѣтствовали его честолюбивымъ видамъ, то онъ рѣшился примкнуть къ народной партіи п для того, чтобы расположить ее въ свою пользу, онъ не опускалъ ничего. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ открыто заявлялъ свой демократическій образъ мыслей, выдавалъ себя за врага всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ перемѣнъ въ существующемъ государственномъ етроѣ; со всѣми обходился привѣтливо и любезно и съ величайшею готовностію помогалъ бѣднымъ, чѣмъ только могъ—совѣтами или деньгами.

Реформы Солона, какъ извѣстно, понравились далеко не всѣмъ; особенно не по душѣ онѣ были Эвпатридамъ, которымъ пришлось потерять значительную долю тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми они одни пользовались до Солона. По всей вѣроятности, въ его отсутствіе, они стали принимать мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы уничтожить новый порядокъ вещей,

и на сколько возможно, возвратить государство къ тому положенію, въ какомъ находилось оно до Солона. Народъ, предвидя опасность, угрожающую его свободѣ, сталъ волноваться; свое недовольство, свой ропотъ онъ не думалъ скрывать нисколько, вслѣдствіе чего въ городѣ съ каждымъ днемъ безпорядки увеличивались все болѣе и болѣе. Въ самый разгаръ этихъ неурядицъ Солонъ возвратился въ Аѳины. Первою его заботою на этотъ разъ было желаніе примирить враждующія между собою партіи. Зная, что между причинами, производящими смуты въ гоударсрствѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ личное честолюбіе вождей партій, онъ обращался къ нимъ и уговаривалъ ихъ прекратить раздоры и изъ за личныхъ интересовъ не подвергать опасности все государство. Но къ несчастію, его благородныя усилія остались безуспѣшны: всѣ его слушали, всѣ оказывали ему почтеніе, но слѣдовать его совѣтамъ никто не изъявилъ особенной охоты; вслѣдствіе своего преклоннаго возраста Солонъ уже потерялъ какъ энергію въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и убѣдительность въ словахъ, которые его отличали прежде. Какъ же велъ себя въ это время Пизистратъ? Какъ и слѣдовало ожидать, онъ сразу сталъ на сторону народа, у котораго онъ пріобрѣлъ неограниченное довѣріе, при его помощи онъ задумалъ достигнуть неограниченнаго господства надъ аѳинянами, т. е. сдѣлаться тираномъ, и для этой цѣли онъ, говорятъ, поступилъ слѣдующимъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день Пизистратъ, изранивъ себя и своихъ муловъ, явился въ колесницѣ на площадь, дѣлая видъ бы онъ спасается отъ своихъ враговъ, которые де рѣшили погубить его за его расположеніе къ народу. Толпа, окружавшая его колесницу, при этихъ словахъ пришла въ негодованіе [1]). Созвано было немедленно народное собраніе, на которомъ нѣкто Аристонъ, одинъ изъ самыхъ преданныхъ клевретомъ Пизистра-

[1]) По словамъ Плутарха Солонъ, которому случилось присутствовать при этой сценѣ, подойдя къ Пизистрату, сказалъ ему: „οὐ καλῶς, ὦ παῖ Ἱπποκράτους, ὑποκρίνῃ τὸν Ὁμηρικὸν Ὀδυσσέα· ταῦτα γὰρ ποιεῖς τοὺς πολίτας παρακρουόμενος, οἷς ἐκεῖνος τοὺς πολεμίους ἐξηπάτησεν αἰκισάμενος ἑαυτόν“. Plut. Sol. XXX.

та, предложилъ назначить ему въ тѣлохранители 50 человѣкъ, вооруженныхъ палицами. Это предложеніе, еще раньше одобренное сенатомъ, состоявшимъ въ это время по большей части изъ приверженцевъ Пизистрата, было безъ всякихъ разсужденій принято народнымъ собраніемъ. Отъ проницательности Солона не могло скрываться истинное значеніе этой мѣры. Онъ ясно видѣлъ, что для аѳинской свободы она можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія; а потому онъ сталъ убѣждать и уговаривать своихъ гражданъ отвергнуть предложеніе Аристона. По этому поводу онъ даже произнесъ длинную рѣчь [1]), въ которой выставлялъ на видъ аѳинянамъ всю опасность, какую они навлекутъ на себя въ томъ случаѣ, если они разрѣшатъ Пизистрату держать при себѣ вооруженную стражу. Но всѣ усилія Солона оставались тщетными: масса аѳинскаго народа всецѣло стоявшая на сторонѣ Пизистрата, отъ котораго она надѣялась получить тѣ блага, какія напрасно ожидала она отъ Солона, упорно стояла на своемъ. Что же касается богачей и аристократовъ, то, хотя они и понимали, къ чему клонится комедія, розыгриваемая Пизистратомъ, хотя они сознавали, что осуществленіе его честолюбивыхъ замысловъ не можетъ особенно благодѣтельно отозваться на ихъ положеніи, тѣмъ не менѣе въ виду своего безсилія противъ всего народа, горою стоявшаго за Пизистрата, она предпочла оставаться въ сторонѣ и не вмѣшиваться въ это дѣло. Такого образа дѣйствій они должны были придерживаться тѣмъ болѣе, что и средній зажиточный классъ былъ также на сторонѣ Пизистрата, такъ какъ большинство членовъ сената, по словамъ Діогена Лаэртія, были сторонниками Пизистрата [2]), а, какъ извѣстно, засѣдать въ сенатѣ могли только

---

[1]) Когда Солонъ увидѣлъ, что всѣ его доводы остаются безъ всякаго вліянія на настроеніе народа, онъ сталъ укорять его за то легкомысленное довѣріе, съ какимъ относился онъ ко всѣмъ словамъ и обѣщаніямъ Пизистрата, говоря:

εἰς γὰρ γλῶσσαν ὁρᾶτε καὶ εἰς ἔπη αἱμίλου ἀνδρός·
ὑμῶν δ' εἷς μὲν ἕκαστος ἀλώπεκος ἴχνεσι βαίνει,
συμπασιν δ' ὑμῖν χαῦνος ἔνεστι νόος· Bergk. Sol.

[2]) Καὶ ἡ βουλὴ Πεισιστρατίδαι ὄντες, μαίνεσθαι ἔλεγον αὐτόν. Diog. Laert. Sol. 1—49.

граждане первыхъ трехъ классовъ, т. е. имѣвшіе по крайней мѣрѣ 200 (по мнѣнію другихъ 150) драхмъ годоваго дохода. Сенатъ въ своемъ усердіи къ Пизистрату зашелъ такъ далеко, что не только одобрилъ предложеніе Аристона, но и объявилъ Солона сумашедшимъ, когда онъ началъ предостерегать и увѣщевать аѳинянъ не постановлять рѣшенія, которымъ они могли бы наложить руку на свою собственную свободу. На эту выходку—Солонъ въ благородномъ негодованіи отвѣтилъ [1]), что »время докажетъ мое безуміе, когда истина выйдетъ наружу«.

Не долго пришлось ждать того времени, въ которое должны были оправдаться предсказанія Солона. Отрядъ въ 50 человѣкъ, вооруженныхъ простыми палицами, въ скоромъ времени показался Пизистрату недостаточнымъ для полной безопасности его особы. Не прибѣгая уже на этотъ разъ ни къ сенату ни къ народному собранію, онъ значительно увеличилъ число своихъ тѣлохранителей и далъ имъ вмѣсто палицъ настоящее оружіе. Когда такимъ образомъ все необходимое для введенія тиранніи было готово, Пизистратъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ: въ одно прекрасное утро онъ своимъ отрядомъ занялъ Акрополь. Извѣстіе объ этомъ государственномъ переворотѣ съ быстротою молніи разнеслось по всему городу и привело всѣхъ въ большое смятеніе. Только сколько нибудь дальновидные люди могли ожидать отъ Пизистрата подобнаго поступка, а потому большинство горожанъ было застигнуто въ расплохъ и не знало, что дѣлать. Аристократы, а особенно тѣ изъ нихъ, которые вслѣдствіе своего участія въ борьбѣ Мегакла съ Пизистратомъ, имѣли поводъ опасаться мести со стороны этого послѣдняго, стали оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ, тѣ же, которые не покидали города, противудѣйствовать Пизистрату по разнымъ причинамъ и не думали. Въ это критическое время не потерялъ головы и не падалъ духомъ только одинъ Солонъ. Не смотря на свой преклонный возрастъ, онъ при первомъ извѣстіи о захватѣ Акрополя, выбѣжалъ на площадь и сталъ упо-

---

[1]) ὅθεν εἶπε ταυτί—δείξει δὴ μανίην μὲν ἐμὴν βαιὸς χρόνος ἀστοῖς, δείξει ἀληθείης ἐς μέσον ἐρχομένης. ibid.

треблять отчаянныя усилія, чтобы возбудить въ своихъ согражданахъ энергію и охоту спасать свободу отъ дерзкаго покушенія хитраго честолюбца. То осуждая ихъ за неблагоразуміе и слабость, то ободряя и вызывая на отпоръ коварныхъ замысловъ тиранна, онъ говорилъ аѳинянамъ между прочимъ: прежде уничтожить тираннію, когда она еще была въ зародышѣ, было дѣломъ очень легкимъ; но за то уничтожить ее теперь, когда она уже взросла и явилась—дѣло (хотя и трудное, но за то) болѣе славное и болѣе знаменитое [1]). Но на зовъ Солона не явился никто; одни изъ страха, другіе вслѣдствіе политическаго индеферентизма [2]) (и такихъ, вѣроятно, было большинство) браться за оружіе противъ тиранна не думали; вмѣсто этого они предпочитали спокойно выжидать хода событій. Тогда Солонъ, видя, что всѣ его усилія остаются тщетными и положивъ оружіе передъ дверями—сказалъ: »на сколько было въ моихъ силахъ, я стоялъ за отечество и за законы« [3]).

По словамъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, Солонъ, послѣ этого coup d' état, оставилъ Аѳины, путешествовалъ по различнымъ краямъ и умеръ по словамъ однихъ на островѣ Кипрѣ (Свида, Діогенъ Лаэртій), по мнѣнію же другихъ въ Сардахъ, столицѣ Лидіи. Но всѣ эти извѣстія лишены всякаго основанія. Уходить изъ Аѳинъ Солонъ и не думалъ. Такой поступокъ Солона его друзья и пріятели находили неблагоразумнымъ: они опасались, что Пизистратъ, помня образъ дѣйствій Солона, когда тотъ приводилъ въ исполненіе свои честолюбивые замыслы, сдѣлавшись тиранномъ, не преминетъ погубить своего злѣйшаго

---

[1]) πρώην μὲν ἦν εὐμαρέστερον αὐτοῖς το κωλύσαι τὴν τυραννίδα συνισταμένην, νῦν δὲ μεῖζόν ἐστι καὶ λαμπρότερον ἐκκόψαι καὶ ἀνελεῖν συνεστῶσαν ἤδη καὶ πεφυκυῖαν. Plut. Sol. XXX.

[2]) Поведеніе афинскихъ гражданъ во время, когда Пизистратъ совершилъ государственный переворотъ, можетъ служить до нѣкоторой степени подтвержденіемъ нашего мнѣнія, что извѣстіе Плутарха о изданіи Солономъ закона, который угрожалъ атиміей гражданамъ, державшимъ себя нейтрально во время борьбы политическихъ партій, исторически вѣрнымъ признано быть не можетъ.

[3]) ἐμοὶ μὲν (εἶπεν) ὡς δυνατὸν ἦν, βεβοήθηται τῇ πατρίδι καὶ τοῖς νόμοις· Plut. Sol. XXX.

политическаго врага; а потому они уговаривали Солона оставить родину и искать спасенія въ бѣгствѣ. Но слѣдовать этому совѣту у него не было ни малѣйшей охоты. Когда же его спрашивали, на что онъ надѣется, отвѣчалъ: »на старость«. Надѣялся ли Солонъ на свою старость, или на что нибудь другое, фактомъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію является то, что Пизистратъ, захвативъ верховную власть въ Аѳинахъ, не только не трогалъ Солона, но всегда относился къ нему со вниманіемъ и уваженіемъ. Прежнее свое знакомство и дружбу съ Солономъ онъ всячески поддерживать и теперь; съ этою цѣлью онъ часто посѣщалъ его, приглашалъ его къ себѣ, а въ важныхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтами, въ которыхъ тотъ ему никогда не отказывалъ. Долгое время Пизистратъ законы Солона оставлялъ безъ всякихъ измѣненій [1]); но сказать, чтобы онъ всегда воздерживался отъ злоупотребленій незаконно пріобрѣтенною имъ властію, нельзя. Еще при жизни Солона аѳинянамъ пришлось почувствовать всю горечь своего неблагоразумія, своей необдуманности. Видно, что Пизистратъ своимъ образомъ дѣйствій въ одно время сталъ возбуждать ропотъ и недовольство въ умахъ своихъ поданныхъ. Какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, протерпѣвшіе свои бѣдствія приписывали волѣ боговъ и въ своихъ несчастіяхъ жаловались на судьбу. По этому поводу Солонъ написалъ стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ говоритъ своимъ соотечественникамъ, «что если вы терпите бѣдствія, то виною этому ваше малодушіе, но отнюдь не безсмертные боги» [2]).

О послѣднихъ годахъ жизни Солона извѣстно очень немного. Оставивъ государственное поприще, онъ велъ тихую

---

[1]) Здѣсь конечно не можетъ быть рѣчи о законахъ конституціонныхъ, которые, послѣ появленія тираннін Пизистрата, должны были въ существенныхъ своихъ частяхъ потерять всякое значеніе.

[2]) Εἰ δὲ πεπόνθατε λυγρὰ δι' ὑμετέρην κακότητα,
μή τι θεοῖς τούτων ἐπαμφέρετε·
αὐτοὶ γὰρ τούτους ηὐξήσατε ῥύματα δόντες,
καὶ διὰ ταῦτα κακὴν ἔχετε δουλοσύνην....
11. Bergk, Poetae Lyr.

уединенную жизнь, посвятивъ свой досугъ занятіямъ музыкой и поэзіей. Въ это время [1]) началъ давать свои трагическія представленія Өесписъ, который, можно сказать, произвелъ эпоху въ развитіи драмы. До него трагедія представляла собою ничто иное, какъ простое пѣніе вокругъ жертвенника различныхъ гимновъ въ честь Вакха и другихъ боговъ; гимны эти распѣвались хоромъ, а самое пѣніе сопровождалось пляской вокругъ того же жертвенника. Өесписъ [2]) ввелъ то существенное измѣненіе, что у него изъ хора сталъ выдѣляться одинъ актеръ, который мимически представлялъ событія, воспѣваемыя въ гимнахъ. Народъ аөинскій, падкій на всякаго рода зрѣлища, цѣлыми толпами собирался на представленія Өесписа. Говорятъ, что на одно изъ такихъ представленій зашелъ и Солонъ. Когда Өесписъ кончилъ свою игру (долгое время актеры были вмѣстѣ съ тѣмъ и авторами разыгриваемыхъ ими піесъ), Солонъ подошелъ къ нему и спросилъ, какъ ему не стыдно врать въ присутствіи такой многочисленной публики. На это Өесписъ замѣтилъ ему, что нѣтъ ничего дурнаго въ подобнаго рода словахъ и дѣйствіяхъ, если это дѣлается для забавы. Тогда Солонъ, ударивъ объ земь палкой, возразилъ: »одобряя и уважая такую забаву, мы скоро и на свои гражданскія обязательства будемъ смотрѣть, какъ на забаву» [4]).

Какъ долго жилъ еще Солонъ послѣ паденія своей конституціи, когда онъ умеръ, это—такіе вопросы, отвѣтить на которые, за неимѣніемъ данныхъ, нельзя даже и съ приблизи-

---

[1]) Вольней полагаетъ, что разсказываемый здѣсь фактъ произошелъ до поѣздки Солона въ чужіе края; приблизительно, въ это время, произошла и встрѣча Солона съ Анахарсисомъ. Chronologie d'Herodotl 1808. 1—55.

[2]) Болѣе подробныя извѣстія о Өесписѣ можно найти въ любомъ сочиненіи о греческомъ театрѣ.

[3]) На счетъ этого разсказа нельзя не согласиться съ Гротомъ въ томъ, что признавать за нимъ историческую достовѣрность нѣтъ особенныхъ основаній. По всей вѣроятности, разсказъ этотъ представляетъ собою протестъ какого нибудь стариннаго философа противъ того увлеченія, съ какимъ аөинская публика смотрѣла на драматическія представленія.

тельною точностію. По словамъ Гераклида Понтика, Солонъ послѣ того, какъ утвердилась тираннія Пизистрата, жилъ еще довольно долго; между тѣмъ какъ Фаній Лесбоскій утверждаетъ, что послѣ узурпаціи Пизистрата Солонъ не прожилъ и двухъ лѣтъ; съ мнѣніемъ послѣдняго согласно большинство ученыхъ. Умеръ онъ въ глубокой старости—вѣроятно имѣя отъ роду 80 лѣтъ (приблизительно). Нѣкоторые писатели, какъ напр. Лукіянъ и другіе утверждаютъ. что Солонъ жилъ сто лѣтъ; но эта цифра, нѣтъ никакого сомнѣнія, значительно преувеличена. Скончался онъ вѣроятнѣе всего въ Аѳинахъ (а не въ Киликіи или на Кипрѣ, какъ въ древности думали нѣкоторые), гдѣ и похороненъ на государственный счетъ. Могила его, по словамъ Эліяна, находилась не далеко отъ городскихъ воротъ, при входѣ, по правой сторонѣ и окружена была стѣною. Аристотель, поэтъ Кратинъ и нѣкоторые другіе древніе писатели, говоря о смерти Солона, разсказываютъ, что трупъ его былъ сожженъ и пепелъ разсѣянъ по острову Саламину. Плутархъ извѣстіе это считаетъ нелѣпымъ и баснословнымъ [1]). Но чтобы извѣстіе это [2]), имѣющее за собою авторитетъ Аристотеля, согласно съ Плутархомъ, категорически могло бы быть названо выдуманнымъ и нелѣпымъ, для этого, какъ кажется, особенныхъ основаній нѣтъ.

---

[1]) Plut. Sol. XXXII.

[2]) Diog. Laert. Sol. 35. Въ подтвержденіе этого извѣстія Діогенъ Лаэртій приводитъ слѣдующее четырехстишіе изъ книги Памметронъ:

Σῶμα μὲν ἦρε Σόλωνος ἐν ἀλλοδαπῇ Κύπριον πῦρ·
ὀστὰ δ' ἔχει Σαλαμίς, ὧν κόνις ἀσταχυες.
ψυχὴν δ' ἄξονες ἐς εὐθὺς οὐρανὸν ἤγαγον· εὖ γὰρ
θῆκε νόμους ἀστοῖς ἄχθεα κουφότατα.

